Убик

Филип Киндред Дик

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роман знаменитого американского писателя Филипа К. Дика «Убик» – одно из наиболее странных и необычных произведений в современной фантастике. Мир «Убика» – это мир будущего, в котором существуют могущественные корпорации телепатов и антителепатов, ведущиемежду собой постоянную войну. Но это и мир прошлого, в котором время идет вспять, съедая людей и созданные ими вещи еще до того, как они появились на свет. Наконец, это мир по ту сторону жизни, мир мораториумов, в стеклянных гробах которых веками лежат замороженные люди; в глубинах их сознания еще теплится разум – они мыслят, чувствуют, страдают, общаются между собой и внешним миром и – пытаются выжить, выжить любой ценой.

- Филип К. Дик
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Филип К. Дик
Убик

*Посвящается **Тони Бучеру***

Ich sih die liehte heide
in gruner varwe start
dar suln wir alle gehen,
die sumerzeit enphahen.

Я вижу лес зеленый,
весь залитый светом.
Туда пойдем мы скоро,
чтобы встретить лето.

Глава 1

Друзья! Настало время распродаж! Бесшумные восхитительные «Убики» мы отдаем почти даром! Не смотрите на ценники!

Но помните: каждый «Убик» должен использоваться строго по инструкции.

Пятого июня одна тысяча девятьсот девяносто второго года в три часа тридцать минут пополуночи лучший телепат Солнечной системы исчез с карты нью-йоркского бюро Ассоциации Рансайтера. Впрочем, за последние два месяца Ассоциация потеряла след стольких людей Холлиса, что еще одно исчезновение погоды не делало. Дежурный техник набрал нужный номер…

– Мистер Рансайтер, простите за беспокойство… – техник поперхнулся, когда на экране видеофона появилась массивная взлохмаченная голова Глена Рансайтера. – Пришло сообщение от одного из инерциалов… сейчас найду… – Он зарылся в груду телетайпных лент. – Ага, вот. Мисс Дорн сообщает… вы помните, конечно, она отправилась за ним в Грин-Ривер, штат Юта…

– За ним – это за кем? – Как всякий разбуженный среди ночи человек, Рансайтер быстро потерял терпение. – Не могу же я помнить наперечет, кто за каким телепатом гоняется!.. – Он пригладил жесткие седые волосы. – Ладно. Кого мы проворонили на этот раз?

– С. Доула Мелипоуна, – сказал техник.

– Издеваетесь?

– Сэр!.. Эди Дорн проследила его до мотеля «Пещера Эротических Кошмаров», это такое подземелье на шестьдесят номеров, там бизнесмены развлекаются со своими девками и не терпят посторонних. Эди уверена, что он бездействовал, но мы на всякий случай послали туда нашего телепата, мистера Эшвуда, и он засек характерные помехи вокруг сознания Мелипоуна. Поэтому сделать он ничего не мог и вернулся в Топику, там он вербует нового сотрудника…

Рансайтер закурил. Струйка дыма потекла вверх, пересекая экран.

– А вы уверены, что это действительно был Мелипоун? Никто ведь не знает, как он выглядит. Матрицу лица он меняет каждый месяц…

– Джо Чип произвел замеры. Напряженность телепатической ауры в некоторых точках превысила шестьдесят восемь единиц.

Это Мелипоун. Поэтому мы воткнули его флажок в карту. А теперь он исчез.

– Может быть, он на полу? Или завалился за карту?

– Сэр!.. Нет, этого человека уже нет на Земле. И, насколько мы можем судить, нет вообще в колонизованной зоне.

– Придется обращаться к моей умершей жене, – сказал Рансайтер.

– Ночь, – напомнил техник. – Мораториумы закрыты.

– Наш мораториум в Швейцарии… – Улыбка Рансайтера страдальчески исказилась, будто полуночные флюиды затрудняли дыхание. – Продолжайте работать.

Он положил трубку. Экран погас.

Как владелец Мораториума Возлюбленных Собратьев, Герберт Шэнхайт фон Фогельзанг приходил на работу раньше своих сотрудников. Сегодня, входя в заледенелое гулкое здание, он увидел, что его уже ждут. Мужчина в черных, почти непрозрачных очках, одетый в блейзер из переливающегося меха и остроносые желтые ботинки, сжимал в руке бланк требования. Очевидно, он хотел повидаться с кем-то из родственников. Приближался День Воскрешения – праздник полуживущих, – и следовало ожидать скорого наплыва посетителей.

– Да, сэр? – Герберт вежливо улыбнулся. – Позвольте, я лично приму ваше требование.

– Это старая леди, – сказал клиент. – Около восьмидесяти, очень маленькая и худенькая. Моя бабушка.

– Один момент, – Герберт направился в сторону холодильных камер, чтобы отыскать номер 3054039-Б.

Найдя его, он изучил персональную карту. Из записей следовало, что старушке осталось всего пятнадцать дней полужизни. Не так уж много, подумал Герберт, прикладывая переносной усилитель протофазонов к прозрачной пластиковой крышке гроба. Он настроил его и прислушался.

Из динамика донесся слабый голос:

– …как раз тогда Тилли повредила лодыжку, и мы думали, что она никогда не поправится, она была глупенькая и хотела сразу же начать ходить…

Удовлетворенный, он отключил динамик и вызвал служителя, распорядившись доставить номер 3054039-Б в зал свиданий, где клиент мог бы пообщаться со старой леди.

– Вы проверили, все в порядке? – спросил клиент, отсчитывая положенную сумму.

– Проверил лично, – сказал Герберт. – Все работает прекрасно. – Он пощелкал переключателями и сделал шаг

назад. – Счастливого Дня Воскрешения, сэр.

– Спасибо. – Клиент сел, наклонился над окутанным морозным паром гробом, надел наушники и твердо заговорил в микрофон: – Флора! Флора, дорогая, ты слышишь меня? Я тебя уже слышу. Флора!

Когда я сыграю в этот ящик, подумал Герберт, я распоряжусь, чтобы меня оживляли на один день в столетие. Так я смогу проследить судьбу всего рода людского. Правда, платить за это придется… уж он-то знал сколько. В конце концов, родственники взбунтуются и распорядятся – храни, Господь! – закопать тело…

– Варварство, – пробормотал он вслух. – Похороны – это каменный век.

– Разумеется, шеф, – оторвавшись от пишущей машинки, согласилась секретарша.

В зале свиданий собралось уже несколько клиентов, беседующих со своими родственниками. Они сидели чинно, поодаль друг от друга, каждый наедине со своим гробом. Вид людей, регулярно навещающих умерших, сохраняющих им верность и почтение, поддерживающих в них бодрость, – вид этих людей успокаивал Герберта. Кроме того, они ему платили. Это был неплохой бизнес – содержать мораториум.

Молодой человек жестом привлек к себе внимание Герберта.

– Мой отец, кажется, не очень хорошо себя чувствует, – сказал он. – Будьте любезны, уделите ему немного времени и проверьте, в чем дело. Я был бы весьма признателен…

– Разумеется, – ответил Герберт.

Одного взгляда на контрольную карту было достаточно, чтобы понять причину происходящего. Старику осталось всего несколько дней полужизни. Впрочем… Герберт повозился с настройкой усилителя, и голос полуживущего стал чуть яснее. Он на грани истощения, подумал Герберт. Сын не посмотрел в контрольную карту, потому что на самом деле не желал знать о том, что это его последняя встреча с отцом. И Герберт ушел, не сказав ему ни слова. Зачем? Скоро все выяснится само собой.

На погрузочную платформу, расположенную позади мораториума, въехал грузовик. Из кабины вышли двое, одетые в знакомую голубую униформу: «Атлас Интерплэн, перевозки и хранение». Или привезли еще одного полуживущего, подумал Герберт, или забирают кого-то, кто уже выдохся. Он лениво повернулся, чтобы пойти и узнать, в чем дело, но тут его окликнула секретарша:

– Герр фон Фогельзанг, простите, что прерываю вашу медитацию, но один из клиентов просит, чтобы вы лично помогли разбудить его родственника, – и голос ее как-то по-особому

изменился, когда она добавила: – Это мистер Глен Рансайтер, он только что прилетел прямо из Североамериканской Конфедерации.

Крупный стареющий мужчина с большими руками быстрым энергичным шагом подошел к Герберту. На нем был немнущийся разноцветный дакроновый костюм, вязаный пояс и шарф немыслимого цвета, наводящего на мысли об утопленниках. Голова его, по-кошачьи круглая, качнулась в поклоне, в то время как глаза, выпуклые, быстрые и настороженные, перебегали с предмета на предмет, задержались на миг на Герберте и тут же пустились дальше, и Герберту показалось, что – в будущее.

– Как там моя Элла? – прогудел Рансайтер; казалось, его голос усиливает какое-то электронное устройство. – Готова к побудке? Вообще-то в двадцать лет положено просыпаться мгновенно – не в пример нам, старым развалинам…

Он рассмеялся посторонним смехом; он вообще всегда смеялся, улыбался, голос его гудел – но в действительности он никого не замечал и ни о ком не думал. Это тело его улыбалось, кивало, пожимало руки; мысли его блуждали далеко отсюда. Рассеянно-дружелюбным жестом он пригласил Герберта следовать за ним и быстро зашагал к холодильным камерам, где лежали полуживущие, и среди них – его жена.

– Давненько же вы не навещали нас, мистер Рансайтер, – сказал Герберт; он никак не мог вспомнить данных контрольной карты миссис Рансайтер и какой срок полужизни ей еще остается.

Не останавливаясь, Рансайтер приобнял Герберта за плечи и сказал:

– Слишком ответственная работа, герр Фогельзанг. Мы – то есть я и мои сотрудники – столкнулись с явлением, которое не находит пока никакого разумного объяснения. Я не могу раскрывать детали, но мы прослеживаем некоторые очень зловещие признаки… хотя надежды не теряем. Источник всей этой гадости не выявляется, вот что плохо. Где Элла? – Он остановился, озираясь.

– Я доставлю ее вам в зал свиданий, – сказал Герберт. Клиентам не полагалось входить в хранилища. – У вас есть жетон с ее номером?

– Господи, нет, конечно. Я давно его потерял. Но вы же знаете мою жену. Элла Рансайтер, двадцати лет. Шатенка, глаза карие, – он нетерпеливо огляделся. – Где этот ваш зал? Сделайте так, чтобы я его долго не искал.

– Проводите мистера Рансайтера в зал свиданий, – приказал Герберт одному из служащих, который крутился неподалеку, желая рассмотреть получше известного на весь мир владельца

организации анти-пси.

Заглянув в зал, Рансайтер с отвращением бросил:

– Тут переполнено. Я не могу разговаривать с Эллой на таком базаре. Мистер Фогельзанг!

Догнав Герберта, он вновь водрузил на его плечо свою мощную лапу, и Герберт почувствовал ее тяжесть и убеждающую силу.

– Неужели у вас не найдется более уединенного места для беседы? Я хотел бы обсудить со своей женой вопросы, которые Ассоциация не намерена делать предметом публичного диспута.

– Может быть, вы побеседуете с женой в одном из наших офисов, сэр? – предложил Герберт. Голос и энергия Рансайтера подавляли его. Интересно, что могло произойти и какая сила заставила Рансайтера покинуть свою резиденцию и отправиться в позднее паломничество сюда, в Мораториум Возлюбленных Собратьев, чтобы разбудить – так он это назвал – свою полуживущую жену. Какой-нибудь деловой кризис, скорее всего. В последнее время тон реклам, помещаемых в телепрограммах и домашних газетах, стал невозможно крикливым и навязчивым. Берегите ваши тайны! – призывали различные компании анти-пси в любое время и по всем каналам. Вы уверены, что вы одни? Что вы действительно одни? Это насчет телепатов… а еще этот тошнотворный страх перед предсказателями… Вдруг твои действия заранее известны кому-то, с кем ты даже не знаком? С кем не хотел бы встречаться и уж тем более – впускать в свой дом? Избавься от неуверенности: в ближайшем пункте предупреждения установят, не являешься ли ты жертвой негласного вторжения, а затем – по твоему желанию – защитят тебя от него. Плата умеренная.

Пункты предупреждения… Герберту нравился этот термин. В нем сочетались достоинство и точность. Два года назад ему пришлось прибегнуть к их услугам. Из каких-то неизвестных соображений неустановленный телепат подверг инфильтрации здание мораториума. Возможно, для перехвата информации, которой обменивались клиенты с полуживущими родственниками. А может быть, дело касалось какой-то определенной особы, хранящейся в мораториуме. Так или иначе, разведчик одной из компаний анти-пси обнаружил телепатическое поле и сообщил об этом. Герберт подписал контракт, и антителепат расположился на территории мораториума. Выловить телепата не удалось, но воздействие его было нейтрализовано в полном соответствии с рекламными проспектами. Мораториум был освобожден от пси-влияния, но пункт предупреждения подвергал проверке ежемесячно весь

персонал…

– Благодарю вас, мистер Фогельзанг, – прогудел Рансайтер, входя в сопровождении Герберта в пустую пропылившуюся комнату, хранилище микродокументации.

Конечно, продолжал размышлять Герберт, я поверил им на слово, что телепат действительно пытался проникнуть сюда.

Да, они показали мне какой-то график, на который и ссылались как на доказательство – но откуда я знаю, что этот график не был сфабрикован ими? И точно так же на слово я поверил им, что телепат убрался. Пришел, ушел – а я заплатил две тысячи поскредов. Вполне может оказаться, что пункты предупреждения – это банды рэкетиров, которые навязывают всем свои услуги по устранению придуманной опасности…

Размышляя об этом, он направился в архив. На этот раз Рансайтер не пошел вместе с ним; опустившись на стул, он заворочался, пытаясь устроиться поудобнее. Стул жалобно скрипел. Рансайтер вздыхал, и Герберт понял вдруг, что этот крепкий, расточающий энергию человек страшно, смертельно устал… Когда вас забрасывает на такую высоту, подумал Герберт, поневоле приходится вести себя определенным образом. Корчить из себя супермена, не подверженного человеческим слабостям. Наверняка в тело Рансайтера всажена дюжина-другая искусственных органов, чтобы поддержать или заменить те, которые не справляются с перегрузками. И все для того, чтобы мозг работал на пределе возможного… и без того великолепный мозг. Интересно, сколько ему лет? Теперь по внешнему виду вообще невозможно определить чей-либо возраст, особенно если человеку за девяносто…

– Мисс Бисон, – сказал он секретарше, – найдите, пожалуйста, миссис Эллу Рансайтер и сообщите мне ее номер. И пусть ее доставят в офис 2-А.

Он опустился на стул напротив нее и подцепил щепоть нюхательного табака «Принцы» производства Фрайбурга и Трэйера, а мисс Бисон приступила к исполнению этого сравнительно простого поручения.

Глава 2

Хотите пива? Закажите «Убик»!Из отборного хмеля и чистейшей воды, подвергнутое медленному брожению, пиво «Убик» обладает уникальным вкусом и, без сомнения, является лучшим пивом в стране!

Производится только в Кливленде.

Элла Рансайтер лежала, вытянувшись, в своем прозрачном заиндевевшем гробу. Глаза ее были закрыты, а руки, недонесенные до лица, замерли раз и навсегда. Три года прошло с тех пор, когда он видел ее в последний раз… Конечно, она не изменилась – и никогда уже не изменится. По крайней мере внешне. Но каждое возвращение к полужизни, каждая активация приближали ее к окончательной смерти.

Знание того, что общение с ней стоит так дорого, заставляло Рансайтера делать это как можно реже. Главным желанием Эллы, высказанным еще до смерти и при первых пробуждениях, было продолжение участия в делах Ассоциации. Что ж, он исполнял это. Например, сейчас. И шесть или семь раз в прошлом. Он действительно советовался с ней в критические моменты. Как, например, сегодня…

К дьяволу эти наушники, раздраженно подумал он, приспосабливая на голове пластмассовые диски. И этот микрофон… Какое тут может быть общение?.. Его все раздражало: и неудобный стул, который Фогельзанг – или как его там? – подсунул ему, и то, как медленно Элла приходит в чувство. Его вдруг охватила паника: а что, если силы ее уже исчерпаны, а они ему этого не сказали? Скрывают или даже не знают сами? Может быть, стоит вызвать этого типа, Фогельзанга, и потребовать объяснений? Может быть, они совершили какую-то чудовищную ошибку?..

Элла, нежная, незабываемая… как блестели ее глаза, когда она могла открывать их… Этого больше не будет никогда. С ней можно говорить, можно слышать ее голос… но она никогда не откроет глаза и не шевельнет губами. Не улыбнется ему. Не заплачет, когда он уйдет. Чем все это лучше старого доброго исхода, прямой дороги от жизни к могиле? Выбора нет, оборвал он себя. Она все еще со мной…

В наушнике неразборчиво зазвучали слова, путаные, бессмысленные фразы, фрагменты того таинственного сна, в котором она сейчас пребывала. Что там, в полужизни? – не раз задумывался он. Из рассказов Эллы понять этого не удавалось. Ни

понять, ни представить. Тяжесть, сказала она однажды. Тяжесть постепенно исчезает, и ты паришь, паришь… а когда полужизнь прекращается, ты покидаешь Систему и летишь прямо к звездам. Впрочем, точно она этого не знала, а лишь предполагала. В то же время страха она не испытывала.

Что же, хорошо и это…

– Привет, Элла, – смущенно сказал Рансайтер в микрофон.

– Ох… – в ее голосе послышалась растерянность. – Здравствуй, Глен, – нет, не растерянность – радостное детское изумление. – Что… Столько времени прошло?

Лицо ее оставалось неподвижным, и Рансайтер отвел глаза.

– Пара лет – сказал он.

– Расскажи, что происходит?

– Боже мой, – сказал он, – все разваливается. Вся организация. Потому я и здесь: ведь ты сама хотела участвовать в планировании перспективной политики Ассоциации… и – Господь свидетель – нам позарез нужна именно новая политика или, по крайней мере, создание новой системы разведки.

– Мне снилось… – сказала Элла. – Я видела клубящийся красный свет. Это было ужасно. И все-таки я шла к нему. Я не могла остановиться.

– Да, – сказал Рансайтер. – «Бардо Тодол», «Тибетская Книга Мертвых»… ты помнишь ее? Доктора рекомендовали тебе перечитать ее, когда ты… – он запнулся, потом продолжил: – Когда ты умирала.

– Клубящийся красный свет, – повторила Элла. – Это что-то плохое, да?

– Да, его следует избегать. – Он откашлялся. – Слушай, Элла, у нас большие проблемы. Ты в силах выслушать меня? Не хотелось бы тебя перегружать, и если ты устала, то мы можем просто поболтать…

– Непонятно… Кажется, это снилось мне непрерывно с того нашего последнего разговора. Неужели действительно прошло два года? Знаешь, Глен, что я думаю? Что мы – те, которые здесь, – все больше и больше проникаем друг в друга. Все больше моих снов вовсе не обо мне. Я то мужчина, то старуха, то маленький ребенок… я бываю в местах, которых никогда в жизни не видела, и совершаю не свои поступки…

– Говорят, так бывает, когда изменяешься, готовясь к новой жизни. А клубящийся красный свет означает плохое перерождение, и тебе не следует идти в том направлении. Так что, скорее всего, ты уже начинаешь предчувствовать свою следующую жизнь.

Он испытывал неловкость, произнося все это. Собственных

теологических убеждений у него не было. Но явление полужизни было реальностью, а такая реальность кого хочешь сделает теологом…

– Так вот, – начал он, меняя тему. – Я расскажу тебе, что произошло и почему я решил тебя побеспокоить. С. Доул Мелипоун исчез из-под наблюдения.

Повисла мгновенная тишина, а потом Элла рассмеялась.

– С. Доул Мелипоун – кто он или что это? Даже не верится, что может существовать нечто с таким названием.

Смех Эллы, теплый, грудной, заставил Рансайтера сжаться; прошло уже столько лет, а этот смех не забывался. Да, больше десяти лет…

– Ты, наверное, забыла, – сказал Рансайтер.

– Такое не забудешь. С. Доул Мелипоун… Это, случайно, не хоббит?

– Это лучший телепат Раймонда Холлиса. Полтора года назад его засек Джи-Джи Эшвуд, и с тех пор на нем постоянно висит кто-то из наших инерциалов. Мы никогда не теряем его из виду – просто не можем позволить себе такой роскоши. Потому что он по крайней мере вдвое сильнее любого известного нам телепата. И вот он исчез – в числе множества прочих людей Холлиса. Никто ничего не понимает. Вот я и подумал: черт побери, надо спросить Эллу, что она думает по этому поводу. Ты же писала об этом в завещании…

– Да, я помню… – сказала она тихо. – Дайте объявление по ТВ. Предупредите людей… – голос ее слабел и исчезал. – Скажите им…

– Это изматывает тебя, – с сожалением заметил Рансайтер.

– Нет, просто… – Она будто уплывала – все дальше и дальше. – Исчезают только телепаты? – спросила она после паузы.

– Телепаты и предсказатели. На Земле их нет, это точно. Множество наших инерциалов болтаются без дела, потому что их подопечные испарились. И это меня страшно тревожит – не то, конечно, что заказов на услуги инерциалов стало меньше, а то, что мы ничего не понимаем в происходящем. Я подозреваю, что все эти исчезнувшие сидят где-то и работают над чем-то – все вместе и над одной задачей. Кто-то их нанял, всю их банду, но только Холлис знает, кто и зачем. И что вообще все это значит.

Он говорил, а мрачные сомнения все больше овладевали им. Чем может Элла помочь ему? Лежащая в гробу, вымороженная из мира – она знала только то, что он сам ей говорил. И все же… какая-то особая проницательность, женская форма мудрости, основанная не на знаниях и опыте, а на чем-то глубинном, необъяснимом, была ей присуща. Вникнуть в это невозможно, он

убедился еще тогда, когда Элла была жива, и тем более невозможно было вникнуть в это теперь… Другие женщины, которых он знал – их сменилось несколько за последние десять лет – обладали этими способностями в зачаточной степени. Природа только намекнула им на огромные возможности… в отличие от Эллы.

– Что он за человек, этот Мелипоун? – спросила Элла.

– У него мозги набекрень.

– Но работает он за деньги? Или энтузиаст? Меня всегда мутит, когда они начинают рассуждать обо всей этой пси-мистике, об ощущении смысла бытия и о космической идентификации. Как тот мерзкий Сарапис, помнишь его?

– Сараписа уже нет, – сказал Рансайтер. – Похоже, Холлис его убрал, потому что Сарапис хотел основать собственное дело. Но кто-то из предсказателей Холлиса раскрыл этот план… Мелипоун куда более крепкий орешек. Когда он в ударе, требуется минимум трое инерциалов для нейтрализации его поля, а это крайне невыгодно – ведь заказчик платит те же самые деньги. Объединение ввело прейскурант, который связал нас по рукам и ногам… – Объединение было давней головной болью Рансайтера. Одни расходы и гонор – при полной бесполезности. – Насколько я могу судить, Мелипоуна в первую очередь интересуют деньги. Но что это нам дает?

Ответа не последовало.

– Элла! – позвал он.

Тишина.

– Элла, Элла, я здесь, я слушаю тебя! Ты меня слышишь? Элла, что случилось? – О боже, подумал он, это конец…

Долгое молчание нарушилось далеким шепотом:

– Меня зовут Джори.

Это была не Элла: совсем другой темп и тембр голоса.

– Положите трубку, – крикнул Рансайтер, охваченный внезапной паникой. – Я говорю со своей женой, откуда вы тут взялись?

– Я Джори, и никто не хочет говорить со мной. Я хочу побыть с вами, если вы не возражаете. Как вас зовут?

Задыхаясь, Рансайтер проговорил:

– Мне нужна моя жена, миссис Элла Рансайтер. Я заплатил за разговор с ней, а это значит, что я хочу говорить именно с ней, а не с вами!

– Я знаю миссис Рансайтер, – голос стал намного сильнее, – она разговаривает со мной, но ведь она одна из нас, и беседовать с ней – это совсем не то, что с вами. Она не знает ничего такого, чего не знают все остальные. А какой сейчас год, мистер? Уже

отправили тот большой корабль к Проксиме? Я этим очень интересуюсь, не расскажете ли мне что-нибудь? Если хотите, я потом перескажу это миссис Рансайтер, хорошо?

Рансайтер сорвал с себя наушники и прочие приспособления и выбежал из душной, пропыленной комнаты. Он несся между рядами промороженных саркофагов, и служащие мораториума возникали перед ним и тут же исчезали. Он искал владельца.

– Что-нибудь случилось, мистер Рансайтер? – Фон Фогельзанг шагнул ему навстречу. – Я могу чем-то помочь?

– Какая-то штука завелась в проводах, – Рансайтер остановился, переводя дыхание. – Вместо Эллы. Черт побери вашу банду и ваш показушный бизнес. Если бы я так вел свои дела… – Продолжая бормотать ругательства, он двинулся следом за владельцем мораториума в направлении офиса 2-А.

– Тот, кто с вами говорил, – он представился? – спросил фон Фогельзанг.

– Да, он сказал, что его зовут Джори…

– Это, должно быть, Джори Миллер, – в голосе фон Фогельзанга зазвучала тревога. – Кажется, он в саркофаге лежит рядом с вашей женой…

– Но я же вижу, что это Элла!

– Дело в том, что со временем ментальности полуживущих осуществляют взаимопроникновение, своеобразный осмос. Активность мозга Джори чрезвычайно высока, вашей жены – сравнительно низка. Это вызывает однонаправленное перераспределение протофазонов…

– Исправить вы это можете? – хрипло спросил Рансайтер. Он чувствовал, что потрясение еще не прошло. Потрясение, злость и усталость. – Уберите эту дрянь из сознания моей жены и верните ее назад. Это ваша работа.

– Если такое положение вещей сохранится, – официальным тоном сказал фон Фогельзанг, – ваши деньги будут вам возвращены.

– К черту деньги! – Они вошли в комнату 2-А. Рансайтер неуверенно сел; сердце его стучало так, что он едва мог говорить. – Если вы не выкинете этого Джори, я возбужу против вас судебное дело. Я закрою к дьяволу вашу лавочку!

Наклонившись над гробом, фон Фогельзанг прижал к уху динамик и заговорил в микрофон:

– Выйди из фазы, Джори, ты же хороший мальчик. – Покосившись на Рансайтера, он объяснил: – Джори умер пятнадцатилетним, поэтому в нем столько энергии. Честно говоря, уже случалось, что он появляется там, где появляться не должен. – Он снова заговорил в микрофон: – Джори, Джори, ты

ведешь себя некрасиво. Мистер Рансайтер прилетел издалека, чтобы побеседовать со своей женой. Не заглушай ее голос, Джори, это невежливо. – Он замолчал, слушая ответ. – Я знаю, что ее сигналы слабые… – Какое-то время он слушал, важный, как большая лягушка, потом отложил наушники и встал.

– Что он сказал? – Рансайтер приподнялся. – Он уберется из Эллы? Я смогу с ней поговорить?

– Джори ничего не может сделать, – сказал фон Фогельзанг. – Представьте себе два радиопередатчика: один расположен поблизости, но мощность его мала, а другой – далеко, но мощность его в десять раз больше. Когда наступает ночь…

– Она наступила, – сказал Рансайтер.

Наступила для Эллы – а может быть, и для него. Если не удастся найти всех этих телепатов, паракинетиков, предсказателей, воскресителей…

– Там, в саркофаге, мы постараемся отделить ее от Джори, – продолжал болтать фон Фогельзанг, – а если вы согласитесь на некоторое удорожание обслуживания, мы переместим ее в отдельную, надежно изолированную камеру с покрытием из тефлона-26, который подавляет гетеропсихическую инфузию, будь то Джори или кто-нибудь еще…

– Еще не поздно? – мгновенно переходя от отчаяния к надежде, спросил Рансайтер.

– Да, ее возвращение вполне возможно, как только Джори выйдет из ее фазы. Плюс те, кто еще проник в нее. Она слишком слаба и доступна… – Фон Фогельзанг покусал губу, обдумывая ситуацию. – Но ей может не понравиться изоляция, мистер Рансайтер. Мы не случайно помещаем контейнеры – или гробы, как их неправильно называют, – так близко друг к другу. Блуждание в чужих мыслях для полуживущих – это их единственная…

– Поместите ее отдельно прямо сейчас, – перебил его Рансайтер. – Пусть уж она побудет в изоляции, чем перестанет существовать.

– Она не перестала существовать. Она существует. Она просто не может вступить в контакт с вами.

– Это метафизическая разница. Для меня она значения не имеет.

– Хорошо, я помещу ее отдельно – согласился фон Фогельзанг. – Но в каком-то смысле вы правы: уже поздно. Джори поселился в ней навсегда. Мне очень жаль.

– Мне тоже, – резко сказал Рансайтер.

Глава 3

Растворимый «Убик» наполнит вашу кухню свежим ароматом только что сваренного кофе. Муж скажет: «Боже, Салли, а я думал, что кофе – это та бурда, которую ты обычно варишь. Нет, это – потрясающе!!!»

Сохраняет свои качества только при соблюдении инструкции.

Все еще в своей полосатой клоунской пижаме, Джо Чип осторожно присел у кухонного стола, закурил и, опустив десятицентовик в прорезь, стал вяло накручивать диск взятого недавно напрокат газетного автомата. Страдая с похмелья, он пропустил «межпланетные новости», поколебался, но тоже пропустил «местные новости» и, наконец, остановился на «сплетнях».

– К вашим услугам, сэр, – проникновенно произнес газетный автомат. – Сплетни. Угадайте, чем занят сейчас Стэнтон Мик, отшельник и всемирно известный биржевик и финансист?

Аппарат зажужжал и выплюнул тут же свернувшийся в трубочку лист бумаги. Трубочка, мелькнув разноцветными буквами, скатилась на пол. Морщась от нахлынувшей головной боли, Чип поднял ее и развернул.

МИК ПРОСИТ У МИРОВОГО БАНКА ДВА ТРИЛЛИОНА!

(АП) Лондон. Для чего могут понадобиться такие деньги СТЭНТОНУ МИКУ, отшельнику и всемирно известному биржевику и финансисту? – этот вопрос не дает покоя бизнесменам с тех пор, когда сквозь стены Уайтхолла просочился слух о том, что полный энергии эксцентричный магнат, в свое время предложивший Израилю бесплатную космическую флотилию для возрождения пустынь Марса, попросил – и, возможно, получил – невообразимый кредит в размере…

– Это не сплетни, – сказал Джо Чип автомату. – Это спекуляции вокруг финансовых сделок. А я хочу почитать о том, как какая-нибудь телезвезда спит сейчас с чьей-нибудь наркоманкой-женой…

Джо, как обычно, не выспался. По крайней мере, у него был недобор «быстрого сна» – того подлинного сна, когда мозг отдыхает. Принимать же снотворное на ночь он не стал, так как запас стимуляторов в аптечке жилого блока иссяк. Иссяк, конечно, из-за собственной его невоздержанности, винить некого; теперь, согласно закону, он мог воспользоваться аптечкой только во вторник – то есть через два дня. Два невозможно долгих дня…

– Прошу вас настроить меня на «бульварные сплетни», –

сказал автомат.

Джо повернул диск, и автомат выплюнул еще одну бумажную трубочку. Сначала Джо рассмотрел замечательную карикатуру, изображавшую Лолу Хертцбург-Райт, и даже облизнулся от удовольствия при виде ее правого ушка, игриво выставленного на всеобщее обозрение. Потом он прочитал текст.

> «Минувшим вечером в одном из модных ночных клубов Нью-Йорка внимание ЛОЛЫ ХЕРТЦБУРГ-РАЙТ привлек карманный вор. Мощным ударом правой в челюсть она отправила его на стол, за которым король Швеции ЭГОН ГРОТ и неизвестная мисс, обладательница изумительно большого…»

Вздрогнув от резкого звука дверного звонка, Джо Чип удивленно поднял глаза и обнаружил, что его сигарета намеревается прожечь бакелитовую поверхность отделанной под тик столешницы. Справившись с этой проблемой, он потащился, волоча ноги, к переговорному устройству. Кто бы это мог быть, ворчал он, еще нет и восьми? Скорее всего, робот, собирающий квартирную плату. Или кредитор. Поэтому дверь отпирать он не стал.

Из динамика донесся бодрый мужской голос:

– Я знаю, что еще очень рано, Джо, но я только что приехал. Это я, Джи-Джи Эшвуд. Я привез рекрута, которого нашел в Топике. По-моему, это великолепная находка. Я хочу, чтобы ты подтвердил это, прежде чем предлагать товар Рансайтеру. Тем более, он в Швейцарии.

– Контрольных приборов у меня дома все равно нет, – сказал Джо.

– Я сгоняю в контору и привезу.

– Они не в конторе, – неохотно признался Джо. – Они в моей машине. Мне не хотелось вчера таскаться туда-сюда… – На самом деле он надрался до такой степени, что был просто не в состоянии открыть багажник. – Неужели ты не можешь подождать до девяти?

Настроение у него окончательно испортилось. Со своей маниакальной целеустремленностью Эшвуд мог достать кого угодно, и сейчас, в семь сорок утра, он сразил Джо наповал – хуже даже, чем кредитор…

– Чип, дружочек, у меня тут с собой совершенно потрясающий экземпляр, ходячая кунсткамера, которая разнесет в клочки все твои тестеры, а в придачу вдохнет новую жизнь в нашу фирму. Кроме того…

– Это анти-кто? – спросил Джо. – Телепат?

– Я выложу вам всю правду о делах на фронте, – продекламировал Эшвуд. – Понимаешь, Джо, я сам не знаю. Но дело очень серьезное. Слушай, я не могу стоять тут и трепаться на всю округу. Я уже поймал мысли какого-то типа с первого этажа, и он…

– Ладно, – сказал Джо Чип, сдаваясь. Однажды начав свой монолог, Джи-Джи мог продолжать его до бесконечности. Он мог заставить прислушаться к себе. – Дай мне пять минут, чтобы одеться и проверить, не осталось ли где немного кофе…

Джо смутно помнил, что вчера вечером делал покупки в супермаркете и что, в частности, отрывал зеленый талон, дававший право на покупку чая, кофе, сигарет или модного импортного нюхательного табака.

– Она тебе понравится, – сказал Эшвуд. – Хотя, как это часто бывает, она дочь…

– Она? – встревожился Джо. – Но моя квартира не убрана! Я задолжал роботам-уборщикам, и они две недели не показываются…

– Я спрошу, волнует ли это ее.

– Не спрашивай. Это волнует меня. Приводи ее в контору в рабочее время.

– Судя по ее мыслям, ей это безразлично – порядок у тебя или…

– Сколько ей лет? – Может, она еще ребенок, подумал он, у многих инерциалов способности развивались в детстве – особенно у тех, чьи родители были наделены пси-способностями.

– Сколько тебе лет, дорогая? – голос Джи-Джи прозвучал тихо, видимо, он отвернулся от микрофона. – Девятнадцать, – сообщил он Чипу.

Не ребенок. В Джо пробуждалось любопытство. Лихорадочную активность Джи-Джи вызывали только очень привлекательные женщины. Может быть, и эта из той же категории?

– Через пятнадцать минут – сказал он. За это время надо провернуть уборочную кампанию, даже пожертвовав кофе и завтраком. По крайней мере, сделать такую попытку…

Он дал отбой и принялся искать в кухонных шкафах метлу (простую или механическую) или пылесос (с автономным или сетевым питанием), но ни того ни другого не было. Возможно, из службы эксплуатации ему не приносили ни того ни другого. Черт возьми, узнать об этом только сейчас… а я живу здесь уже четыре года… Он включил видеофон и набрал номер 214 – службу эксплуатации здания.

– Послушайте, – сказал он, когда на экране появилось

синтезированное изображение. – Я намерен перевести некоторую часть моих капиталов в счет оплаты услуг ваших роботов-уборщиков. Я хотел бы, чтобы они поднялись ко мне прямо сейчас. Когда они закончат, я оплачу весь счет полностью.

– Сэр, вы должны вначале погасить задолженность, и только после этого роботы примутся за работу.

Чип открыл свою расчетную книжку и достал из нее стопку Магических Кредитных Ключей – большая часть из которых, впрочем, была уже недействительна. Вероятно, его сложные отношения с деньгами, платежами и налогами останутся такими навечно…

– Я переведу свою задолженность на счет, контролируемый Треугольным Магическим Ключом, – сказал он своему туманному противнику. – Таким образом, эти обязательства выйдут из-под вашей юрисдикции, а в ваших книгах это пройдет как полное погашение долга.

– Остаются еще штраф и проценты.

– Их я погашу своим Ключом В Форме Сердца…

– Мистер Чип, агентство Ферриса и Брокмана по надзору за розничными кредитами уже опубликовало циркуляр по поводу вашей платежеспособности. Мы получили его только вчера. Начиная с июля вы лишены статуса «Ж-3» и переведены в статус «Ж-4». Наш отдел – а по сути, все здание – теперь запрограммированы против обслуживания вас по каким бы то ни было кредитам. Такие жалкие аномалии, как вы, сэр, оплачивают любые услуги только наличными. Боюсь, что в таком положении вам предстоит оставаться до конца жизни, сэр.

Джо выключил видеофон. Надежды заманить роботов-уборщиков в этот хаос, служащий ему жилищем, не осталось. Он побрел в спальню одеваться. Слава богу, это он мог сделать без посторонней помощи.

Облачившись в спортивный халат каштанового цвета, туфли с загнутыми носами и феску с кисточкой, Джо обследовал кухню на предмет остатков кофе. Безрезультатно. Тогда он сосредоточил внимание на комнате – и за дверью, ведущей в ванную, нашел заляпанную грязью голубую накидку от дождя и пластиковый пакет с банкой настоящего кенийского кофе – величайшей роскошью, которую он мог позволить себе только в состоянии отключки. Особенно при нынешнем финансовом нокауте…

На кухне Джо порылся в карманах, нашел десятицентовик и с его помощью включил кофейник. Вдыхая необычный – для него – аромат, он взглянул на часы и обнаружил, что пятнадцать минут уже истекли. Он подошел к двери, повернул ручку и потянул задвижку. Дверь не поддавалась.

– Пять центов, пожалуйста, – сказала она.

Джо обшарил карманы – ничего. Пусто.

– Я заплачу тебе завтра, – сказал он двери. Снова подергал ручку – безрезультатно. – То, что я тебе плачу, – это, в сущности, чаевые. Я не обязан тебе платить.

– Я придерживаюсь иного мнения, – сказала дверь. – Загляните в контракт, который вы подписали при покупке этой квартиры.

Контракт лежал в ящике стола; Джо уже не раз к нему обращался. Да, плата за открывание и закрывание двери представляла собой обязательный сбор, а не чаевые.

– Вот видите, я права, – сказала дверь самодовольно.

Из посудного ящика Джо достал нож из нержавеющей стали и начал отвинчивать замок своей двери.

– Я подам на вас в суд, – сказала дверь, когда вывалился первый болт.

– Никогда в жизни еще не судился с дверью, – сказал Чип. – Но думаю, что смогу это пережить.

Раздался стук.

– Эй, Джо, мальчуган, открывай, это я, Эшвуд! Я привел ее.

– Брось пять центов в щель, – сказал Джо. – С моей стороны этот механизм заело.

Монета звякнула, упав, и дверь распахнулась. На пороге стоял Джи-Джи, сияя, как бриллиант. Полный триумф был написан на его лице, когда он посторонился, пропуская вперед себя девушку.

Она на секунду остановилась, рассматривая Джо. На вид ей было не больше семнадцати. Тонкая, загоревшая до бронзового оттенка. Огромные темные глаза. Боже, подумал Джо, да она прекрасна… На ней были рабочая рубашка из эрзац-холста и джинсы, а тяжелые ботинки, казалось, вымазаны настоящей грязью. Роскошная грива блестящих вьющихся волос была зачесана назад и перевязана красным цветастым платком. Закатанные рукава рубашки открывали сильные загорелые руки. На ремне висели нож, радиотелефон и сумка с аварийным запасом воды и пищи. На обнаженном предплечье Джо разобрал татуировку. CAVEAT EMPTOR. Хотел бы он знать, что это такое.

– Это Пат, – сказал Эшвуд, с показной фамильярностью обнимая девушку за талию. – Просто Пат, и все. – Квадратный и плотный, как кирпич, в своем повседневном мохеровом пончо, шляпе абрикосового цвета, лыжных гетрах и ковровых туфлях без задника, он двинулся к Чипу, излучая самодовольство каждой молекулой тела. Ведь он нашел нечто ценное и собирался взять от этого все. – Пат, а это лучший в нашей фирме специалист по

тестам электрического типа.

Холодно улыбнувшись, девушка посмотрела на Джо.

– Это вы электрического типа? Или ваши тесты?

– Уже не понять, – сказал Джо. – Все так смешалось…

Дух запустения и разрухи, царящий в его жилище, пропитывал все, и Джо понял, что эти миазмы коснулись и Пат…

– Садитесь, пожалуйста, – смущенно сказал он. – Выпьем по чашечке свежего кофе…

– Какая роскошь! – воскликнула Пат, усаживаясь за кухонный стол. Инстинктивно она сложила валяющиеся в беспорядке газеты в ровную стопу. – Неужели вы можете позволить себе натуральный кофе?

– Джо гребет деньги лопатой, – сказал Джи-Джи. – Незаменимый работник.. – Протянув руку, он вытащил сигарету из лежащей на столе пачки.

– Клади обратно! – потребовал Джо. – Сигареты кончаются, а последний зеленый талон я потратил на кофе.

– Я заплатил за вход, – напомнил Джи-Джи. Он протянул пачку девушке. – Джо разыгрывает вас, не обращайте внимания. Почему, думаете, у него такая квартира? Демонстрирует, что он творческая личность: все, мол, гении так живут. Так где твоя аппаратура, Джо? Мы теряем время.

– Вы странно одеты – сказал Джо девушке.

– Я ведь работаю под землей. Обслуживаю линии связи в кибуце Топика. По нашим законам, только женщины могут работать руками. Поэтому я там, а не, например, в кибуце Уичита-Фолз. – В ее темных глазах сверкнула гордость.

– А эта надпись на вашей руке, эта татуировка – она на еврейском? – спросил Джо.

– Нет, это латынь… – улыбка чуть тронула ее губы. – Слушайте, я никогда еще не видела такой захламленной квартиры. У вас что, нет любовницы?

– У этих типов – компьютерных экспертов – никогда нет времени для подобных глупостей, – проворчал Эшвуд. – Слушай, Чип, дело вот в чем: родители этой девушки работают на Холлиса. Если они узнают, что она была здесь, они сделают ей фронтальную лоботомию.

– Они знают о ваших способностях… э-э… противоположного свойства? – спросил Джо.

– Нет, – покачала она головой. – Я и сама не знала этого, пока ваш разведчик не подсел ко мне в кафе и не рассказал кое-что. Может быть, все это правда. Может быть, нет. Но он сказал, что вы можете установить это с помощью аппаратуры…

– Предположим, мы установили у вас наличие этих

способностей, – сказал Джо. – Что дальше?

– Ну… это как-то так… неприятно. Ничего не можешь: ни перемещать предметы, ни обращать камни в хлебы, ни зачинать без порока, ни лечить… ни читать мысли, ни заглядывать в будущее… Зато можно мешать другим делать все это. Смешно и глупо, – она махнула рукой.

– Как фактор выживания человечества, – сказал Джо, – это ничуть не менее важно, чем сами пси-способности. Особенно для нас, нормальных. Скажем, одни насекомые умеют летать – значит, другие должны уметь ткать паутину. Согласитесь, умение ткать паутину вовсе не равнозначно неумению летать. Устрицы отрастили себе раковину для защиты – птицы научились поднимать их в воздух и бросать на камни. То же самое и с людьми: вы охотитесь и – извините за сравнение – пожираете пси-одаренных, а они, в свою очередь, пожирают нормальных. Таким образом, вы друг нормальных. Баланс, замкнутый цикл, хищник – жертва… вечный круговорот.

– Меня могут обвинить в измене, – сказала Пат.

– Вас это волнует?

– Конечно. Многие станут относиться ко мне враждебно. Хотя… невозможно, наверное, жить и не вызывать чьей-то неприязни. Люди желают разного, и, доставляя удовольствие одному, ты раздражаешь другого…

– Так в чем же состоит ваш талант? – спросил Джо.

– Трудно сказать…

– Я тебе говорю – это нечто небывалое, я даже не слышал о подобном! – вмешался Эшвуд.

– И все же – какого рода пси-способности вы нейтрализуете?

– Предвидение, – сказала Пат. – Я так думаю. – Она кивнула на Эшвуда, все еще лучащегося энтузиазмом. – Ваш разведчик, мистер Эшвуд, растолковал мне кое-что… Я ведь знала, что могу делать нечто странное, еще с шести лет. Родителям я не признавалась – знала, что это им не понравится.

– Они предсказатели?

– Да.

– Тогда это им действительно не понравилось бы. Но если бы вы воспользовались своими способностями в их присутствии хоть раз – они поняли бы все. Как вам удалось сохранить это в тайне? Не пытались противодействовать им – или?..

– М-м… – Пат сделала неопределенный жест. – Похоже, что я им противодействовала, но они этого не заметили… – она замолчала в замешательстве.

– Минутку, – сказал Джо. – Дайте разберемся, как работает антипредсказатель. По крайней мере, как мы это понимаем.

Предсказатель воспринимает варианты будущего как, скажем, ячейки сот: он видит их все сразу, сверху, плотно упакованными… И одно из них, из будущих, светится – его он и выбирает. И после этого анти-пси сделать уже ничего не может. Он должен присутствовать при выборе. Тогда он делает так, что все варианты будущего выглядят одинаково, и предсказатель не может совершить выбор. Конечно, он немедленно понимает, что рядом работает инерциал…

– Она перемещается в прошлое, – сказал Эшвуд.

Джо уставился на него.

– В прошлое, – повторил Эшвуд. – Назад по времени… – Он был многозначителен, как толкователь древних текстов. – Предсказатель, на которого она воздействует, продолжает видеть доминирующий вариант будущего – как ты сказал, светящуюся ячейку сот. Но почему он видит именно эту ячейку? Потому что она, – махнул он рукой в сторону Пат, – потому что Пат уже побывала в прошлом и изменила его так, чтобы засветилась та самая ячейка. Изменяя прошлое, она изменяет и самого предсказателя. На него повлияли, а он и не подозревает об этом, он думает, что его талант работает, а на самом деле он предсказывает то, что сотворила для него Пат. Это первейшее преимущество ее таланта перед прочими анти-пси. Другое – не менее важное – это то, что она способна вмешаться уже после того, как предсказатель сделал свой выбор. Она способна вмешаться в любой момент! Ты же знаешь, какая это проблема – мы ведь всегда не успевали. Вообще, с предвидением было невозможно трудно бороться – труднее, чем со всем прочим, вместе взятым. Это было самое слабое звено в нашем сервисе, не так ли? – Он замолчал и выжидающе посмотрел на Джо.

– Интересно… – протянул Джо после короткого молчания.

– Да черт бы тебя побрал: интересно ему! – закричал Джи-Джи. – Это же величайший анти-талант, который только появлялся в мире до сих пор!

Тихо, почти шепотом, Пат сказала:

– Я не перемещаюсь в прошлое… Я действительно могу что-то делать, но мистер Эшвуд преподнес все в таких вселенских масштабах…

Она посмотрела Джо прямо в глаза, и он не понял, чего в ее взгляде больше: смущения или вызова.

– Я же читаю твои мысли! – раздраженно бросил Джи-Джи. – И я знаю, что ты способна именно изменять прошлое. И ты уже делала это.

– Да, я могу его изменить, но я вовсе не перемещаюсь в него, я не путешествую во времени, как вы это описали…

– Тогда как вы изменяете прошлое? – спросил Джо.

– Думаю о нем. О чем-то одном, конкретном… о происшествии, о том, что кто-то сказал. Или о каком-нибудь незначительном эпизоде, который был, а мне хотелось бы, чтобы его не было. Впервые это получилось у меня в шесть лет…

– В детстве она жила с родителями в Детройте, – перебил ее Эшвуд. – И разбила однажды керамическую антикварную статуэтку, которой отец очень дорожил…

– А разве он этого не мог предвидеть? – удивился Джо. – Ведь он же предсказатель.

– Он предвидел, – сказала Пат, – и даже наказал меня за неделю до того. Но вы же понимаете: они все знают, но ничего не могут поделать. И вот, после того как статуэтка действительно разбилась – точнее, после того как я ее расколотила, – я долго переживала и все вспоминала о той неделе, когда мне не давали сладкого и отправляли спать в пять часов вечера. Боженька, думала я – или как там еще дети думают? – неужели нельзя сделать так, чтобы эти несчастья миновали меня? Способности отца к предвидению не особенно занимали меня – потому, наверное, что он не мог влиять на события; я до сих пор испытываю к предсказателям что-то вроде презрения. И вот целый месяц я старалась заставить эту проклятую статуэтку снова стать целой. Я мысленно возвращалась в те дни, когда она еще не разбилась, и вспоминала, вспоминала ее… это было ужасно. И вот как-то раз я проснулась – а ночью мне все это снилось и снилось – и вдруг увидела, что она стоит, как стояла, на своем месте… – Взволнованная, Пат склонилась к Джо и закончила громким шепотом: – И ни мать, ни отец этого не заметили! Они считали, что она все время тут стояла! Только я одна помнила все…

Откинувшись на спинку стула, Пат взяла еще одну сигарету и закурила.

– Надо забрать приборы из машины, – сказал Джо и пошел к двери.

– Пять центов, пожалуйста, – сказала дверь.

– Заплати ей, – бросил Джо Эшвуду.

Притащив из автомобиля комплект тестеров, Джо заявил, что Эшвуд здесь лишний.

– Как это? – возмутился Эшвуд. – Это же я ее нашел, это мой приз. Десять дней я отслеживал ее поле…

– Ты знаешь не хуже меня, что я не могу производить измерения в зоне действия твоего поля, – сказал Джо. – Пси и антипси взаимно искажаются – а если бы этого не было, то откуда бы взялся наш бизнес? – И, когда Джи-Джи недовольно поднялся с

кресла, добавил: – И оставь нам пару пятицентовиков, чтобы мы могли потом выйти отсюда.

– У меня есть монетки, – сказала Пат. – Там, в сумочке.

– Ты же можешь измерять силу ее поля, фиксируя степень ослабления моего, – сказал Эшвуд. – Ты сто раз так делал, я знаю.

– Не тот случай, – коротко возразил Джо.

– У меня больше нет мелочи, – сказал Эшвуд, – я не могу выйти отсюда.

– Возьмите, – сказала Пат, посмотрев на Джо, а потом на Джи-Джи. Она подала ему монетку, которую тот принял со смущенной миной. Потом смущение перешло в обиду.

– Ловко вы меня выставили, – сказал он, опуская пятицентовик в дверную прорезь. – Оба вы… – бормотал он, пока дверь закрывалась за ним. – Я ее нашел. Бандитизм, настоящий бандитизм…

Дверь закрылась, и голос его пропал.

– Такое впечатление, что из него выпустили воздух, – сказала Пат.

– Ничего особенного, – сказал Джо. – Свое дело он сделал.

Это, конечно, грех, подумал Джо. Но не такой уж большой…

– Теперь ваш черед, – сказала Пат. – Если можно так выразиться… Могу я разуться?

– Пожалуйста, – сказал Джо. Он начал настраивать свои тестеры, проверяя барабаны и питание. Потом сделал пробный замер.

– А где душ? – спросила Пат, отставляя ботинки в сторону.

– Четвертак, – буркнул Джо. – Душ стоит четвертак. – Он поднял глаза от приборов и увидел, что Пат начала расстегивать рубашку. – Четвертака у меня нет…

– В кибуце все бесплатно, – сказала она.

– Бесплатно? – Он не поверил. – Но это же экономически бессмысленно! Разве может общество…

Пат невозмутимо расстегивала рубашку.

– Наше жалованье вносится в кассу, а нам выдается лишь свидетельство о выполнении работы. Деньгами распоряжается кибуц в целом. Последние несколько лет наш кибуц имеет доход больший, чем расход. И наша группа вносит денег больше, чем расходует… – Сняв рубашку, она аккуратно повесила ее на спинку стула. Под грубой синей тканью надето ничего не было, и взгляду Джо предстали крепкие высокие груди и сильные, но изящные плечи.

– Ты действительно хочешь этого? – растерянно спросил Джо. – Раздеться, я имею в виду…

– Ты все забыл, – сказала Пат.

– Что я забыл?

– Что я не разделась. В другом настоящем. И тебе это не понравилось. Я переделала. Теперь будет так… – Она изогнулась.

– А что сделал я, когда ты не разделась? – спросил Джо. – Отказался тебя тестировать?

– Буркнул, что Эшвуд переоценил мои способности.

– Не может быть. Я таких вещей не делаю.

– Посмотри. – Она наклонилась – груди ее качнулись – и достала из кармана рубашки сложенный лист бумаги. – Это из того, другого настоящего. Которое я стерла.

Он посмотрел на лист, прочел свое экспертное заключение: «Анти-пси-поле слабое, ниже стандартных норм. Использование против существующих групп предсказателей нецелесообразно». Далее следовал условный знак: круг, перечеркнутый наискось. «На работу не принимать», – означал этот символ. И знали это только он сам и Глен Рансайтер… Джо молча вернул ей бланк. Пат сложила его и снова сунула в карман блузы.

– Стоит ли тратить время на тесты? – сказала она. – Теперь, когда я все показала…

– Существует процедура, – сказал Джо. – Измерения по шести параметрам, которые…

– Ты жалкий и ничтожный формалист, погрязший в долгах банкрот, который не может наскрести мелочи для собственной двери и потому не выходит из дома, – ее голос, тихий и совершенно неинтонированный, ударил Джо по ушам. Он вздрогнул, сжался и мучительно покраснел.

– Просто сейчас идет черная полоса, – пробормотал он. – Но я в любой момент могу поправить свои финансы. Могу взять ссуду. В нашей же фирме, например… – Он встал, отыскал две чашки, налил кофе из кофейника. – Сахар? Сливки?

– Сливки, – сказала Пат. Она так и стояла: обнаженная по пояс и босая.

Джо взялся за ручку холодильника.

– Десять центов, – сказал холодильник. – Пять за то, чтобы открыть дверцу, и пять за сливки.

– Какие это сливки? – сказал Джо. – Это простое молоко, – он подергал ручку. – Ну, еще разочек. Вечером я заплачу, ей-богу!

– Прошу, – Пат метнула монету через стол. – Она должна иметь деньги, – продолжала она, наблюдая, как Джо опускает монету в прорезь холодильника, – твоя любовница. Ты ведь на мели, я это поняла сразу, как только мистер Эшвуд…

– Это не так, – сказал Джо. – По крайней мере, не всегда…

– А не хотите ли разом решить все проблемы, мистер Чип? – Она стояла, сунув руки в карманы джинсов и бесстрастно

рассматривая его. Ничего, кроме бдительности, не отражалось на ее лице. – Я могла бы помочь, знаете. Напишите экспертное заключение. Тесты здесь все равно бессмысленны: мое поле находится в прошлом, а приборы – в настоящем. По рукам?

– Покажи-ка мне еще раз тот лист, который у тебя в кармане, – сказал Джо.

Она молча достала сложенный желтый листок и протянула его через стол. Джо перечитал заключение. Да, мой почерк, подумал он. Все верно. Он вернул ей документ и взял чистый бланк.

Проставив имя, он вывел неимоверно высокие результаты тестов и написал заключение: «Обладает поразительной силой. Возможно, способна аннулировать данные, полученные всеми предсказателями, вместе взятыми». После этого он нацарапал символ: два подчеркнутых крестика. Пат, заглядывая через его плечо, спросила:

– Что значат эти кресты?

– Принять, – сказал Джо. – Не считаясь с расходами.

– Спасибо.

Она достала из сумочки пачку ассигнаций, вынула одну и протянула Джо. Таких сумм он не видел давно.

– Расплатишься с долгами, – сказала Пат. – Раньше дать не могла – это выглядело бы как подкуп. Ты бы тогда такого понаписал… Додумался бы, может быть, до того, что у меня вообще нет никаких антиспособностей…

Она расстегнула «молнию» на джинсах и стала непринужденно раздеваться дальше.

Джо, стараясь не глазеть на нее, еще раз просмотрел свое заключение. Подчеркнутые крестики означали совсем не то, что он ей сообщил. «Следите за ней. Она представляет угрозу для фирмы. Она крайне опасна!»

Поставив подпись, Джо сложил бланк и подал Пат. Она спрятала его в сумочку.

– Когда мне можно будет перевезти вещи? – спросила она, направляясь в ванную. – За квартиру я заплатила…

– В любое время, – сказал Джо.

– Прошу пятьдесят центов, – сказала ванная. – До того, как откроете кран.

Пат буквально швырнуло в кухню – прямо в сумочку.

Глава 4

Потрясающая салатная заправка «Убик»!Где былая слава французской и итальянской кухни? Она давно миновала. Лишь «Убик» откроет вам, что такое подлинное наслаждение! Очнитесь! Мир новых, неведомых ощущений ждет вас! Это-«Убик»!!!

Сохраняет свои качества только при соблюдении инструкции.

Паломничество Рансайтера в Мораториум Возлюбленных Собратьев завершилось в Нью-Йорке. Роскошный бесшумный лимузин плавно приземлился на крышу центрального корпуса Ассоциации, скоростной лифт донес Рансайтера до кабинета на пятом этаже, и в девять тридцать утра он уже сидел в своем старомодном кресле из орехового дерева с кожаной обивкой и разговаривал по видеофону с отделом по связи с общественностью.

– Тэмиш, я только что вернулся из Цюриха. Совещался с Эллой… Что вы хотите, миссис Фрик? – Он свирепо развернулся к секретарше, вошедшей в кабинет и тихонечко прикрывавшей за собой дверь.

Робкая миссис Фрик, чью старческую бесцветность кое-как прикрывали яркие пятна грима, виновато развела руками: выбора нет, она просто вынуждена побеспокоить шефа…

– Ладно, – кивнул Рансайтер. – Что там случилось?

– Новая клиентка, мистер Рансайтер. Я думаю, вам стоит принять ее. – Произнося это, миссис Фрик приближалась к Рансайтеру, одновременно пятясь. Это был ее коронный маневр. Отработка его заняла наверняка не менее ста лет.

– Хорошо, сразу после разговора, – сказал Рансайтер. Он повернулся к экрану. – Как часто идут наши ролики по Всепланетному ТВ? Каждые три часа?

– Не совсем так, мистер Рансайтер. На протяжении дня наши ролики появляются в среднем через три часа, но в лучшее время оплата…

– Сделайте так, чтобы их крутили каждый час, – перебил Рансайтер. – И именно в лучшее время. Так считает Элла. Помните то решение Верховного суда, согласно которому муж имеет право убить свою жену, если сможет доказать, что она ни при каких обстоятельствах не дала бы ему развода?

– Да, это так называемая…

– Плевать, как оно там называется, главное, что у нас есть ролик на эту тему. Как там было?..

– Бывший муж сидит на скамье подсудимых. Камера

показывает присяжных, судью, потом наплыв на прокурора, ведущего допрос. Он говорит: «Похоже, сэр, что ваша жена…»

– Да, именно этот, – кивнул Рансайтер. Когда-то он сам участвовал в написании сценариев для рекламных роликов. Такие проявления универсальности интеллекта поднимали Рансайтера в собственных глазах.

– Кажется, не вызывает сомнений, – заговорил Тэмиш, – что исчезнувшая группа пси работает на каких-то финансовых магнатов. Почему бы тогда не сделать упор на сюжеты, предназначенные для бизнесменов? Например, на этот, вспомните:

муж приходит с работы. На нем ярко-желтая куртка с бахромой, обтягивающие брюки и кепочка защитного цвета. Он утомленно садится на тахту, начинает стягивать перчатки, потом, сгорбившись, хмурится и говорит: «Черт побери, Джилл, хотел бы я знать, что происходит со мной в последнее время. Можно подумать, что кто-то читает мои мысли!» Она отвечает: «Если тебя это тревожит, то почему ты не обратишься в пункт предупреждения? За умеренную плату они пришлют тебе инерциала, и ты будешь чувствовать себя, как раньше». И тут на лице мужчины расплывается лучезарная улыбка, и он говорит: «Не может быть! Я чувствую, что это изводящее меня ощущение уже…»

Вновь открылась дверь, и миссис Фрик возникла на пороге.

– Мистер Рансайтер, я… – ее очки подрагивали на носу.

Рансайтер кивнул:

– Потом договорим, Тэмиш. Короче, завалите ТВ нашими материалами – и пусть дают их каждый час.

Он дал отбой и молча повернулся к миссис Фрик.

– Я мотался в Швейцарию, – сказал он после паузы. – Я разбудил Эллу, чтобы получить от нее этот совет…

– Мистер Рансайтер уже освободился, мисс Вирт, – секретарша неуверенно отступила назад, и в кабинет вкатилась посетительница. Ее голова подпрыгивала при ходьбе, как мячик, в то время как грузное круглое тело нацелилось на кресло, цели достигло и умостилось, свесив худые ножки. На ней был немодный плащ из паучьего шелка, делавший ее похожей на дружелюбного жука, забравшегося в чужой кокон. Казалось, ее заботливо упаковали. Тем не менее она улыбалась и явно чувствовала себя абсолютно свободной. Далеко за сорок, прикинул Рансайтер. Если она и имела когда-то приличную фигуру, то время это кануло…

– Сожалею, мисс Вирт, но посвятить вам много времени я не смогу, – сказал он. – Давайте сразу к делу. Какие у вас проблемы?

– У нас кое-какие неприятности с телепатами, – начала мисс Вирт неуместно радостным, сочным голосом. – Это мы так думаем – но не уверены до конца. Среди наших служащих есть телепат, он работает негласно, и если обнаружит кого-нибудь из пси, он обязан сообщить об этом моему… – ее глаза сверкнули, – моему патрону. На прошлой неделе он представил такой отчет. Тогда мы поручили одной из частных фирм подыскать для нас лучшее агентство по предупреждению. Лучшим было названо ваше.

– Это я знаю – сказал Рансайтер. Его агентство действительно считалось лучшим. Правда, никаких дивидендов с этого он пока не получил. Может быть, этот заказ?.. – Сколько он обнаружил телепатов?

– Минимум двоих.

– То есть не исключено, что их больше?

– Не исключено.

– Работаем мы по следующей схеме: вначале проводим замеры пси-поля, чтобы понять, с чем имеем дело. Это занимает семь-десять дней в зависимости…

Мисс Вирт перебила его:

– Мой патрон хотел бы, чтобы вы сразу направили своих инерциалов, пропустив эту формальность. Время дорого.

– Тогда мы оказались бы не в состоянии определить количество и профиль инерциалов, а также не знали бы, как их следует расположить. При проведении пси-операций следует действовать систематически: это же вам не помахать волшебной палочкой и не насыпать дуста по углам. Нейтрализовать людей Холлиса можно только индивидуально, противопоставляя их пси-способностям соответствующие антиспособности. Думаете, Холлис действует иначе? Вначале кто-то из его людей устраивается, допустим, в отдел кадров, берет на работу другого: тот организует новый отдел или пробивается к руководству уже существующим, и так далее… иногда это занимает многие месяцы. А вы хотите, чтобы мы в двадцать четыре часа ликвидировали такую структуру. Крупные пси-операции похожи на изготовление мозаики; и ни мы, ни они не могут позволить себе ни малейшей торопливости.

– Но мой патрон, – бодро заметила мисс Вирт, – как раз очень торопится.

– Я поговорю с ним, – сказал Рансайтер, протянув руку к видеофону. – Как его зовут и какой у него номер?

– Я уполномочена вести эти переговоры.

– Тогда мы можем ни о чем не договориться. Почему вы не хотите сказать, кого представляете?

Он нажал на потайную кнопку, давая знак дежурной телепатке, Нине Фрид, приступить к работе. Нет, с этими людьми мне не хочется сотрудничать, подумал он. Похоже, что нанимателя зовут Рэй Холлис.

– Не будьте догматиком – сказала мисс Вирт. – Единственное, что нас сейчас интересует – это скорость. И только об этом мы вас просим. Скажу больше: предприятие, которому они угрожают, проводится вне Земли. Как с точки зрения уже вложенных средств, так и с точки зрения потенциальной прибыли это наш самый главный проект. Патрон вложил в него все свободные средства. Никто не должен был знать об этом. Нас буквально подкосила информация о телепатах…

– Простите, я на минутку… – сказал Рансайтер, поднялся из кресла и пошел к двери. – Хочу узнать, есть ли у нас кто в резерве.

Нина Фрид сидела в маленькой соседней комнате и курила.

– Узнайте, кого она представляет, – сказал Рансайтер, – и сколько они готовы заплатить. – У нас тридцать восемь бездействующих инерциалов, подумал он, может быть, удастся пристроить их всех. И, похоже, наконец-то объявились пропавшие люди Холлиса. Вся эта проклятая банда…

Он вернулся за свой стол.

– Если в вашу фирму проникли телепаты, – сказал он, – само предприятие перестало быть секретом. Это вы понимаете, надеюсь. Независимо от того, какую именно информацию им удалось умыкнуть. Так, может быть, вы скажете мне, что это за проект?

Мисс Вирт замялась.

– Я сама не знаю.

– И где он разворачивается?..

– Тоже.

– А как зовут вашего патрона, вы знаете?

– Видите ли, я работаю в дочернем предприятии и знаю своего непосредственного шефа, мистера Шепарда Говарда, но кого представляет мистер Говард, мне не сообщили.

– Если мы выделим вам инерциалов – будем мы знать, куда они отправлены?

– Не исключено, что нет.

– Ну а если вы их нам не вернете?

– Как это? Они обезопасят наш проект и сразу после этого…

– Дело в том, – сказал Рансайтер, – что люди Холлиса иногда убивают наших инерциалов. А за безопасность сотрудников отвечаю я. Поэтому я просто обязан знать, где они будут находиться.

Микродинамик в левом ухе включился, и Рансайтер услышал голос Нины Фрид: «Шефа мисс Вирт зовут Стэнтон Мик. Она его доверенное лицо. Никакого Говарда не существует. Проект, о котором шла речь, сконцентрирован в основном на Луне. Выполняет его “Техпрайз”, исследовательская фирма Мика, контрольный пакет которой формально принадлежит мисс Вирт. Чем занимается эта ее фирма, она не знает; Мик не посвящает ее в технические и научные детали, что очень ее обижает. Впрочем, от сотрудников Мика она узнала, в чем общий смысл проекта. Если ей сказали правду, то суть лунного проекта – это разработка радикально нового и очень дешевого способа межзвездных полетов. Похоже, что Мик задался целью создать систему, позволяющую любой этнической или политической группе заняться колонизацией планет. Если это так, то монополия правительств будет подорвана».

Нина Фрид отключилась. Рансайтер поудобнее устроился в своем кресле из орехового дерева и задумался.

– О чем вы думаете? – тут же спросила его мисс Вирт.

– Прикидываю, хватит ли у вас денег на оплату. Поскольку замеров поля нет и не предвидится, то о количестве инерциалов говорить можно только приблизительно… боюсь, что их должно быть не менее сорока. – Рансайтер знал, что Мик способен оплатить услуги любого количества инерциалов или, по крайней мере, сделать так, чтобы их оплатил кто-нибудь другой.

– Сорока… – эхом отозвалась мисс Вирт. – Хм. Весьма солидно.

– Чем больше людей мы введем в операцию, тем быстрее и надежнее будет результат. Поскольку вы торопитесь, мы введем их в действие одновременно. Если вы уполномочены подписать контракт от имени своего патрона, – он направил на нее указательный палец, мисс Вирт даже не моргнула, – и если выплатите аванс, мы, думаю, сможем уложиться в семьдесят два часа.

Он замолчал и стал выжидающе смотреть на нее.

Микродинамик в ухе забубнил: «Как владелец “Техпрайза", она имеет право подписывать любые обязательства, располагая всеми активами фирмы. Сейчас она прикидывает их сумму, исходя из сегодняшнего биржевого курса акций… несколько миллиардов поскредов, так она считает. Но принимать обязательства на себя она не хочет, предпочитая, чтобы это сделали непосредственно поверенные Мика – даже если это приведет к задержке в несколько дней».

А так торопились вначале, подумал Рансайтер… или делали вид, что торопятся.

«Интуиция ей подсказывает, – продолжала Нина Фрик, – что вы догадываетесь, кто за ней стоит. И она боится, что вы заломите непомерную цену. Мик знает, какая у него репутация, поэтому предпочитает действовать через посредников и подставных лиц. Впрочем, им все равно необходимо получить как можно больше инерциалов, поэтому с предстоящими затратами они смирились».

– Сорок инерциалов, – проговорил Рансайтер. – Посмотрим: шесть на пятьдесят и на три… и еще на сорок… – он зацарапал ручкой по листу бумаги.

Мисс Вирт, сохраняя на лице застывшую счастливую улыбку, ждала с видимым напряжением.

– Интересно, – пробормотал Рансайтер, – кто заплатил Холлису за внедрение в ваш проект?

– Какая разница? – сказала мисс Вирт. – Важно, что они там есть.

– Иногда так и не удается этого установить, – продолжал Рансайтер. – Но вы правы: когда на кухне заводятся муравьи, никто не спрашивает, откуда они пришли, а начинают их травить… – Он наконец вывел итоговую сумму.

Она была колоссальной.

– Это… это надо обдумать, – сказала мисс Вирт. Она оторвала взгляд от шокирующих результатов вычислений и привстала. – Здесь есть место, откуда бы я могла связаться с мистером Говардом? Конфиденциально?

Рансайтер, тоже вставая, сказал:

– Нечасто случается, чтобы какая-либо организация располагала таким количеством инерциалов одновременно. Если вы промедлите, ситуация может измениться. Так что лучше берите их сразу.

– А вы считаете, что нам нужно так много?

Взяв мисс Вирт за руку, Рансайтер вывел ее из кабинета и провел прямо в зал контроля.

– На этой карте, – показал он, – мы обозначаем расположение наших – да и чужих тоже – инерциалов. Кроме того, здесь же обозначено расположение людей Холлиса… правильнее сказать, было обозначено. – Он пересчитал лежащие тут же флажки с именами исчезнувших пси, покрутил в пальцах последний:

это был флажок С. Доула Мелипоуна. – Теперь-то понятно, где они все.

Механически-счастливая улыбка исчезла с лица мисс Вирт: она все поняла. Рансайтер взял ее за руку, положил на ладонь флажок и сжал в кулачок ее внезапно повлажневшие пальцы.

– Подумайте, – сказал он. – Видеофон вон там. Никто вам мешать не будет.

Он вышел из зала. Положим, я не вполне уверен, что все исчезнувшие пси находятся именно там, подумал он. Но это не исключено. Кроме того, Мик отказывается от нормальной процедуры. Если в результате некоторые инерциалы окажутся лишними – что ж, это его проблемы.

По закону Рансайтер должен был сообщить Объединению, что многие, если не все, исчезнувшие люди Холлиса выявлены. Впрочем, по тому же закону на подачу такого извещения отводилось пять дней… Он решил тянуть до последнего. Такой шанс резко поправить свои дела выпадает раз в жизни.

– Миссис Фрик, – сказал он, входя в собственную приемную, – напечатайте договор на сорок… – он замолчал.

В приемной сидели двое: Джо Чип – как всегда, с похмелья, но мрачный более, чем обычно, – и длинноногая девушка с блестящими вьющимися волосами, черными, как и ее глаза. Она буквально излучала красоту, и казалось, что приемная освещена медленным мрачным пламенем… такое впечатление, подумал Рансайтер, что она сопротивляется собственной привлекательности, что ей отвратительна гладкость ее кожи и чувственность, притягательность, томная нежность ее губ. Будто бы она только что из постели, еще в полном беспорядке… и недовольна приходом дня… да, каждого дня.

– Я так понимаю, что Джи-Джи вернулся из Топики, – сказал Рансайтер вслух, подходя.

– Это Пат, – сказал Джо. – Просто Пат. А это мистер Рансайтер… – он махнул рукой.

Готовность к поражению, к безоговорочной капитуляции читалась в этом жесте, но Рансайтер знал, что это у Джо напускное. В действительности его сопротивляемость была весьма и весьма высокой.

– Анти-кто? – спросил Рансайтер девушку, которая все так же, развалясь и вытянув ноги, сидела в кресле.

– Антикетогенетик, – промурлыкала она.

– Это как? Что именно вы делаете?

– Предотвращаю кетоз,[1] – непонятно сказала она. – Но без использования глюкозы.

– Джо, расшифруй, – сказал Рансайтер.

– Покажи мистеру Рансайтеру заключение, – сказал Джо девушке.

Не вставая, девушка дотянулась до сумочки, порылась в ней и вынула желтый бланк. Развернула его, просмотрела и протянула Рансайтеру.

– Невероятно, – сказал Рансайтер. – Она и в самом деле так хороша? – Он задал вопрос и только после этого заметил два подчеркнутых креста: знак ненадежности.

– Она лучшая из всех, кого я знал, – сказал Джо.

– Пойдемте в кабинет. – Рансайтер повернулся, и они поднялись за ним.

И тут в приемную влетела толстенькая мисс Вирт; ее глаза вращались, и дышала она, как загнанная.

– Я говорила с мистером Говардом! – налетела она на Рансайтера. – И получила от него инструкции! – Тут она увидела Джо и Пат, заколебалась на мгновение, но продолжила: – Мистер Говард желает, чтобы мы немедленно покончили со всеми формальностями. Это возможно? Время слишком дорого… – Она показала всем свою неподвижную блестящую улыбку. – Не подождут ли молодые люди? Дело, по которому я здесь, не терпит отлагательств.

Пат оскорбительно захохотала.

– Подождать придется вам, мисс Вирт, – сказал Рансайтер. Его вдруг охватил беспричинный страх. Он еще раз взглянул на Пат, перевел взгляд на Джо, и его страх усилился. – Посидите здесь, мисс Вирт, – он показал на кресло.

– Мистер Рансайтер! – сказала она. – Я уже могу точно сказать вам, сколько инерциалов мы закажем. Мистер Говард считает, что сам способен оценить наши потребности.

– Ну?

– Одиннадцать.

– Через пять минут мы подпишем контракт, – сказал Рансайтер. – Как только я освобожусь. – Жестом руки он пригласил Джо и девушку войти в кабинет, захлопнул дверь и опустился на свое место. – Ничего у них не получится, – сказал он, обращаясь к Джо. – Одиннадцать. Да хоть и пятнадцать. Что такое пятнадцать против Мелипоуна? – Гадкая смесь усталости и страха бродила в нем. – Ладно. Это, как я понимаю, наша новая потенциальная сотрудница, которую Джи-Джи откопал в Топике? И ты считаешь, что мы должны принять ее? И Джи-Джи, и ты – оба так считаете? Тогда, конечно, примем… – Обкатаем ее на Мике, подумал Рансайтер. – Но только никто еще не сказал мне, на что она способна.

– Миссис Фрик говорила, что вы летали в Цюрих, – сказал Джо. – Что предложила Элла?

– Больше рекламы, – сказал Рансайтер. – По ТВ. Каждый час. – Он повернулся к интеркому: – Миссис Фрик, подготовьте договор о приеме на работу новой сотрудницы. Начальный оклад согласно декабрьскому соглашению с профсоюзами. Кроме того…

– И каков же этот начальный оклад? – перебила его Пат. В голосе ее прозвучал какой-то детский сарказм.

Рансайтер внимательно посмотрел на нее.

– Я до сих пор не знаю, на что вы способны, – сказал он.

– Она справляется с предсказателями, Глен, – сказал Джо. – Но особым способом… – Объяснять, что это за способ, Джо не стал. Казалось, что у него кончился заряд аккумулятора.

– Она может приступать к работе сразу? – повернулся к нему Рансайтер. – Или мы должны ее тренировать, обучать?.. У нас и так сорок инерциалов сидят без дела – а мы принимаем еще одного. Хотя нет, уже не сорок – тридцать. Все равно – тридцать сотрудников ковыряют в носу, получая за это жалованье. Может быть, поувольнять к чертям наших агентов? Да, кстати. Джо: по-моему, люди Холлиса нашлись. Расскажу чуть позже. – Он снова повернулся к интеркому и продолжил: – Обязательно отметьте, что мы имеем право в любой момент расторгнуть этот договор без уплаты какой-либо неустойки. В течение первых девяноста дней сотрудница не имеет права на пособие, а также на оплату отпуска по болезни и лечению. Ваш начальный оклад, – Рансайтер посмотрел на Пат, – будет равен четыремстам поскредам в месяц при двадцатичасовой рабочей неделе. Кроме того, вы должны вступить в профсоюз. Это профсоюз работников горно-обогатительной и металлургической промышленности – именно он представляет интересы работников предупредительных служб. Тут я ничего не могу поделать.

– На профилактике видеофонных линий я заколачиваю больше, – сказала Пат. – Ваш мистер Эшвуд…

– Наши агенты лгут – перебил ее Рансайтер. – Их обещания нас ни к чему не обязывают.

Дверь открылась, и вошла миссис Фрик, осторожно неся заполненный бланк договора.

– Спасибо, миссис Фрик, – сказал Рансайтер, принимая бумагу. Потом он повернулся к Джо и Пат. – У меня есть жена, молодая прекрасная женщина. Она лежит в холодильнике. Когда я говорил с ней, вмешался какой-то неприятный парень по имени Джори, и потом я говорил уже с ним, а не с ней. Она угасает – а я вынужден любоваться этой старой развалиной, моей секретаршей… – Он видел перед собой Пат, девушку с черными густыми волосами и чувственным ртом, и чувствовал в себе зарождение темной страсти, смутных и неясных желаний, которые уносились в никуда и возвращались пустыми, замыкая круг…

– Я подпишу, – сказала Пат и потянулась к авторучке.

Глава 5

Ты неэкономна, Хелен: желудок опять переполнен.

Постой! Я подарю тебе «Убик»!«Убик» сделает тебя стройной, как в юности!«Убик» приносит облегчение голове и желудку.

Помните: «Убик» улетучивается за несколько секунд.

Избегайте длительного использования.

Когда выпадали долгие дни вынужденного бездействия, Типпи Джексон, антителепатка, спала до полудня. Вживленный в ее мозг электрод стимулировал быстрый сон, то есть сон со сновидениями; так что, пока Типпи спала, укутанная с головой в простыню, ей, можно сказать, было чем заняться.

В данный момент события, происходящие исключительно в ее сознании, разворачивались вокруг фигуры могущественного сотрудника Холлиса, наделенного колоссальными психическими способностями. Все прочие инерциалы в Солнечной системе отступили перед ним или были раздавлены. И вот последней, кто принял на себя удар сверхъестественного поля, стала она, Типпи.

«Со мной что-то не в порядке, пока ты здесь», – сообщил ей ее туманный противник. На лице его возникла гримаса дикой ненависти, придавшая ему сходство с сумасшедшей белкой.

«Должно быть, ты ошибся, считая свои способности неограниченными, – сказала ему Типпи в своем сне. – Ты воздвиг необоснованную концепцию собственной личности, опираясь на элементы подсознания, которые тобой не контролируются. Поэтому ты и боишься меня».

«Ты случайно не сотрудница какой-нибудь службы предупреждения?» – спросил телепат Холлиса, нервно озираясь.

«Если ты так могуч, как утверждаешь, – сказала Типпи, – то прочти мои мысли!»

«Я не могу читать мысли, мой талант куда-то исчез. Давай ты поговоришь с моим братом Биллом? Эй, Билл, побеседуй с леди. Она нравится тебе?»

Билл, достаточно похожий на своего брата-телепата, сказал:

«Нравится, потому что я предсказатель, и мне она ничего не может сделать. – Переступая с ноги на ногу, он улыбнулся, показывая лопатообразные белые резцы. – "Хитрой природой отлитый почти человеком, только лишенный разумных пропорций…" – он остановился. – Как там дальше, Мэтт?»

«…Я, недоделанный, высланный в мир прежде срока, в мир сих дышащих, слепленный наполовину…» – сказал похожий на белку Мэтт-телепат, почесывая в задумчивости свою шкурку.

«А, да, – кивнул Билл-предсказатель. – Помню: “И вот такой я, горбатый, костлявый, ужасный так, что собаки звереют, меня лишь увидя…” Это из “Ричарда III"», – пояснил он Типпи. Оба брата ухмыльнулись. Резцы их были сточены, будто они сидели на диете и питались невареным зерном.

«И что это все значит?» – спросила Типпи.

«Это значит, что мы собираемся тебя прикончить», – сказали оба брата в унисон…

Звонок видеофона вырвал Типпи из сна.

Сквозь толчею разноцветных пузырей она кое-как доплелась до аппарата и, жмурясь, подняла трубку. Боже, как поздно, подумала она, увидев часы. Я превращаюсь в растение…

– Слушаю, – сказала она вслух. На экране появился Рансайтер. – Добрый день, мистер Рансайтер. Что, нашлась для меня работа? – Она старалась не попадать в поле зрения камеры.

– О, миссис Джексон, я рад, что застал вас дома, – сказал Рансайтер. – Мы с Джо Чипом формируем оперативную группу из одиннадцати инерциалов. Задание крайне важное. Пойдут самые лучшие. Джо выбрал вас, и я с ним согласен.

Сколько вам нужно времени, чтобы добраться до бюро? – голос Рансайтера был самый оптимистичный, но лицо на экране выглядело усталым и озабоченным.

– Если это связано с выездом… – начала было Типпи, но он ее прервал:

– Понимаю, вам нужно собраться, да? Однако по уставу вы обязаны быть наготове каждую минуту. Плохо, когда устав нарушается, особенно тогда, когда время так дорого.

– Вы меня не поняли. Я собрана. В бюро я буду через пятнадцать минут. Все, что я хочу, – это оставить записку мужу, он сейчас на работе.

– Хорошо, тогда все в порядке, – сказал Рансайтер рассеянно: наверное, он уже искал следующее имя в списке. – До встречи, миссис Джексон.

Странный был сон, подумала Типпи, снимая пижаму и возвращаясь в спальню за одеждой. Что за стихи они там читали? «Ричард III», вспомнила она, снова, как наяву, увидев их огромные плоские резцы и шишковатые головы с торчащими пучками рыжих волос. Я же не читала «Ричарда III», вдруг поняла она, а если и читала, то так давно… Но как могут человеку присниться строки неизвестной ему поэзии? Наверное, это настоящий, не приснившийся телепат пытался влиять на меня… или даже дуэт телепата и предсказателя – те, кого я видела во сне? Стоит, наверное, узнать в нашем отделе информации: не работают ли у Холлиса братья Билл и Мэтт?

Встревоженная и озабоченная, она начала торопливо одеваться.

Раскуривая зеленую гаванскую сигару «Куэста-Рэй» класса «палмасупрема», Глен Рансайтер откинулся на спинку своего великолепного кресла, нажал на кнопку интеркома и сказал:

– Миссис Фрик, выпишите Джи-Джи Эшвуду чек на сто поскредов.

– Хорошо, мистер Рансайтер.

Джи-Джи продолжал безостановочно кружить по кабинету, стуча каблуками по паркету из настоящего дерева.

– Джо Чип так и не сказал мне, что она может, – сказал ему Рансайтер.

– Джо – болван, – бросил Джи-Джи.

– Как получилось, что эта девушка, Пат, может перемещаться в прошлое – а никто больше не может? Я сомневаюсь, что это принципиально новый талант – просто раньше вы, агенты, не обращали на это внимания. С другой стороны, нелогично принимать ее на работу в предупреждающую организацию – у нее прямые психонические способности, а не анти…

– Я уже говорил, и Джо подтвердил это, что она способна нейтрализовать предвидение.

– Это побочный эффект… Джо, например, считает, что она представляет опасность для фирмы. Почему?

– А как он это сам объясняет?

– Никак. Пробормотал что-то. Это же Джо – никаких доводов, одни предчувствия. Но в группу для Мика он ее хочет включить… – Рансайтер перелистал лежащие перед ним личные карты инерциалов. Сложил их стопкой, подравнял. Нажал на кнопку интеркома: – Пригласите Джо сюда, посмотрим, что за группу он набрал. Они должны быть уже здесь, – сказал он, взглянув на часы. – Я намерен сказать Джо прямо в глаза, что он чокнулся, раз включил эту Пат Конли в группу. Он же сам утверждает, что она опасна. Что вы скажете, Эшвуд?

– Он слишком привязан к ней.

– Не понял?

– У них сексуальное взаимопонимание.

– У Джо не может быть сексуального понимания. Нина Фрид читала его мысли – он слишком беден даже… – он оборвал себя: дверь открылась, и миссис Фрик в своей характерной манере проследовала к столу, неся на подпись чек для Джи-Джи. – Я догадываюсь, почему он взял ее, – сказал Рансайтер, выводя свою подпись на чеке. – Чтобы не спускать с нее глаз. Он ведь тоже летит с нами: будет проводить замеры поля, что бы там ни

говорил заказчик. Мы должны знать, с чем имеем дело. Благодарю вас, миссис Фрик, – взмахом руки он отпустил секретаршу. – Ваш чек, Эшвуд. Допустим, мы не проведем замеров, и пси-поле окажется слишком сильным для одиннадцати инерциалов. Кто будет виноват?

– Мы, – сказал Эшвуд.

– Я им говорил, что одиннадцати может не хватить. Хотя мы и отобрали лучших людей и вообще делаем все, что можем. Влезть под крылышко Стэнтона Мика было бы очень неплохо. Но поражает, что такой богатый человек может оказаться таким скупым и недальновидным… Миссис Фрик, где Джо? Джо Чип?

– Мистер Чип в приемной. С ним еще несколько человек.

– Сколько их? Десять-одиннадцать?

– Где-то примерно так. Я могу ошибиться на одного-двух.

– Это наша группа, Джи-Джи – сказал Рансайтер. – Я хочу посмотреть, как они выглядят вместе. Прежде чем отправляться на Луну. – Он затянулся своей сигарой с зеленым ободком. – Мисс Фрик, скажите им, пусть войдут.

Она выскользнула из кабинета.

– Каждый в отдельности – отличный работник. Это мы знаем, – Рансайтер приподнял и снова бросил на стол пачку документов. – Но как они будут работать в группе? Насколько сильным окажется их совместное антиполе? Мне хотелось бы, чтобы вы задались этим вопросом, Джи-Джи. Именно этим вопросом.

– Только время сможет ответить на него, – сказал Эшвуд.

– Я так давно занимаюсь всем этим… Можно сказать, что это мой вклад в современную цивилизацию, – сказал Рансайтер.

В дверь стали входить его сотрудники.

– Хорошо сказано, – подхватил Эшвуд. – Вы – полицейский, охраняющий право на одиночество.

– А вот Рэй Холлис говорит, что мы пытаемся пустить время вспять…

Он внимательно посмотрел на людей, которые вошли в кабинет и теперь стояли кучкой и молчали, ожидая, когда он заговорит с ними. Ну и дерьмо, подумал он с тоской. Этот недозрелый фасолевый стручок в очках и с лимонного цвета волосами, в ковбойской шляпе, черной кружевной мантилье и бермудах, надо полагать, не кто иная, как Эди Дорн. Интересная смуглая дама с быстрыми беспокойными глазами, одетая в шелковое сари, опоясанное нейлоновым оби, и толстые носки – это Фрэнси, шизофреничка, временами посещаемая пришельцами с Бетельгейзе. Волосатого парня в цветастом балахоне и спиральных рейтузах, стоящего с цинично-снисходительным

видом, Рансайтер раньше не встречал. Ну и так далее. Пять женщин и пять мужчин. Кого-то еще не хватает…

Вошли Джо Чип и перед ним – девушка, Патриция Конли. Теперь стало одиннадцать – полный состав.

– Вы показали отличное время, миссис Джексон, – сказал Рансайтер тридцатилетней мужеподобной даме в эрзац-кожаных брюках и серой футболке с портретом лорда Бертрана Рассела. – Вам я звонил последней, тем не менее вы успели.

Типпи Джексон улыбнулась бледной бескровной улыбкой.

– Некоторых из вас я знаю – сказал Рансайтер, поднимаясь из своего кресла и давая сотрудникам знак садиться, устраиваться поудобнее и курить, если появится такое желание. – Вас, мисс Дорн, мы с мистером Чипом назвали первой – имея в виду результаты нейтрализации С. Доула Мелипоуна, и не ваша вина, что с ним был утерян контакт.

– Спасибо, мистер Рансайтер, – тонким, прерывающимся голосом сказала Эди Дорн; она покраснела и уставилась в стену. – Я рада, что могу принять участие в новой акции… – добавила она не слишком уверенно.

– Кто из вас Эл Хэммонд? – спросил Рансайтер, бросив взгляд на личные карты.

Высокий сутуловатый негр с благородным удлиненным лицом показал на себя.

– Нам еще не приходилось встречаться, – сказал Рансайтер. – Среди антипредсказателей у вас самый высокий рейтинг. Мне следовало познакомиться с вами раньше… Кто у нас еще антипредсказатель? – Подняли руки трое. – Для вас наверняка будет интересно знакомство с мисс Конли. Она нейтрализует деятельность предсказателей совершенно иным способом. Может быть, мисс Конли сама объяснит нам это? – он кивнул Пат…

…и обнаружил себя стоящим перед витриной нумизматического магазина на Пятой авеню. Внимание его привлекала золотая монета в один доллар, никогда не выпускавшаяся в оборот. Было бы здорово включить ее в коллекцию…

В какую коллекцию?! Я ведь не коллекционирую монеты. Что я тут делаю? И сколько времени я тут болтаюсь, когда должен быть в своем кабинете… у меня есть кабинет? Да, я же руковожу… Он не мог вспомнить, чем именно руководит. Какой-то фирмой. Да, я нанимаю людей с необычными способностями… Он закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Нет, уже год, как я на пенсии. Стенокардия. Но ведь я только что был там! Только что! В своем кабинете. Обсуждал с сотрудниками новый проект. В глазах померкло. Все исчезло, подумал он, все, что я создал, – исчезло…

Он открыл глаза и снова оказался в своем кабинете. Напротив него сидели Эшвуд, Джо Чип и смуглая, чрезвычайно привлекательная девушка, имени которой он не мог вспомнить. Больше в кабинете никого не было, и это почему-то показалось странным.

– Мистер Рансайтер – сказал Джо – вот это и есть Патриция Конли. Я рад, что вы наконец встретились.

– Я тоже очень рада, мистер Рансайтер, – сказала девушка. Она засмеялась, и глаза ее полыхнули победным блеском.

Она что-то сделала, понял Джо Чип.

– Пат, – сказал он вслух, – я не могу ткнуть пальцем – но тут что-то изменилось… – Он внимательно осмотрелся: все тот же чересчур яркий ковер, нагромождение не гармонирующих между собой произведений искусства, безвкусные картины на стенах… и сам Глен Рансайтер, взъерошенный и седой, морщинистое лицо – и растерянный взгляд… Джо посмотрел на Эшвуда. Эшвуд, в обычных своих пижонских брючках под березовую кору, подпоясанных конопляным ремнем, в маечке-моргалке и фуражке железнодорожного инженера, пожал плечами. Он перемен не видел.

– Ничего не изменилось, – сказала Пат.

– Изменилось все, – сказал Джо. – Должно быть, ты переместила нас всех в другую временную ветвь. Доказать этого я не могу – как и определить характер перемен…

– Не надо семейных споров в рабочее время, – сказал Рансайтер.

– Семейных? – поперхнулся Джо. Тут он заметил обручальное кольцо на руке Пат. Кованое серебро и ведьмин камень. Он сам выбирал его. За два дня до свадьбы – то есть год назад. Мы поженились год назад – и это несмотря на мое катастрофическое финансовое положение; хотя с тех пор заработок Пат и ее умение распоряжаться деньгами привели все в норму. Навсегда.

– Итак, продолжим, – сказал Рансайтер. – Мы должны выяснить, почему Стэнтон Мик поручил свое дело другой предупреждающей организации. Хотя по логике вещей этот контракт должны были получить мы: как лучшие в этой отрасли, с одной стороны, и как расположенные в Нью-Йорке, в традиционной зоне интересов Мика, – с другой. Есть ли у вас какие-нибудь соображения по этому поводу, миссис Чип?

– Вы *действительно* хотите это выяснить? – с нажимом спросила Пат.

– Да, – кивнул головой Рансайтер. – Я действительно хотел бы знать истинную причину.

– Так вот – это сделала я.

– Каким образом?

– Используя свой талант.

– Талант? – Рансайтер посмотрел на нее. – У вас нет никаких талантов. Вы жена Джо Чипа, и все.

– Вы пришли, чтобы пообедать с Джо и со мной, – подал голос от окна Джи-Джи.

– Есть у нее талант, – сказал Джо. Он безуспешно пытался пробиться к чему-то в глубинах своей памяти: дотрагивался, и оно исчезало. Иная временная ветвь, произнес он про себя. И прошлое – тоже другое… Бесполезно: память исчезла. Моя жена – уникум, подумал он. Она умеет что-то такое, чего никто на Земле больше не умеет. Но почему тогда она не сотрудница Ассоциации? Нет, что-то здесь не так…

– Это ты его выявил? – спросил Рансайтер. – Впрочем, такова твоя работа. Подчеркиваю – работа, а не заслуга. Так что не надо самоуверенности в голосе…

– В себе-то я как раз не уверен, – пробормотал Джо. А вот в ней – да, подумал он. – Сейчас принесу тестеры, и посмотрим, какое поле она создает.

– Оставь, Джо, – сердито сказал Рансайтер. – Если бы твоя жена создавала поле, ты определил бы это еще год назад. Какой смысл искать его сейчас? – Он нажал кнопку интеркома. – Кадры? Посмотрите, есть ли у нас карта миссис Чип? Патриции Чип?

После недолгой паузы интерком произнес:

– Нет такой карты. Может быть, она зарегистрирована под девичьей фамилией?

– Конли, – подсказал Джо. – Патриция Конли.

Еще пауза.

– На мисс Конли мы имеем два документа: отчет агента, мистера Эшвуда, и данные тестирования, выполненного мистером Чипом.

Из прорези интеркома немедленно выползли копии документов.

– Подойди сюда, Джо, – сказал Рансайтер. Он ткнул пальцем в бланк, и Джо увидел два подчеркнутых крестика. Они уставились друг на друга, потом перевели взгляд на Пат.

– Я знаю, что там написано, – безмятежно сказала Пат. – «Наделена чрезвычайным могуществом. Спектр анти-пси-поля уникален… – Она сосредоточилась, пытаясь поточнее вспомнить формулировку: – Вероятно, способна…»

– Мы получили тот заказ Мика, – сказал Рансайтер. – Я собрал группу из одиннадцати инерциалов. Они сидели здесь, и я предложил Пат…

– …показать, на что она способна – подхватил Джо. – И она

показала. Ваше пожелание она выполнила точно. И моя оценка тоже была точной – он ткнул пальцем в подчеркнутые крестики. – Надо же, моя собственная жена…

– Я не твоя жена, – сказала Пат. – Это я тоже сделала сама. Изменила реальность. Хотите, я верну все назад – сделаю, как было? До мельчайших деталей? Правда, группе я тогда ничего не докажу – просто никто ничего не заметит. Разве что у кого-то сохранятся остаточные воспоминания – вот как у Джо, например. Но это быстро выветривается…

– Я, по крайней мере, хотел бы получить назад заказ Мика, – сказал Рансайтер ядовито.

– Когда я что-то нахожу, – сказал Эшвуд, – я нахожу такое… – лицо его посерело.

– Да, вы действительно наткнулись на талант, – сказал Рансайтер.

Раздался зуммер интеркома. Старческий голос миссис Фрик проквакал:

– Мистер Рансайтер, группа наших инерциалов ждет встречи с вами. Они говорят, что приглашены для участия в новом совместном проекте. У вас найдется для них время?

– Пусть войдут, – сказал Рансайтер.

– Кольцо я сохраню, – сказала Пат. Серебряное, с ведьминым камнем, кольцо из альтернативного мира, подумал Джо, она решила его сохранить… не с правами ли на меня самого? Надеюсь, что нет… но лучше не уточнять.

Дверь открылась, и парами начали входить инерциалы; после короткой заминки они стали рассаживаться вокруг стола Рансайтера. Рансайтер смотрел сначала на них, потом перевел глаза на валяющиеся в беспорядке личные карты. Как узнать, внесла Пат изменения в состав группы или нет?..

– Эди Дорн, – сказал он. – Так, вы здесь. Хэммонд. Отлично, Хэммонд. Типпи Джексон… – он вопросительно посмотрел на нее.

– Я торопилась изо всех сил, – сказала миссис Джексон. – Вы дали так мало времени…

– Йон Илд, – сказал Рансайтер.

Волосатый взъерошенный юноша буркнул что-то неразборчивое. Пожалуй, с него слетела спесь, подумал Джо, более того – он растерян. Интересно, что он помнит? И что помнят все остальные?

– Франческа Спэниш – продолжал Рансайтер.

Отозвалась яркая, похожая на цыганку смуглая женщина с нервным, тревожным лицом.

– Мистер Рансайтер! За те несколько минут, пока мы ждали в приемной, я услышала мистические голоса и узнала от них кое-

что.

– Вы Франческа Спэниш? – терпеливо переспросил Рансайтер. Он выглядел смертельно усталым.

– Да, я. Всегда была и всегда буду, – в голосе мисс Спэниш звенела непоколебимая уверенность. – Могу я передать вам, что именно открыли мне голоса?

– Чуть позже, если вы позволите. – Рансайтер взял следующую карту.

– Но я обязана это сказать! – голос мисс Спэниш опасно напрягся и задрожал.

– Хорошо, – сказал Рансайтер. – Минутный перерыв. Послушаем, что мистические голоса открыли мисс Спэниш. – Он достал из ящика стола таблетку амфетамина и проглотил ее, не запивая. Потом взглянул на Джо и пожал плечами.

– Кто-то только что перенес нас из нашего мира в другой, – начала мисс Спэниш. – И мы находились там, мы жили в нем, как подлинные жители того мира – но потом величественная, всеобъемлющая духовная сила вернула нас сюда, в наш собственный родной мир…

– Это была Пат, – сказал Джо Чип. – Пат Конли, с сегодняшнего дня – наша сотрудница.

– Тито Апостос, – продолжил перекличку Рансайтер. – Где вы?

Лысеющий мужчина с эспаньолкой наклонил голову. Одет он был в старомодные обтягивающие бедра брюки из золотой парчи, но выглядел при этом вполне элегантно. Возможно, причиной тому были крупные, с яйцо, пуговицы на болотного цвета лайковой блузе. В любом случае, чувство собственного достоинства он имел в избытке. Джо это поразило.

– Дон Денни, – прочел Рансайтер.

– Здесь, сэр, – вкрадчивым баритоном, более приличествующим, пожалуй, сиамскому коту, отозвался худощавый, серьезного вида мужчина, сидящий в кресле прямо и положив руки на колени. На нем была длинная лавсановая юбка, ковбойский передник, украшенный звездами из фальшивого серебра, и сандалии. Волосы были собраны в пучок на затылке.

– Вы у нас антивоскреситель – сказал Рансайтер, глядя в его карту. – Единственный, который у нас работает. Джо, может быть, стоит взять вместо него еще одного антителепата? Сомневаюсь, что нам понадобится специалист такого профиля.

– А вдруг? – сказал Джо. – Мы же не знаем, с чем мы там столкнемся.

– Ладно, – кивнул Рансайтер. – Согласен. Сэмми Мэндо?

Механическим движением поднял руку молодой человек с крошечным носиком и головкой размером с кокосовый орех. Джо

знал его. На самом деле он был вовсе не молод, просто процессы развития, физического и умственного, прекратились для него давным-давно. По интеллекту он не превосходил енота: умел ходить, есть, мыться и даже – в некотором роде – говорить. Поле он, однако, генерировал солидное и однажды нанес крупное поражение самому С. Доулу Мелипоуну.

– Так, есть, – сказал Рансайтер. – Следующая – Венди Райт.

Пользуясь предоставившейся возможностью, Джо разглядывал девушку, которую – если бы это от него зависело – он охотно сделал бы своей любовницей, а еще лучше – женой. Глядя на Венди, невозможно было представить себе, что она состоит, как все прочие люди, из плоти и крови. В ее присутствии Джо всегда чувствовал себя маленьким, толстеньким, невоспитанным и потным обжорой с вечно бурчащим желудком и заложенным носом. Около нее он сразу начинал представлять себя неким набором жизнеобеспечивающих механизмов: трубок, клапанов, насосов, фильтров и прочего – и это сразу обрекало его на полный провал. При взгляде на ее лицо собственное казалось ему крикливой маской. Любуясь ее телом, он ощущал свое дешевой заводной игрушкой. Цвета ее были приглушены и утончены. Зеленовато-серые глаза смотрели спокойно, он никогда не видел в них ни страха, ни презрения. Венди не просто казалась спокойной – она поражала его своей стойкостью и хладнокровием. Ей было лет двадцать пять-двадцать шесть, и похоже, что она никогда не выглядела моложе – но зато она никогда не будет выглядеть старше, потому что слишком хорошо владеет собой, чтобы подчиняться воздействию времени…

– Я здесь, – мягко сказала Венди.

– Хорошо… И остался у нас Фред Зафски. – Взгляд Рансайтера остановился на средних лет мужчине с выпирающим кадыком. Выглядел он как-то неестественно: полный, большеногий, с гладко зачесанными волосами и нечистой кожей, одетый, по случаю командировки, в одноразовый комплект цвета павианьей задницы. – Должно быть, это вы?

– Совершенно верно, – захихикал Зафски. – И что из этого?

– Боже мой, – сказал Рансайтер, покачав головой. – Впрочем, на всякий случай одного антипаракинетика мы должны взять. Это вы и есть. – Он отодвинул документы и стал искать свою сигару. – Вот и вся группа, – сказал он Джо, – и еще ты да я. Заменить кого-нибудь не хочешь?

– Я доволен, – сказал Джо.

– Ты считаешь, что это лучший состав, который мы можем выставить на эту игру?

– Да.

– И против команды Холлиса она потянет?

– Да.

Но помимо этого «да» существовало что-то еще…

Джо не мог определить, что именно его угнетало. Потенциально противополе, создаваемое одиннадцатью инерциалами, было колоссальным. И тем не менее…

– Мистер Чип, – тронул его за руку Тито Апостос. – Не могли бы вы уделить мне минутку? Дело в том, что этой ночью я, похоже, находился в контакте с одним, а возможно, что и с двумя людьми Холлиса: телепатом, работающим, похоже, в паре с предсказателем. Как вы думаете, стоит сообщить об этом мистеру Рансайтеру?

Джо с сомнением посмотрел на Рансайтера. Тот сидел в своем драгоценном кресле и пытался заново раскурить свою «гавану». Щеки его запали, и выглядел он до невозможности усталым.

– Не стоит, – сказал Джо, – обойдется…

– Леди и джентльмены, – заговорил Рансайтер, пытаясь перекрыть шум в кабинете. – Мы отправляемся на Луну: вы, одиннадцать инерциалов, мистер Чип, я и представитель заказчика мисс Зэу Вирт – всего четырнадцать человек. Полетим мы на нашем корабле. Сейчас, – он взглянул на свои старинные золотые часы, – три тридцать. «Прэтфолл-2» стартует с главной площадки в четыре. – Он закрыл крышку часов и спрятал их в карман. – Вот и все, Джо. К добру ли, к худу ли… Неплохо было бы иметь собственного предсказателя, а? – И лицо, и голос его выдавали крайнюю озабоченность и уже почти полное отсутствие сил тащить на себе тяжкий груз забот, необратимых решений, ответственности, прожитых лет…

Глава 6

Слушайте: пришло время уделить немного любви и ласки мужским лицам! Вечное самозатачивающееся лезвие «Убик»! Швейцарское хромирование! Дни сражений со щетиной канули в далекое прошлое! Пользуйтесь только «Убиком»-и вас найдет любовь! Обращаться с осторожностью.

Применять только согласно инструкции.

– Добро пожаловать на Луну – бодро сказала Зэу Вирт; ее глазки, увеличенные треугольными очками в красной оправе, радостно сияли. – Мистер Говард поручил мне от своего лица приветствовать вас всех и каждого в отдельности, а особенно мистера Глена Рансайтера, и поблагодарить его за то, что дал нам возможность воспользоваться вашими услугами. Мы находимся в отеле, расположенном под поверхностью Луны. Отделку отеля производила сестра мистера Говарда, Лейда, чей художественный талант несомненен. В трехстах ярдах от отеля находятся промышленные и научные сооружения, которые, как считает мистер Говард, и подверглись инфильтрации. Ваше присутствие здесь и сейчас уже, должно быть, мешает деятельности агентов Холлиса, что бесконечно радует нас. – Она замолчала и обвела глазами собравшихся. – Есть ли вопросы?

Настраивающий свои тестеры Джо проигнорировал ее. Несмотря на подозрительное упорство клиента, он был намерен провести замеры поля. Во время часового перелета они с Рансайтером посовещались и твердо решили это сделать.

– У меня вопрос, – сказал Фред Зафски и захихикал. – Где тут ванная?

– Вы получите по миниатюрной карте, где все обозначено, – Зэу Вирт кивнула бледной ассистентке, и та стала раздавать всем яркие глянцевые карты. – Вы видите кухню: там есть все необходимое для приготовления пищи. Пользоваться кухней можно бесплатно. В свое время стоимость постройки этого жилого комплекса на двадцать человек была колоссальной. Комплекс полностью автономен, он располагает системой воздухоснабжения, отопления, подачи воды и пищи. Есть здесь также кабельное ТВ и высококлассная полифоническая звуковоспроизводящая аппаратура. Однако, в отличие от кухни, пользование ею возможно только за плату. В зале игр вы найдете разменный автомат, и это значительно упростит вашу жизнь.

– На моем плане только девять спален, – сказал Эл Хэммонд.

– В каждой спальне имеются две кровати, одна над другой, –

пояснила мисс Вирт. – То есть на восемнадцать человек. Пять из них достаточно широки, чтобы можно было спать вдвоем – если кому-то захочется именно этого.

– Есть специальное распоряжение насчет того, можно ли моим сотрудникам спать вместе, – раздраженно сказал Рансайтер.

– Ну и?..

– Только порознь, – он смял свою карту и бросил ее на теплый металлический пол. – И не пытайтесь приучить меня к мысли…

– Но ведь вы не собирались оставаться, – сказала мисс Вирт. – Разве вы уже не намерены покинуть Луну, как только ваши сотрудники приступят к делу? – Она улыбнулась Рансайтеру своей высокопрофессиональной улыбкой.

Не ответив ей, Рансайтер повернулся к Джо:

– Что там с полем?

– Вначале надо определить антиполе нашей команды, – сказал Джо.

– Это ты должен был сделать еще в полете, – бросил Рансайтер.

– Вы проводите замеры? – забеспокоилась мисс Вирт. – Мистер Говард категорически против этого, я уже говорила!

– Тем не менее замеры мы проведем, – сказал Рансайтер.

– Но мистер Говард!..

– В нашем бизнесе Стэнтон Мик не авторитет, – сказал Рансайтер.

Мисс Вирт обратилась к своей бледной ассистентке:

– Пожалуйста, попросите мистера Мика спуститься сюда. А вас, мистер Рансайтер, я убедительно прошу не делать ничего до встречи с мистером Миком.

– По нашему полю данные уже есть, – прошептал Джо Рансайтеру. – Оно чрезвычайно сильное. – Наверное, это из-за Пат, подумал он. – Гораздо сильнее, чем можно было ожидать. – Какое им дело до наших измерений, думал он, мы на месте и времени зря не тратим…

– Тут есть шкафы для одежды? – спросила Типпи Джексон. – Я хотела бы распаковать багаж.

– В каждой комнате, – сказала мисс Вирт, – есть большой шкаф, срабатывающий после опускания монеты. А пока я хочу вручить вам этот подарок, – она жестом фокусника достала откуда-то большой пластиковый пакет – этот запас монет для начала. Не могли бы вы раздать их? – спросила она Йона Илда. – Это жест доброй воли со стороны мистера Мика.

Эди Дорн подняла руку:

– Нет ли здесь медсестры или врача? У меня бывает

раздражение кожи, если я много работаю. Тогда я пользуюсь гидрокортизоновой мазью, но сейчас в спешке я ее забыла.

– Разумеется, есть. В научных и промышленных комплексах есть врачи и даже небольшая больничная палата.

– Они тоже включаются от монетки? – спросил Сэмми Мэндо.

– Медицинское обслуживание бесплатное, – сказала мисс Вирт, – если пациент докажет, что он действительно болен. Правда, автоматы, отпускающие лекарства, работают от монет. Кроме того, в зале для игр имеется автомат, продающий транквилизаторы. Если хотите, мы можем установить и автомат, торгующий стимуляторами.

– А как насчет галлюциногенов? – спросила Франческа Спэниш. – Я работаю намного лучше, если употребляю психоделические препараты. Тогда я вижу своего противника, и это помогает сосредоточиться.

– Наш мистер Мик не одобряет употребление психоделических препаратов, так как спорынья, входящая в их состав, вредно действует на печень. Если вы привезли их с собой, то можете применять, но мы их не распространяем, хотя не исключено, что они где-то есть.

– С каких это пор тебе потребовались галлюциногены? – наклонился к Франческе Дон Дэнни. – Вся твоя жизнь – это сплошная галлюцинация.

– Две ночи назад у меня было поразительное видение-ровным голосом сказала Франческа.

– Ничуть не удивлен, – сказал Дон.

– Толпа предсказателей и телепатов спустилась на мой балкон по веревочной лестнице из чистейшей натуральной пеньки. Они прошли сквозь стену и обступили мою кровать. Они читали мне стихи и прекрасную прозу из старинных книг – это было восхитительно! Они показались мне такими… такими… – она замерла, выбирая слово. – Такими блистательными! Один из них, по имени Билл…

– Секунду, – перебил ее Тито Апостос. – Я тоже видел сон, похожий на этот. – Он повернулся к Джо: – Помните, я говорил вам перед отлетом? Помните? – Руки его судорожно сжались.

– Мне они тоже снились – сказала Типпи Джексон. – Билл и Мэтт. Сказали, что прикончат меня.

– Ты был обязан сказать мне – повернулся Рансайтер к Джо. Лицо его налилось темной кровью.

– Да, но… мне показалось, что… – Джо замолчал. – Ты выглядел таким уставшим, – закончил он.

– Это был не сон, – уверенно сказала Франческа. – Это было видение. Уж я-то знаю.

– Это точно, – сказал Дон Дэнни и подмигнул Джо.

– Я тоже видел сон, – сказал Йон Илд. – Про автомобили. Я старался запомнить их номера. Запомнил шестьдесят пять – и помню их до сих пор. К чему бы это?

– Глен, мне очень жаль, – пробормотал Джо. – Я ведь думал, что это привиделось только Апостосу. О других я не знал. Я…

Открылась дверь лифта. Джо обернулся. Низенький и толстоногий Стэнтон Мик важно шел по направлению к ним. Одет он был в пурпурные брючки до щиколоток, розовые меховые тапочки и безрукавку из змеиной кожи. Длинные обесцвеченные волосы перехватывал ремешок. Его нос, подумал Джо, похож на грушу от клаксона – как у тех такси, что ездят по Нью-Дели: такой же мягкий и такой же шумный. Самый шумный нос, какой мне когда-нибудь встречался.

– Привет вам, лучшие анти-пси! – Мик развел руки, как будто бы хотел всех обнять. – Вот они, истребители нечисти! – голос его был на редкость неприятный, писклявый и скрипучий. Такой звук, подумал Джо, мог бы издавать рой металлических пчел… – Банда подонков, обладающих пси-способностями, – продолжал Мик, – обрушилась на наш мирный, дружелюбный, безвредный городок Стэнтона Мика – Миквилл, как мы его зовем. Нам пришлось несладко здесь, в этом уютном милом поселении, – но вы, надеюсь, уже принялись за работу? Ведь вы лучшие в мире специалисты – и это понимает всякий, кто хоть краем уха слышал об Ассоциации Рансайтера. Я уже в восторге от вашей деятельности – за одним исключением: я вижу, что ваш сотрудник возится здесь со своей аппаратурой. Эй, контролер, не слышите, что ли, я с вами разговариваю!

Джо отключил тестеры и вырубил питание.

– Так вы удостоите меня вниманием? – продолжал Мик.

– Да – сказал Джо.

– Зачем ты выключил? – сказал Рансайтер. – Ты на службе у меня, а не у Мика.

– Уже все – сказал Джо. – Он пришел слишком поздно.

– Ну и?..

– Никакого поля нет.

– Наши ребята нейтрализовали его?

– Нет. В зоне действия аппаратуры нет источников поля. Антиполе я регистрирую четко – значит, тестеры работают. Наши ребята создают две тысячи единиц – со всплесками до двух тысяч ста. Думаю, со временем напряженность антиполя еще возрастет. Возможно, до…

– Ничего не понимаю, – сказал Рансайтер.

Все инерциалы сгрудились вокруг Джо. Дон Денни взял в

руки ленту самописца, посмотрел на прямую, без малейших отклонений, линию, потом протянул ленту Типпи Джексон. Все инерциалы по очереди изучили ее, потом посмотрели на Рансайтера. Тот повернулся к Стэнтону Мику:

– С чего вы взяли, что здесь есть люди Холлиса? И почему возражали против проведения предварительных замеров? Вы что, знали, что мы получим отрицательный результат?

– Конечно же знал, – с уверенностью сказал Джо.

Рансайтер вспыхнул. Он хотел что-то сказать Мику, но передумал и шепнул Джо: «Возвращаемся. Все на корабль – немедленно». Вслух он произнес:

– Собирайте вещи, через пятнадцать минут мы вылетаем обратно в Нью-Йорк. Опоздавшие рискуют застрять на Луне. Джо, все свое барахло стаскивай в кучу, я помогу дотащить…

Он снова повернулся к Мику, и в этот момент Мик, раскинув руки, всплыл к потолку, продолжая скрипеть своим невыносимым голосом:

– Мистер Рансайтер, не позволяйте своим эмоциям восторжествовать над разумом. Попросите своих людей успокоиться, соберемся вместе, все обсудим, придем к взаимопониманию… – Раздувшееся тело Мика качалось под потолком, медленно вращаясь.

– Это бомба-андроид, – прошептал Рансайтер, – я слышал о таких. Джо, выводим людей. Она уже на авторежиме…

В этот момент бомба взорвалась.

Едкий вонючий дым, застилавший глаза, всосался в щели на стенах и в полу – и все увидели лежащее у ног Джо Чипа конвульсивно вздрагивающее тело.

– Это же мистер Рансайтер! – закричал в ухо Джо Дон Денни, заикаясь от волнения. – Они убили Рансайтера!

– Остальные целы? – спросил Джо хрипло. Дым забил легкие и не давал говорить. В голове звенело, и по шее текла теплая струйка. Зацепило…

– Остальные, кажется, целы, – сказала Венди Райт. – Разве что ранены.

Наклонившись над Рансайтером, Эди Дорн сказала:

– Может быть, вызвать воскресителя? У Холлиса есть воскресители…

– Он жив, – сказал Джо, выпрямившись.

Да, Рансайтер был еще жив, но с минуты на минуту слова Денни могли стать правдой.

– Слушайте меня, – сказал Джо. – Поскольку мистер Рансайтер ранен, руководство переходит ко мне – по крайней мере, пока мы не вернемся на Землю.

– Если мы вообще туда вернемся, – сказал Эл Хэммонд, прижимая свернутый носовой платок к ране над правым глазом.

– У кого есть оружие? – спросил Джо. – Я знаю, что это противоречит уставу, но кто-то наверняка захватил его. Забудьте о том, что это незаконно, забудьте вообще все, что вам говорили раньше…

– У меня есть, – сказала Типпи Джексон. – В багаже. В соседней комнате.

– А мой здесь, со мной, – сказал Тито Апостос. В правой руке он держал старомодный пулевой пистолет.

– Короче, у кого оружие в багаже – несите, – сказал Джо. Шесть человек направились к двери.

– Рансайтера надо поместить в холодильник, – сказал Джо оставшимся с ним Элу Хэммонду и Венди Райт.

– На корабле? – уточнил Хэммонд.

– Да. Беритесь с той стороны – и понесли. Апостос, идите впереди нас и стреляйте в любого из людей Холлиса, которые попробуют встать на пути.

– Думаете, в этом деле за мистером Миком стоял Холлис? – спросил Йон Илд, появляясь в дверях с лазером в руке.

– За ним или даже вместо него, – сказал Джо. – Возможно, никакого Мика здесь не было с самого начала… – Поразительно, что взрывом бомбы нас не поубивало всех, подумал Джо. И что случилось с мисс Вирт? Или она ушла до взрыва? Не помню… Интересно, как бы она отреагировала, узнав, что работает не на Мика, а на Холлиса и что ее подлинный работодатель нанял нас только для того, чтобы убить? Наверное, ее тоже прикончат. Просто для гарантии. Зачем им лишний свидетель?..

С оружием в руках вернулись остальные. Учитывая ситуацию, все одиннадцать вели себя великолепно.

– Если мы успеем поместить Рансайтера в холодильник, – на ходу говорил Джо, неся вместе с Хэммондом тело своего шефа, – он сможет и дальше руководить фирмой, как Элла… – Локтем он нажал кнопку лифта. – Мало шансов – они, скорее всего, отключили энергию.

Лифт, однако, подошел.

– Еще трое с оружием – с нами, – скомандовал Джо.

– К черту! – сказал Сэмми Мэндо. – Вы уедете, а нас здесь перережут? А если этот лифт не вернется? – Лицо его было перекошено.

– Рансайтер поедет первым, – твердо сказал Джо и нажал кнопку. Лифт пошел вверх, унося его, Хэммонда, Апостоса, Венди Райт, Дона Денни – и Рансайтера. – Приходится так поступать, – как бы оправдываясь, сказал он. – Впрочем, если нас там ждут, мы

первыми попадем к ним в руки. Впрочем, они вряд ли ждут, что мы вооружены…

– Существует закон… – начал Дон Денни.

– Посмотри, он жив? – попросил Джо Тито Апостоса.

– Слабо, но дышит, – сказал Апостос. – Шанс есть.

– Да, шанс есть… – С момента взрыва Джо испытывал непонятное оцепенение, и психологическое, и физическое. Казалось, что повреждены барабанные перепонки. И этот холод… Когда будем на корабле, подумал Джо, и поместим Рансайтера в холодильник, то сразу же по радио вызовем помощь. Если не сможем стартовать сами – нас заберут отсюда…

Он знал, что обманывает сам себя. Шансов у них не было. Пока помощь придет, здесь никого уже не останется в живых.

– Можно было взять в лифт хотя бы женщин, – сказал Апостос. У него тряслись руки.

– Мы в большей опасности, – повторил Джо. – Я думаю, Холлис рассчитывал на то, что выжившие воспользуются лифтом…

– Ты уже говорил это, Джо, – сказала Венди Райт.

– Я просто пытаюсь объяснить, почему я так поступил. Почему оставил тех, других…

– Слушай, а способности этой новенькой? – спросила Венди. – Как ее – Пат? Может быть, она сможет переместиться в момент перед взрывом и все изменить? Как ты думаешь, Джо?

– Я совсем забыл об этом, – сказал Джо.

– Давайте тогда вернемся, – предложил Апостос. – Не будем соваться в засаду.

– Приехали, – сказал Дон Денни. Он побледнел и облизал губы, глядя, как раздвигаются створки двери.

За дверью никого не было. Движущаяся лента тротуара вела к посадочной галерее, в дальнем конце которой за воздушными мембранами можно было различить основание их корабля. Странно, подумал Джо, неужели они были так уверены, что взрывом убьет всех нас? Почему они не отключили ток? Что-то у них не сработало…

– Я думаю, – сказал Дон Денни, пока Хэммонд и Джо переносили Рансайтера из лифта на ленту тротуара, – нас спасло то, что бомба взорвалась под потолком. Осколки прошли над головами… Они не думали, что кто-нибудь уцелеет, поэтому не отключили ток.

– Возблагодарим Господа, что бомба всплыла, – сказала Венди Райт. – Но как же здесь холодно, боже! Наверное, бомба повредила систему отопления.

Тротуар двигался до невозможности медленно. Джо

показалось, что прошло минут пять, прежде чем они достигли воздушных шлюзов. Это движение, больше всего напоминающее прогулку улиток, показалось ему едва ли не самым тяжелым из всего происшедшего. Сам Холлис не придумал бы худшей пытки…

– Подождите! – крикнул кто-то позади. Послышался звук шагов. Тито Апостос с пистолетом наготове обернулся, потом опустил оружие.

– Это наши, – сказал Дон Денни. Хэммонд и Джо, не в состоянии обернуться, проносили тело Рансайтера сквозь сложную систему мембранных дверей. – Все в порядке. Скорее сюда! – он помахал рукой.

Соединительный туннель связывал корабль с посадочной галереей. Услышав характерный тупой звук своих шагов, Джо не поверил: они что, отпускают нас? Или ждут нас на корабле? Мы похожи сейчас на мышек в лабиринте, и кто-то, развлекаясь, гоняет нас из тупика в тупик… до мышеловки? Щелчок – и наши размозженные трупики лягут на пол, как… Он посмотрел на Рансайтера.

– Денни – сказал он вслух. – Иди первым. Посмотришь, не ждут ли нас там.

– А если ждут? – спросил Денни.

– Тогда возвращайся – криво улыбнулся Джо – и скажи нам об этом. Мы капитулируем, и они спокойно перебьют нас.

– Джо, – тихо, но настойчиво сказала Венди, – попроси эту Пат использовать свои способности. Пожалуйста, Джо.

– Давайте сначала проберемся на корабль, – сказал Тито Апостос. – Не доверяю я этой девушке, не нравится она мне почему-то…

– Ты просто не уловил, в чем суть ее таланта, – сказал Джо, не отрывая глаз от маленького и тощего Дона Денни, который, повозившись с замком, открыл дверь и исчез в недрах корабля. – Он не вернется, – Джо тяжело задышал; Рансайтер вдруг показался ему неимоверно тяжелым. – Давай положим его, – сказал он Хэммонду. Вдвоем они опустили тело на пол туннеля. – Тяжеловат старик, – Джо выпрямился. – Я поговорю с Пат, – повернулся он к Венди.

Отставшие подтянулись. Группа стояла, сбившись в плотную кучку.

– Да-а, – сказал Джо, вглядываясь в лица. – А мы-то думали, что провернем выгодное дельце… никогда не знаешь, на чем споткнешься. Сволочь Холлис… Пат. Слушай, Пат… – он замолчал. Лицо Пат было черным от копоти, а сквозь дыры в безрукавке виднелся эластичный лиф, модно уплощавший грудь.

Лиф украшал рисунок из элегантных бледно-розовых лилий. Непонятно почему эта бессмысленная деталь запечатлелась в памяти Джо. Он протянул руку и положил ее на плечо Пат: – Ты не могла бы вернуться в прошлое? В момент перед взрывом? Спасти жизнь Глену Рансайтеру?

– Поздно, – сказала Пат.

– Почему?

– Потому что так оно и есть. Слишком много времени прошло. Надо было сразу…

– А почему же ты не сделала этого сразу? – тихо, но яростно спросила ее Венди Райт.

– А сама ты об этом подумала? – повернулась к ней Пат. – А если подумала, то почему не сказала? Почему никто ничего не сказал?

– Значит, ты не чувствуешь своей вины, – сказала Венди. – Вины за смерть Рансайтера. Ты могла его спасти…

Пат вдруг засмеялась.

– Там никого нет! – высунувшись из корабля, крикнул Денни.

– Вперед – сказал Джо. – Теперь главное – холодильник…

Вместе с Хэммондом они подняли тело Рансайтера и понесли его к кораблю. Инерциалы толкали их, торопясь скорее оказаться в безопасности. Похоже, что замаячившая возможность выбраться отсюда живыми заставила их забыть о достоинстве и дисциплине, так замечательно проявившихся вначале…

– Ключ! Где ключ?! – пронзительно закричал прямо на ухо Джо Йон Илд, когда Рансайтера вносили в холодильный отсек. – Ключ, мистер Чип!

– Стартовый ключ. От корабля, – пояснил Хэммонд, видя, что Джо ничего не понимает. – Должно быть, он у Рансайтера…

Они обыскали многочисленные карманы Рансайтера и нашли наконец кожаный чехольчик с ключами. Илд забрал его.

– Теперь-то наконец мы можем положить Рансайтера в холодильник? – свирепея от задержек, заорал Джо. – Скорее, Эл, скорее, ради всего святого! – Поздно, думал он, поздно, поздно, мы двигались слишком медленно, все кончено, все кончено…

Взвыли стартовые ускорители, корабль задрожал. Где-то у пульта инерциалы пытались договориться с бортовым компьютером.

Почему они позволяют нам улететь? – этот вопрос не давал покоя Джо. Вместе с Элом они закрепили мертвое – или только кажущееся мертвым? – тело Рансайтера в морозильной камере. Автоматические захваты фиксировали и поворачивали его, создавая впечатление живого, но холодного и бездушного существа.

– Не понимаю, – сказал Джо вслух.

– Они просто ошиблись, – сказал Эл. – У них не было запасного плана на случай, если бомба подведет. Как у тех, которые покушались на Гитлера: удостоверились, что бомба взорвалась, и решили, что все в порядке…

– Давай-ка выбираться, пока не замерзли, – сказал Джо. Оказавшись снаружи, они вдвоем закрутили запирающий штурвал. – Господи, ну и холод! Как тут поверишь, что он сохраняет жизнь? Или хотя бы подобие жизни…

В коридоре их перехватила Фрэнси. Ее длинные волосы были опалены.

– Холодильник имеет систему связи? – спросила она. – Может быть, мы сразу посоветуемся с мистером Рансайтером?

– Это невозможно – сказал Джо. – Связи нет. Протофазонов нет. Самой полужизни – тоже нет. Все это откладывается до Земли. До мораториума.

– Тогда как мы можем узнать, что заморозили его вовремя? – спросил Дон Денни.

– Никак, – сказал Джо.

– Его мозг мог успеть протухнуть! – Сэмми Мэндо скорчил рожицу и захихикал.

– Может быть, и так, – сказал Джо. – Значит, мы никогда больше не услышим голоса Глена и не узнаем, о чем он думает. Может быть, нам придется руководить Ассоциацией без него. Скажем, опираясь на то, что осталось от Эллы. Перенесем директорат в Цюрих, в мораториум… – Он опустился на боковое сиденье, тупо глядя, как четверо за пультом спорят, пытаясь разобраться в системе управления корабля. Как лунатик, преодолевая вязкую боль и слабость, он достал смятую пачку сигарет и выцарапал одну.

Сигарета рассыпалась в пальцах, будто была сделана из пепла. Странно, подумал он.

– Это от взрыва, – сказал, заметив, что произошло, Хэммонд. – От высокой температуры.

– И постарели мы тоже от этого? – спросила Венди, вынырнув из-за плеча Хэммонда и сев рядом с Джо. – Я чувствую себя такой старой. Да я и есть старая. Старая старуха. И твоя сигарета – старая. Мы все постарели, ты разве не видишь? Такого дня у нас еще не было…

Отчаянным усилием корабль оторвался от поверхности Луны, волоча за собой пластиковый рукав соединительного туннеля.

Глава 7

Приобретите чудодейственный «Убик»-и все в вашем доме засияет! Вам нечего будет делать на кухне!

Абсолютно безвреден при использовании согласно инструкции.

– Лучше всего нам сесть в Швейцарии, – сказал Джо Чип. Он включил коротковолновый аудиофон и набрал код Швейцарии. – Если мы поместим Рансайтера в тот же мораториум, где лежит Элла, мы сможем одновременно советоваться с обоими. Если соединить их электронными связями…

– Протофазонными – поправил его Дон Денни.

– Пусть так. Кто-нибудь помнит, как звать владельца того мораториума?

– Герберт… забыла, – сказала Типпи Джексон. – Какой-то Герберт.

– Сейчас, – Венди нахмурилась, вспоминая. – Герберт Шэнхайт фон Фогельзанг. Герберт-Красота-Птичьего-Пения. Мистер Рансайтер перевел мне однажды, и я запомнила. Как жаль, что меня не назвали так.

– Выходи за него замуж, – посоветовал Тито Апостос.

– Я собираюсь замуж за Джо Чипа, – с детской серьезностью в голосе сказала Венди.

– О-о? – Глаза Пат блеснули. – Неужели?

– Ты можешь изменить и это? – спросила Венди. – Твоих способностей хватит?

– Я уже живу с ним, – сказала Пат. – Я его любовница. Я оплачиваю его счета. Утром я заплатила двери, чтобы она его выпустила. Без меня он так и сидел бы в своем блоке.

– И наш полет на Луну сорвался бы, – сказал Эл Хэммонд, глядя на Пат с каким-то сложным выражением на лице.

– Пусть не сегодня – но мы бы все равно полетели, – сказала Типпи Джексон. – Я вот думаю, как славно для Джо иметь любовницу, которая сама платит его входной двери. – Она игриво толкнула Джо плечом, и на лице ее мелькнуло выражение, озадачившее его: выражение одобрения и даже какого-то сексуального соучастия. Этакий легкий вуайеризм, подумал Джо. Получение удовольствия от чужой личной жизни…

– Найдите кто-нибудь телефонную книгу, – попросил он. – Сообщу в мораториум, пусть встретят нас.

Он посмотрел на часы. Еще десять минут полета…

– Вот она, мистер Чип, – сказал Йон Илд после недолгих поисков. Он протянул Джо тяжелую прямоугольную коробку с

клавиатурой и микросканером.

Джо набрал «ШВЕЙЦ», затем «ЦЮР», затем «ВЗЛБ СОБР МОРА».

– Как на иврите, – сказала Пат. – Семантические сокращения.

Микросканер подергался, отбирая необходимую информацию, и выдавил из себя перфокарту, которую Джо ввел в аудиофон.

Аудиофон механическим голосом произнес:

– Номер устарел. Если вам необходима помощь, поместите красный бланк…

– Какого года телефонная книга? – повернулся Джо к Йону Илду. Тот перевернул ее и посмотрел на штамп.

– Тысяча девятьсот девяностого. Двухлетней давности.

– Не может быть – сказала Эди Дорн. – Два года назад этого корабля не существовало. Тут все наиновейшее.

– Всегда случаются накладки – сказал Тито Апостос.

– Только не в этом случае – возразила Эди. – В «Прэтфолл-2» Рансайтер вложил столько денег и сил… Это предмет его гордости.

– Был предметом его гордости – сказала Фрэнси.

– Не согласен – вмешался Джо. Он ввел красный бланк в соответствующую прорезь аудиофона и сказал: – Дайте мне номер Мораториума Возлюбленных Собратьев в Цюрихе, Швейцария. – Потом вновь обратился к Фрэнси: – Рансайтер все еще с нами – следовательно, этот корабль продолжает оставаться предметом его гордости.

Карта, обработанная аппаратом, выползла обратно; Джо взял ее и ввел в считывающее устройство. Тут же на экране появилось отрешенное елейное лицо управляющего Мораториумом Возлюбленных Собратьев. Он похож на стервятника в сиропе, подумал Джо.

– Я Герберт Шэнхайт фон Фогельзанг, – владелец мораториума произнес свое имя с апломбом урожденного аристократа. – Вы хотите поделиться со мной вашей печалью, сэр?

– Да, произошел несчастный случай, – сказал Джо.

– То, что мы называем несчастным случаем, – возразил фон Фогельзанг, – в действительности являет собой проявление воли Господней. В определенном смысле вся наша жизнь не более чем несчастный случай. Тем не менее…

– Я не хочу вступать в теологический спор, – сказал Джо. – Как-нибудь в другой раз.

– Но согласитесь, что именно сейчас – более, чем когда-либо, – теология стала самой надежной опорой для вас. Умерший

был вашим родственником?

– Работодателем, – сказал Джо. – Это Глен Рансайтер. «Ассоциация Рансайтера», Нью-Йорк. У вас находится его жена, Элла. Через несколько минут мы совершим посадку. Вы пришлете транспорт?

– Сейчас он находится в холодильнике?

– Нет, он загорает на пляже во Флориде – с раздражением сказал Джо.

– Я понял так, что ваш необычный ответ означает «да»?

– Короче, встречайте нас в космопорту Цюриха, – сказал Джо и отключился. Теперь нам постоянно иметь дело с этим типом, ничего себе… – Холлис заплатит за все.

– Холлис будет платить мистеру Фогельзангу? – спросил Сэмми Мэндо. – Как интересно.

– Нет, – сказал Джо. – Я имею в виду, что мы прикончим Холлиса. Убьем его. За все его делишки.

За Глена Рансайтера, например, подумал Джо. Замороженного в прозрачном ящике и обложенного пластмассовыми розочками. Пробуждаемого к активной полужизни на один час в месяц, гаснущего, исчезающего, вот уже почти неслышимого… Господи, подумал Джо, почему именно он? Из всех – именно он? Самый живой, энергичный…

– Зато теперь он будет рядом с Эллой, – сказала Венди.

– Да, в каком-то смысле… Не люблю мораториумы, – сказал Джо. – И не люблю их владельцев. Этот Герберт Шэнхайт фон Фогельзанг… Почему Рансайтер выбрал Швейцарию? Чем хуже Нью-Йорк?

– Швейцарцы пионеры в этом деле, – сказала Эди Дорн. – У них лучше получается. Средняя продолжительность полужизни в Швейцарии на два часа больше, чем где-либо.

– ООН следует запретить поддержание полужизни, – сказал Джо. – Это извращение природного порядка рождений и смертей.

– Будь Господь приверженцем полужизни, мы так и рождались бы в гробу, набитом сухим льдом, – поддразнил его Эл Хэммонд.

– Мы в створе порта Цюриха, – сказал Дон Денни. – Они принимают управление нашим кораблем. – Он, сгорбившись, отошел от пульта.

– Не унывай так, Дон, – сказала Эди Дорн. – Грубо говоря, нам всем безумно повезло. По идее, мы должны быть мертвыми – все. Разорванными бомбой, порезанными лазерами… Только представь себе это – и сразу станет легче.

– Уже сам факт, что лететь надо было на Луну, должен был вызвать подозрения, – сказал Джо. – В законах этой планеты

столько дыр… Рансайтер всегда говорил: если предлагают работу за пределами Земли – насторожись. Будь он жив, он и сейчас сказал бы то же самое. А особо, говорил он, будьте бдительны, если вас приглашают на Луну. Слишком многие там погорели… – Если он оживет в мораториуме, подумал Джо, первой его фразой будет вот эта: «Я всегда с подозрением относился к Луне». Но слишком уж лакомой оказалась приманка… Его поймали именно так, как он сам предполагал.

Заработали тормозные двигатели. Корабль задрожал.

– Джо, – сказал Апостос, – тебе придется сообщить Элле, что случилось с Гленом. Понимаешь, да?

– Я всю обратную дорогу только об этом и думаю, – сказал Джо.

Управляемый автоматами, корабль завис над посадочным столом.

– А кроме того, – сказал Джо, – я должен информировать Объединение о том, что произошло. А они нам вставят хороший фитиль – за то, что дали заманить себя на бойню, как бараны.

– Но ведь Объединение – наш друг, – сказал Сэмми Мэндо.

– После такой параши у нас не останется никаких друзей, – сказал Эл Хэммонд.

Весь в квадратиках солнечных батарей, грузовичок-трансформер с надписью «МОРАТОРИУМ ВОЗЛЮБЛЕННЫХ СОБРАТЬЕВ» ждал у края посадочного стола. Рядом стоял чем-то напоминающий жука человечек в континентальном одеянии: твидовой тоге, мокасинах, малиновом шарфе и пурпурном летном шлеме времен «этажерок». Владелец мораториума увидел Джо и мелкими шажками побежал ему навстречу, еще издали протягивая обтянутую перчаткой руку.

– Судя по всему, вы возвращаетесь не из увеселительной прогулки, – сказал фон Фогельзанг, пожимая Джо руку. – Мои люди могут начинать?

– Да, – сказал Джо. – Идите на борт и забирайте его…

Сунув руки в карманы, он побрел в сторону кафетерия. На душе было гадко. Опять все как обычно, подумал он. Мы снова на Земле. Холлис нас не прикончил – и мы счастливы. Лунная экспедиция, ловушка, кошмары и ужасы – все в прошлом. Начинается новая фаза – и мы ни при чем…

– Пять центов, пожалуйста, – сказала дверь кафетерия.

Джо подождал, пока из кафе не выйдет сидевшая там парочка, и ловко проскочил мимо них. Нашел свободное место, сел, облокотившись о стойку, и принялся изучать меню.

– Кофе, – сказал он наконец.

– Со сливками или с сахаром? – спросил автомат.

– И с тем и с другим.

В маленьком окошечке появилась чашечка кофе, два бумажных пакетика с сахаром и похожий на колбу молочник. Все это двинулось по стойке и остановилось напротив Джо.

– С вас один международный поскред, – сказал автомат.

– Отправьте счет Глену Рансайтеру в Нью-Йорк, – сказал Джо.

– Воспользуйтесь кредитной карточкой, – сказал автомат.

– Мне уже пять лет не позволяют пользоваться кредитными карточками, пока я не расплачусь за…

– Один поскред, пожалуйста, – сказал автомат и начал зловеще тикать. – Иначе через десять секунд я вызову полицию.

Джо бросил монету в прорезь. Тиканье смолкло.

– Такие клиенты нам не нужны, – заявил автомат.

– В один прекрасный день такие, как я, восстанут и свергнут иго машин, – зло сказал Джо. – Тогда вернутся нормальные отношения, вернется теплота, и человеку, прошедшему через черт знает что, дадут чашку кофе независимо от того, есть у него наготове поскред или нет. – Он взял молочник и брезгливо заглянул в него: – И вообще, ваши сливки, или молоко, или что вы туда налили – прокисли.

Автомат не ответил.

– Вы намерены что-нибудь делать? Вы были так многословны, когда хотели получить поскред.

Платная дверь кафетерия открылась и пропустила Эла Хэммонда. Он подошел и сел рядом.

– Эти ребята уже перенесли Рансайтера в свой трансформер. Они спрашивают, не поедешь ли ты с ними?

– Посмотри на это, – Джо встряхнул молочник; жидкость, бывшая в нем, прилипла к стенкам густыми комочками. – А я заказывал сливки. Вот что получаешь за поскред в кафетерии самого современного космопорта Земли. Я не уйду, пока не получу обратно свой поскред или нормальные сливки. Я хочу кофе.

Эл Хэммонд положил руку на плечо Джо и внимательно всмотрелся в его лицо.

– Что происходит, Джо?

– Сначала эта сигарета, – принялся перечислять Джо, – потом старая телефонная книга, теперь – сливки недельной давности… Я не понимаю, Эл.

– Выпей без сливок – сказал Эл – и пойдем проводим Рансайтера. Остальные наши пока побудут на корабле. А потом обратимся в ближайшее бюро Объединения и дадим им полный отчет.

Джо поднял чашечку: кофе был холодный, мерзкий, и то, что сначала казалось пеной, оказалось плесенью. С отвращением он оттолкнул чашку. Да что же такое делается? – растерянно подумал он. Что со мной происходит? Внезапно ему стало страшно.

– Забудь ты об этом кофе, – сказал Эл. – Пойдем же. Нужно, чтобы Рансайтера…

– Знаешь, кто дал мне этот поскред? – сказал Джо. – Пат Конли. И я сразу сделал с ним то, что обычно делаю с деньгами: потратил на ерунду. На чашку прошлогоднего кофе. – Под дружеским нажимом руки Эла он встал и направился к двери. – Может быть, съездишь со мной? Поможешь? Особенно при разговоре с Эллой. Как ей объяснить? Валить все на Глена? Сказать, что это была его идея – лететь на Луну? Так ведь это правда… А может, соврать – сказать, что была авария или что он умер своей смертью…

– Через какое-то время Рансайтер сможет общаться с ней, – сказал Эл. – И сам расскажет ей все.

– Так, может быть, подождем – пусть он сам ей все и расскажет? – предложил Джо, направляясь к трансформеру. – Почему нет? Он сам решил, что нам надо лететь на Луну, – вот пусть сам все ей и рассказывает. Он умеет с ней разговаривать. Он привык.

Вместе с Элом они вошли в кабину трансформера. За пультом управления сидел фон Фогельзанг.

– Вы готовы, джентльмены? – спросил он. – Тогда мы отправляемся в траурное путешествие к месту вечного упокоения мистера Рансайтера…

Джо издал невнятный звук и уставился в окно. Там были только инженерные сооружения космопорта.

– Снимайтесь, – сказал Эл.

Трансформер оторвался от земли. Владелец мораториума вдавил на пульте клавишу, и полились звуки «Торжественной мессы» Бетховена. «Agnus dei, – снова и снова повторяли голоса, – qui tollis peccata mundi…» Звуки симфонического оркестра электронных инструментов наполняли кабину.

– А ты знаешь, что Тосканини частенько подпевал, когда дирижировал при исполнении опер? – спросил Джо. – И в записи «Травиаты» его голос слышен, когда исполняют арию Виолетты в первом акте?

– Никогда не знал этого – сказал Эл. Он смотрел вниз на аккуратные кварталы Цюриха. Джо поймал себя на том, что и сам не может оторвать глаз от проплывающих внизу крыш.

– Libera me, Domine, – сказал он.

– Что это значит?

– Это значит: помилуй меня, Господи. Ты что, не знал? Я думал, это все знают.

– А что это тебе пришло в голову?

– Проклятая музыка. Выключите ее, – сказал он фон Фогельзангу. – Рансайтер все равно ничего не слышит. Слышу только я, а мне не хочется ее слушать. Тебе тоже, наверное, не хочется, а? – спросил он Хэммонда.

– Успокойся, Джо, – сказал Эл.

– Мы сопровождаем нашего мертвого шефа в заведение под названием «Мораториум Возлюбленных Собратьев», а ты говоришь – успокойся. Ты же знаешь, он вовсе не обязан был лететь на Луну. Послал бы нас, а сам остался бы в Нью-Йорке. А получилось, что человек, который больше всех нас любил жизнь, который лучше всех нас умел ею пользоваться…

– Ваш темнокожий приятель дал вам добрый совет, – сказал фон Фогельзанг.

– Какой совет?

– Успокоиться. – Фон Фогельзанг выдвинул ящичек под пультом и подал Джо веселенькую разноцветную коробочку. – Возьмите одну, мистер Чип.

– Жвачка с транквилизаторами, – сказал Джо, принимая коробочку и машинально открывая ее. – «Абрикосовая успокоительная резинка». Как ты считаешь, взять? – спросил он Хэммонда.

– Лучше взять, – сказал Эл.

– А вот Рансайтер не стал бы глотать транквилизаторы, – сказал Джо. – В нашей ситуации – никогда бы не стал. Никогда он не принимал транквилизаторов. Никогда в жизни. Знаешь, что я понял, Эл? Он отдал свою жизнь, чтобы спасти наши. Не так, чтобы прямо…

– Очень не прямо, – сказал Эл. – Ну вот, прилетели. Ты как – сможешь взять себя в руки?

– Когда я услышу голос Рансайтера, я буду полностью спокоен, – сказал Джо. – Когда буду знать, что хоть какая-то искорка жизни в нем еще сохранилась.

– Не стоит так волноваться, мистер Чип – сказал владелец мораториума. – Обычно мы получаем вполне удовлетворительный поток протофазонов. По крайней мере, вначале. Уже потом, когда срок полужизни подходит к концу, наступает печальная минута. Но при разумном планировании эту минуту можно отсрочить на много лет…

Трансформер коснулся земли. Фон Фогельзанг выключил мотор и нажатием кнопки открыл дверь.

– Добро пожаловать в Мораториум Возлюбленных Собратьев, – сказал он, пропуская Джо и Эла вперед. – Моя секретарша, мисс Бисон, сопроводит вас в зал свиданий. Побудьте там, и обстановка восстановит мир в ваших душах. Туда же вам доставят мистера Рансайтера, как только техники установят с ним связь.

– Я хотел бы присутствовать при этом, – сказал Джо. – Видеть, как его возвращают к жизни.

– Может быть, вы, как друг, объясните ему? – обратился владелец мораториума к Элу. – Вас он поймет лучше.

– Мы посидим в зале, – сказал Эл.

– Дядя Том, – презрительно сказал Джо.

– Все мораториумы таковы, – сказал Эл. – Пойдем, посидим в зале.

– Сколько времени вы будете работать?

– Через пятнадцать минут мы определимся. Если за это время не удастся получить устойчивый сигнал…

– Пятнадцать минут? Вы собираетесь пытаться вернуть его к жизни всего за пятнадцать минут? – Он повернулся к Элу: —Ты слышишь, Эл? Всего пятнадцать минут они хотят потратить на человека, который на голову выше их всех… – он понял, что сейчас заплачет. Навзрыд. – Пойдем отсюда, Эл. Пойдем…

– Пойдем, – сказал Эл.

Они поплелись в зал свиданий.

– Сигарету хочешь? – спросил Эл, садясь на диван, обтянутый синтетической кожей.

– Они истлели, – сказал Джо, не прикасаясь к пачке.

– В самом деле… – Эл сунул пачку обратно в карман. – Как ты узнал? – С минуту он ждал ответа. – Джо, ты падаешь духом легче, чем все, с кем я сталкивался. Нам повезло – мы живы. Могло быть наоборот: мы все лежали бы по холодильникам, а Рансайтер сидел бы в этом дурацком зале…

– Все сигареты в мире истлели, – сказал Джо. Посмотрел на часы: прошло десять минут. Он попытался понять, о чем думает. Мысли проплывали насквозь, как серебряные рыбки. Скользкие, неуправляемые, неприятные… Потом они исчезли, и пришел страх. – Если бы Рансайтер был жив и сидел бы здесь – все было бы как надо. Не знаю почему, но это так… Ты застал дантистов?

– Нет, – сказал Эл, – но я знаю, чем они занимались.

– Раньше у людей портились зубы, – сказал Джо.

– Я слышал об этом…

– Отец рассказывал, как ждал однажды приема. Каждый раз, когда медсестра открывала дверь, он думал: ну, все… сейчас начнется то, чего я боялся всю свою жизнь…

– Как ты сейчас, – сказал Эл.

– Да боже мой, почему этот кретин, который тут заправляет, не придет и не скажет, что Рансайтер жив?! Или что он мертв? Да или нет?

– Почти всегда – да. Статистика…

– На этот раз будет нет.

– Ты не можешь этого знать.

– У Холлиса есть отделение в Цюрихе?

– Безусловно. Но к тому времени, когда он пришлет сюда своего предсказателя, мы и так будем знать все.

– Я позвоню, пусть скажут по телефону. – Джо встал, пытаясь вспомнить, видел ли где видеофон-автомат. – Дай мне двадцать пять центов.

Эл помотал головой.

– Эл, в определенном смысле – ты мой подчиненный. Значит, ты должен подчиняться. После смерти Рансайтера руководство фирмой перешло ко мне. С момента взрыва бомбы. Это я решил доставить его сюда. Теперь я решил нанять предсказателя. Дай мне двадцать пять центов.

– Подумать только: Ассоциацией Рансайтера управляет человек, у которого в кармане нет ни цента. Держи. Увеличишь мне жалованье на эту сумму.

Джо потащился по коридору, потирая виски. Если разобраться, думал он, это совершенно противоестественное место. Нейтральная полоса между жизнью и смертью. Если не считать Эллы, перескочил он на другое, то я действительно сейчас глава Ассоциации. И буду им оставаться, пока Элла или Рансайтер не назовут того, кто займет этот пост на постоянной основе. А вдруг они назовут меня? Нет, ерунда. Не может управлять Ассоциацией человек, у которого такое финансовое положение.

Впрочем, предсказатель Холлиса может знать и это. Займу ли я официально пост главы фирмы? Да, это надо выяснить – вкупе с остальным. Предсказателя придется нанять в любом случае…

– Есть тут где-нибудь видеофон? – спросил он одетого в униформу сотрудника мораториума. – А, вижу, спасибо…

Подняв трубку и услышав гудок, он бросил в прорезь полученную от Эла монетку.

– Простите, сэр, но я не могу принимать монеты, вышедшие из обращения, – сказал видеофон и выплюнул монетку к ногам Джо.

– Как это понять? – Пыхтя, Джо нагнулся, чтобы поднять монету. – С каких это пор двадцатипятицентовики Североамериканской Конфедерации вышли из обращения?

– Простите, сэр, но монета, которую вы в меня опустили, была устаревшей монетой в четверть доллара бывших Соединенных Штатов Америки. Теперь она представляет собой только нумизматическую ценность.

Джо внимательно осмотрел монету. На ее потускневшей поверхности был с трудом различим профиль Вашингтона. И дата. Монета была сорокалетней давности…

– У вас проблемы, сэр? – спросил, подходя, служащий мораториума. – Я видел, что автомат выбросил вашу монету. Можно мне взглянуть на нее?

Джо протянул ему четвертак Соединенных Штатов.

– Не согласитесь ли вы принять за нее монету в десять швейцарских франков, которой вы вполне могли бы оплатить разговор?

– Отлично, – сказал Джо. Совершив обмен, он опустил монету в щель и набрал номер службы Холлиса – одинаковый во всех странах.

– Фирма «Таланты Холлиса», – хорошо поставленным голосом сказала возникшая на экране девушка с преображенным новейшей косметикой лицом. – О, мистер Чип! Мистер Холлис весь день ждет вашего звонка.

Естественно, подумал Джо, предвидение…

– Мистер Холлис поручил нам сразу же соединить вас с ним, он хочет лично заняться вашим делом. Подождите одну секунду, я соединяю, сейчас вы услышите мистера Холлиса, такова воля Божья… – Лицо девушки исчезло, и несколько секунд экран был пуст. Потом появилось лицо, только лицо, без шеи и туловища. Синее, мрачное, с глубоко запавшими глазами, напоминающими неправильно ограненные драгоценные камни: они сверкали, но блеск их был каким-то ненатуральным…

– Здравствуйте, мистер Чип, – сказало лицо.

Вот, значит, каков он, подумал Джо. Да, фотографии не передавали всего: неровностей и странных искажений, будто когда-то это лицо разбили вдребезги, а потом склеили, но не слишком тщательно…

– Объединение получит наш рапорт об убийстве Глена Рансайтера, – сказал Джо. – У них достаточно юристов, чтобы остаток жизни вы провели в тюрьме. – Он помолчал, но ответной реакции не дождался. – Мы знаем, что это сделали вы, – он уже понимал всю бессмысленность своего поступка.

– Что касается цели вашего звонка, – сказал Холлис змеиным голосом, – то мистер Рансайтер не будет…

Джо повесил трубку. Рука его дрожала.

Он вернулся в зал свиданий. Там сидел мрачный Эл и

крошил в пальцах то, что было когда-то сигаретой.

– Нет, – сказал Джо.

– Приходил Фогельзанг, – сказал Эл. – Хочет тебе что-то сказать. Шесть против восьми, что у них сложности и он сейчас начнет крутить. Вместо того, чтобы прямо сказать: нет… И что же теперь?

– Холлис должен ответить за это.

– Безнадежно. Нам его не достать.

– Объединение… – Джо оборвал себя. Вошел владелец мораториума, бледный и измученный. Видно было, сколько сил он прилагает, чтобы выглядеть мужественно и твердо.

– Мы сделали все, что могли, – сказал он. – При таких низких температурах электрическое сопротивление отсутствует. Мы должны были получить сильный и чистый сигнал. Но усилитель воспроизводит лишь шум с частотой около шестидесяти герц. Прошу учесть, что далеко не сразу клиент попал в необходимые температурные условия. Прошу не забывать об этом.

– Мы не забываем, – сказал Эл и тяжело поднялся. – Вроде бы все?

– Надо поговорить с Эллой, – сказал Джо.

– Сразу? – Эл покачал головой. – Отложи на утро. Выспишься, обдумаешь ситуацию… Поезжай домой и поспи.

– Ехать домой, – сказал Джо, – это ехать к Пат Конли. Она меня замучает…

– Тогда возьми номер в отеле, – сказал Эл. – Исчезни. Я вернусь на корабль, расскажу нашим, как дела, и подготовлю рапорт в Объединение. Дай мне письменное поручение заняться этим… – он повернулся к Фогельзангу: – Нет ли у вас ручки и листа бумаги?

– Знаешь, с кем бы я поговорил? – сказал Джо. – С Венди Райт. Она может подсказать, что делать. Я ценю ее мнение. Сам не знаю почему. Что-то в ней есть такое…

Он вдруг заметил, что звучит тихая музыка. Та же, что на борту трансформера. «День гнева, день страдания, – мрачно выводили голоса, – мир обращается в пепел, как предрекала Сивилла…» Реквием Верди. Наверное, каждое утро, приходя на работу, фон Фогельзанг собственноручно включает эту музыку…

– Возьмешь номер в отеле, – сказал Эл, – а я шепну Венди Райт, чтобы навестила тебя там.

– Неловко, – сказал Джо.

– Что? – воззрился на него Эл. – В такое время? Когда вся организация может пойти ко всем чертям в пекло, потому что ты никак не можешь взять себя в руки? Сейчас годится все, что приведет тебя в форму. Иди звони в отель, потом скажешь мне…

– Наши деньги ни черта не стоят, – сказал Джо. – Я не смогу никуда позвонить, пока не найду коллекционера, готового обменять наши монеты на современные.

– О Иисус! – тяжело вздохнул Эл и покачал головой.

– Я, что ли, состарил эти монеты? – взвился Джо.

– В каком-то смысле – в очень странном смысле, Джо, – да, ты. Я пока не могу этого объяснить… я не могу даже понять… но смогу. Когда-нибудь. Ладно, пойдем на корабль. Заберешь Венди и тихо смоешься.

«И страх Господень овладеет призванными на суд Его…» – пел хор.

– Чем я буду расплачиваться – они не принимают наших денег! – не мог остановиться Джо.

Выругавшись, Эл достал бумажник.

– Так, эти годятся, хотя и старые… а эти уже нет, – он брезгливо отшвырнул от себя потерявшие ценность монеты. – На, возьми, – он насильно всунул в руку Джо несколько кредиток. – Хватит на ночь в отеле, на завтрак и на легкую выпивку. Отправлю за вами корабль из Нью-Йорка.

– Я тебе все верну, – сказал Джо. – Как исполняющему обязанности директора мне положено неплохое жалованье. Тогда я расплачусь с долгами, с налогами, заплачу все штрафы и пени…

– Без Пат Конли?

– Я пошлю ее к черту.

– Могу себе представить…

– Начну новую жизнь. Сначала. – Я смогу руководить фирмой, подумал Джо. И никогда не допущу подобной ошибки… не позволю выманить нас с Земли и засунуть в мышеловку…

– Мне кажется – сказал Эл – ты слишком любишь проигрывать. И вряд ли перемена обстоятельств может тебя от этого отучить…

– Наоборот, я всегда стремился к успеху, – возразил Джо. – Рансайтер видел это, потому и назначил меня в завещании своим преемником. Там сказано, что я становлюсь главой фирмы, если не удастся вернуть его к полужизни в Мораториуме Возлюбленных Собратьев либо в другом респектабельном мораториуме, который я выберу… – Самоуважение Джо все росло и росло; он видел уже впереди самые блестящие возможности, видел так четко, как видят их предсказатели… и тут он вспомнил о способностях Пат. «Грянут трубы, и мертвые встанут, чтобы предстать пред троном Всевышнего…» – выводил хор.

– К черту ты ее послать не сможешь, – поняв по лицу Джо, о чем он подумал, сказал Эл. – С ее способностями…

– Я сниму номер в «Раут-отеле», – сказал Джо. – Воспользуюсь

твоим советом. – Эл прав, подумал он, ничего у меня не получится… Пат просто сотрет меня в порошок. Я обречен – в самом классическом смысле этого слова. Ему представилась птица в силке… мгновенно постаревшая птица. Он поежился: образ этот показался ему пророческим. Эти монеты. Вышедшие из обращения. Нужные только нумизматам. Для музейных коллекций… Не в этом ли все дело? Не знаю…

«Смерть отступает, и природа внимает гласу Судии, покуда прах восстает из гроба», – хор пел, и пел, и пел…

Глава 8

Если вас одолели денежные проблемы-идите прямо в сберегательную и ссудную кассу «Убик»!От ваших проблем не останется и следа! Предположим, вы возьмете пятьдесят девять поскредов по беспроцентному займу. А теперь смотрите, что из этого получится…

Дневной свет заливал элегантный номер. Щуря глаза, Джо рассматривал внутреннюю отделку: неошелковые экраны с ручной росписью, изображающей восхождение человека от кембрийской амебы до пилота первого аэроплана. Прекрасный стол под красное дерево, четыре пестрых кресла с откидывающимися спинками; их хромированные детали выглядят серебряными… Спросонок Джо пришел в восторг от роскоши номера, а потом его настиг укол острого разочарования: Венди так и не пришла. Не постучала в его дверь… или постучала, а он не услышал? Слишком крепко спал?

Планам основания новой империи не суждено было сбыться…

Преодолевая боль во всем теле – последствие вчерашних приключений – он сполз с необъятного ложа, нашел свою одежду и натянул ее на себя. Было почему-то страшно холодно. Позвонить в сервис, какого черта… Он взял трубку и вдруг услышал знакомый голос.

– …отплатить ему, если это возможно. Во-первых, конечно, установить, замешан ли в этом деле сам Стэнтон Мик, или поскольку в акции против нас участвовал его муляж, то почему и как… – голос был монотонен, говорящий явно не обращался к собеседнику. – …поскольку обычно Мик действует легальными и законными средствами, что и отражено в докладах. В свете этого…

Джо бросил трубку. Голова его кружилась. Голос Рансайтера. Без сомнения – голос мертвого Рансайтера. Он снова поднес трубку к уху.

– …потому что для Мика процессы такого масштаба – дело привычное. Следует привлечь наших юристов, пусть как следует подумают, прежде чем подавать официальный рапорт Объединению. Не следует давать поводов для возможных обвинений в клевете, а такое развитие событий вполне возможно, если…

– Рансайтер! – позвал Джо.

– …в конце концов, возможно доказать…

Джо положил трубку.

Ничего не понимаю.

В ванной он умылся ледяной водой и причесался бесплатной дезинфицированной расческой. Потом подумал и побрился бесплатной одноразовой бритвой, намазал лицо бесплатным кремом и попил из бесплатного одноразового стаканчика. Может быть, эти ребята из мораториума все-таки оживили его? О-полуживили? И подсоединили к моему фону? Ну да, Рансайтер в первую очередь решил поговорить со мной. Но раз так, то почему он меня не слышит? Односторонняя связь? Или какая-то техническая накладка?

Он в третий раз снял трубку.

– …далеко не лучший кандидат на пост директора, особенно если учесть некоторые сложности в личной жизни…

В мораториум мне не позвонить, подумал Джо. Даже горничную не вызвать…

В углу звякнул звоночек, и тонкий механический голосок сказал:

– Здравствуйте! Я ваша бесплатная домашняя газета. Только в номерах-люкс «Раут-отеля» – и больше нигде в мире такого не бывает. Скажите, какие новости вас интересуют, – и через минуту вы получите свежую газету, изготовленную только для вас. Позвольте напомнить – услуга абсолютно бесплатная.

– Отлично. – Джо подошел к машине. Может быть, новость об убийстве Рансайтера уже попала к газетчикам… они же следят за мораториумами…

Он нажал клавишу «Важнейшие межпланетные новости». Из машины немедленно пополз отпечатанный лист.

Та-ак… Никаких упоминаний о Рансайтере. Может быть еще рано? Или Объединению удалось как-то скрыть это? Или Эл сунул хозяину мораториума сколько-то поскредов?.. Нет, все это ерунда… да и деньги он отдал все…

Раздался стук в дверь.

Уронив газету, Джо подкрался к двери. Может быть, это Пат? Поздравляю с добычей, Пат… А может быть, кто-то из Нью-Йорка – прилетел забрать меня. Или даже Венди, хотя это маловероятно. Уже так поздно… А может быть, это убийца, нанятый Холлисом. Будет убивать нас одного за другим…

Он открыл дверь.

За дверью стоял, нервно сцепив руки, Герберт Шэнхайт фон Фогельзанг. От самой двери он начал говорить.

– Я не могу этого понять, мистер Чип. Мы бились над ним всю ночь. Ни единой искорки. Но когда мы подключили электроэнцефалограф, то зафиксировали слабую, но устойчивую

работу мозга. Какая-то форма полужизни есть, однако использовать ее мы не в состоянии. Мы взяли пробы из всех участков коры. Я не знаю, что мы еще можем сделать, сэр.

– То есть метаболизм мозга вы зафиксировали?

– Да, сэр. Мы пригласили эксперта из другого мораториума, и он подтвердил это. Метаболизм мозга протекает так, как это обычно бывает после смерти.

– Как вы узнали, где я? – спросил Джо.

– Я позвонил в Нью-Йорк мистеру Хэммонду. Потом я несколько раз пытался дозвониться до вас, но ваш номер был занят все утро. Мне не оставалось ничего другого, как лично…

– Он сломан, – сказал Джо. – Мой видеофон сломан. Я тоже никуда не могу позвонить.

– Мистер Хэммонд не мог связаться с вами, поэтому попросил меня передать вам следующее: он считает, что вы должны кое-что еще сделать в Цюрихе.

– Напоминает, чтобы я проконсультировался с Эллой, – сказал Джо.

– И сообщили ей о трагической и безвременной кончине ее мужа.

– Не могли бы вы одолжить мне несколько поскредов – позавтракать? – попросил Джо.

– Мистер Хэммонд предупредил меня, что вы будете просить деньги в долг, и сказал, что уже обеспечил вас достаточной суммой…

– Эл не рассчитывал, что я возьму номер-люкс, – сказал Джо. – А других уже не было. Поставьте эту сумму в счет, который вы предъявляете Ассоциации. Как вы знаете, наверное, теперь я исполняю обязанности директора фирмы. Вы имеете дело с позитивно мыслящим и наделенным полномочиями человеком, который упорно поднимался по служебной лестнице – и вот достиг вершины. И вы должны понимать, что я имею все возможности пересмотреть политику фирмы в области выбора мораториума. Мы могли бы подумать о мораториумах поближе к Нью-Йорку.

Сморщившись, фон Фогельзанг достал из недр своей твидовой тоги бумажник из искусственной крокодиловой кожи и раскрыл его.

– Мы живем в безжалостном мире, – сказал Джо, забирая деньги. – Здесь человек человеку волк…

– Мистер Хэммонд просил передать еще одно сообщение, – сказал фон Фогельзанг. – Корабль будет в Цюрихе через два часа. Приблизительно.

– Великолепно, – сказал Джо.

– Чтобы предоставить вам достаточно времени на совещание с Эллой Рансайтер, мистер Хэммонд пришлет корабль непосредственно к мораториуму. В связи с этим мистер Хэммонд предложил мне забрать вас с собой. Мой трансформер припаркован на крыше отеля.

– Так сказал Эл Хэммонд? Что я должен вернуться в мораториум с вами?

– Совершенно верно.

– Высокий сутуловатый негр лет тридцати? Передние зубы золотые, с рисунком, слева направо: черви, трефы, бубны…

– Тот самый человек, с которым вы вчера вместе были в мораториуме.

– А были ли на нем зеленые вельветовые штаны, серые гольфы, короткая куртка из барсучьего меха и лакированные туфли?

– Этого я видеть не мог, потому что на экране видеофона было только лицо.

– Он не произносил каких-нибудь кодовых слов, чтобы я знал, что имею дело именно с ним?

– Я не понимаю, в чем ваши затруднения, мистер Чип, – сказал хозяин мораториума, с трудом сдерживая раздражение. – Человек, разговаривавший со мной, – это тот же самый человек, который был вчера с вами.

– Я не могу рисковать, отправляясь с вами на вашем трансформере, – сказал Джо. – А вдруг вас подослал Холлис? Ведь именно Холлис убил Рансайтера.

С остекленевшими глазами, фон Фогельзанг спросил:

– Вы проинформировали Объединение Предупреждающих Организаций?

– Проинформируем в свое время. Пока мы должны соблюдать крайнюю осторожность. Холлис уже пытался убить нас – там, на Луне.

– Тогда вам нужна охрана, – сказал фон Фогельзанг. – Позвоните в полицию, они выделят телохранителя, я вам настоятельно советую это сделать…

– Я же сказал – мой фон неисправен. В нем голос мистера Рансайтера. Именно поэтому никто не может до меня дозвониться.

– Не может быть… – фон Фогельзанг обогнул Джо и покатился к видеофону. – Я могу послушать? – Он поднял трубку и вопросительно посмотрел на Джо.

– Один поскред, – сказал Джо.

Раздраженно сунув руку в карман, владелец мораториума извлек горсть монет, несколько из них подал Джо и покачал

головой в летном пурпурном шлеме.

– Столько здесь стоит чашечка кофе, – сказал Джо. – И хорошо, что не больше. – Он вспомнил, что давным-давно не ел и что в таком вот виде должен встретиться с Эллой. Лучше принять амфетамин, подумал он, наверное, это здесь бесплатно…

– Ничего не слышно, – сказал фон Фогельзанг. – Ничего абсолютно. Нет даже сигнала. Только какие-то помехи, но очень слабые – как будто на огромном расстоянии. – Он протянул трубку Джо. Джо взял ее и стал слушать.

Далекие статические разряды. За тысячи миль отсюда. Жутко. Так же жутко, как и голос Рансайтера – если только он действительно был.

– Придется вернуть вам ваш поскред, – сказал Джо, опуская трубку.

– Это не имеет значения, – сказал фон Фогельзанг.

– Но вы же не услышали голоса.

– Давайте вернемся в мораториум. Как нам рекомендовал сделать мистер Хэммонд.

– Мистер Хэммонд – мой подчиненный. Это я формирую политику фирмы. И я считаю, что мне следует вернуться в Нью-Йорк немедленно, до беседы с Эллой, потому что составление рапорта Объединению – более важное дело. Когда вы разговаривали с Хэммондом, не сказал ли он: Цюрих покинули все инерциалы или нет?

– Все, за исключением девушки, проведшей ночь в этом отеле с вами, – сказал фон Фогельзанг, в недоумении озираясь. – Но… где же она? Ее здесь нет?

– Какой девушки? – похолодел Джо.

– Мистер Хэммонд не сообщил мне ее имени. Он был уверен, что вы знаете. Кроме того, упоминание имени в данных обстоятельствах было бы нетактичным…

– Здесь никого не было, – сказал Джо. Кто это был, Пат или Венди, в панике думал он. Господи, сделай так, чтобы это была Пат…

– В шкафу, – сказал фон Фогельзанг.

– Что?

– Попробуйте заглянуть туда. В этих дорогих апартаментах огромные стенные шкафы…

Джо нажал кнопку, и пружинный механизм распахнул дверцу шкафа.

На полу, свернувшись калачиком, лежало маленькое тельце. Высохшее, мумифицированное, прикрытое истлевшими клочьями одежды. Спутанные черные волосы прикрывали лицо. Оно такое маленькое, в ужасе подумал Джо, что не может принадлежать

взрослому человеку. Наклонившись, он перевернул мумию. С шелестом, будто были бумажными, скрюченные конечности распрямились. Волосы продолжали прикрывать лицо, и Джо замер, не имея мужества посмотреть наконец, кто перед ним.

– Это старые останки, – сказал фон Фогельзанг. – Совершенно обезвоженные. Будто лежат здесь целый век. Я спущусь вниз и сообщу управляющему.

– Невозможно, чтобы это была взрослая женщина, – убеждая себя, сказал Джо. – Какой-то ребенок. Не Пат и не Венди… – Такое впечатление, что труп сушили в печи для обжига кирпича. Под воздействием высокой температуры в течение долгого времени… Это взрыв, подумал Джо. Термическая волна от взрыва бомбы…

Джо откинул волосы и молча вгляделся в маленькое, сморщенное, потемневшее от жара лицо. Он узнал, кто это. С трудом, но узнал.

Венди Райт.

Она вошла в комнату ко мне, думал Джо, и вдруг с ней что-то стало происходить, и она почувствовала это и спряталась в шкафу, чтобы я не услышал… в свои последние минуты – или часы? – она не издала ни звука, только чтобы не разбудить меня… а может быть, она не могла разбудить меня, пыталась и не могла, и только когда убедилась, что не может разбудить меня, она укрылась в этом шкафу…

Господи, только бы это не длилось долго…

– Вы можете сделать что-нибудь? – спросил он фон Фогельзанга. – В вашем мораториуме?

– Очень поздно. При столь полном обезвоживании никаких проявлений полужизни в ней остаться не могло. Это что – та девушка?

– Да.

– Тогда вам необходимо немедленно покинуть этот отель. Для вашей же безопасности. Иначе Холлис – ведь это Холлис, не так ли? – сделает с вами то же самое.

– Сигареты истлели, – сказал Джо. – Телефонная книга оказалась двухлетней давности. Прокисшие сливки и заплесневелый кофе. Устаревшие деньги. Старение, везде старение… И Венди говорила о старении – еще там, на Луне. Она сказала: я чувствую себя такой старой… – И этот голос по фону, подумал он. Что бы все это могло значить?

Страх, давно уже сидевший в нем, стремительно распухал, превращаясь в неудержимый ужас.

Все это не лезло ни в какие ворота, а главное – голос, который он слышал – совершенно точно, слышал – в трубке

видеофона…

– Радиация, – сказал фон Фогельзанг. – Это похоже на последствия сильного радиационного облучения. Чрезвычайно высокая доза радиации, говорю вам совершенно ответственно.

– Ее убило тем взрывом, – сказал Джо. – Тем самым, что и Рансайтера… – Радиоактивный кобальт, подумал он, частицы кобальта, горячая пыль, осевшая в легких. Значит, всех нас ждет такая вот смерть, и уже не открутиться… поздно. Да, об этом мы не подумали. Никому и в голову прийти не могло, что взрыв был микроядерный…

Вот почему Холлис позволил нам улететь. Впрочем…

Да, это объясняло высыхание сигарет и смерть Венди. Но не голос в трубке, не устаревшие монеты и не кофе с плесенью. Главное – голос, который пропал, когда его попытался услышать кто-то другой…

В Нью-Йорк, причем немедленно, подумал Джо. Встретиться там с теми, кто пережил взрыв. Обсудить все, что происходит. Успеть раньше, чем мы все по очереди превратимся в мумии – как Венди. Если не случится чего похуже…

– Вы не могли бы добыть у управляющего простой пластиковый пакет? – попросил Джо Фогельзанга. – Я заберу останки в Нью-Йорк.

– Мне кажется, следует дать знать полиции, – сказал фон Фогельзанг. – Такое кошмарное убийство.

– Добудьте пакет, – повторил Джо.

– Как хотите. Это ваша служащая, – фон Фогельзанг повернулся и вышел.

– Однажды она попыталась мне услужить, – тихо сказал Джо. – И все… – Ты была первая, Венди, подумал он. Может быть, это и к лучшему. Венди, мы едем домой. Я забираю тебя с собой…

Маленькая Венди.

Я так хотел забрать тебя с собой – по-настоящему…

Все сидели вокруг массивного дубового стола и молчали. Эл Хэммонд посмотрел на часы. Казалось, часы стоят.

– Джо прилетит с минуты на минуту, – сказал он, только чтобы нарушить тяжелое сосредоточенное молчание.

– Давайте пока посмотрим полуденные новости, – сказала Пат. – В фирме Холлиса тоже случаются утечки информации…

– В газетах не было ничего, – сказала Эди Дорн.

– ТВ всегда успевает раньше – сказала Пат. Она подала Элу монету в пятьдесят центов, чтобы включить телевизор, стоящий в дальнем углу кабинета. Этот наиновейший полифонический, с объемным изображением аппарат тоже был предметом гордости

Рансайтера.

– Хотите, я включу? – Сэмми Мэндо в нетерпении потянулся за монеткой.

– Валяй, – сказал Эл.

Уолтер У. Уэйлис, адвокат Рансайтера, беспокойно ворочался в кресле. Его тонкие пальцы терзали замочек кейса.

– Вам не следовало оставлять мистера Чипа в Цюрихе, – сказал наконец он. – До его возвращения мы не можем ничего предпринять, а неотложных вопросов множество.

– Вы читали завещание, – сказал Эл. – Джо его тоже читал. Мы знаем, кого Рансайтер хотел видеть во главе фирмы.

– Но формальности должны быть соблюдены!

– Ждать уже недолго, – сказал Эл.

Чтобы отвлечься, он стал рисовать орнамент на листке бумаги, лежащем перед ним. Какое-то время он был погружен в это занятие. Потом отложил ручку и перечитал то, что было написано на листке.

ИСТЛЕВШИЕ СИГАРЕТЫ
УСТАРЕВШАЯ ТЕЛЕФОННАЯ КНИГА
НЕ ИМЕЮЩИЕ ХОЖДЕНИЯ МОНЕТЫ
ИСПОРЧЕННАЯ ПИЩА
НАДПИСЬ НА СПИЧЕЧНОЙ КОРОБКЕ

– Давайте попробуем еще раз, – сказал Эл. – Может быть, удастся сообразить, что объединяет эти пять… называйте их как угодно. Пять этих самых… – он махнул рукой.

– Глюков, – подсказал Йон Илд.

– Четыре первых объединить легко, – сказала Пат. – Но спички сюда не помещаются. Выпадают.

– Дайте-ка еще посмотреть на эту коробку, – попросил Эл, протягивая руку. Пат подала ему спички. Эл в который раз перечитал рекламу:

ИЗУМИТЕЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗБОГАТЕТЬ

ДЛЯ ВСЕХ, КТО ПОЙМЕТ СУТЬ ДЕЛА!

М-р Глен Рансайтер из Мораториума Возлюбленных Собратьев, Цюрих, удвоил за неделю свой доход – как только получил наши бесплатные выкройки и описания, как изготовить и

продать ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ МОКАСИНЫ ИЗ ИСКУССТВЕННОЙ КОЖИ!!! Хотя м-р Рансайтер ЗАМОРОЖЕН – он заработал четыреста…

Эл не стал читать дальше. Постукивая по зубам ногтем большого пальца, он глубоко задумался. Да, эта рекламка из другой области. Там были распад и тлен, а здесь…

– Интересно, – сказал он наконец, – а если нам попробовать написать этим, – он встряхнул коробку. – Почтовый ящик такой-то, Де-Мойн, Айова.

– Получим бесплатные выкройки и инструкции, как самим изготовить и продать замечательные… – начала Пат, но Эл перебил ее:

– Я думаю, что таким образом мы смогли бы вступить в контакт с мистером Рансайтером. – Все, включая адвоката, уставились на Эла. – Я абсолютно серьезен. Держи, – он подал коробку Типпи Джексон. – Напиши им экспресс-письмо.

– А что написать?

– Наш адрес. Эди, – Эл повернулся к Эди Дорн, – ты уверена, что купила эти спички на прошлой неделе? Не могла коробка попасть к тебе сегодня?

– В прошлую среду я купила несколько коробок и бросила их в сумку. А утром по дороге сюда мне захотелось выкурить сигарету. И я увидела это… Эл, я ведь все это уже говорила. Коробка лежала в моей сумке с прошлой недели, я купила ее задолго до нашего полета на Луну.

– С этой самой рекламкой? – спросил Эл.

– Никогда не обращала внимания на то, что пишут на спичках. Заметила я это только сегодня, а было ли написано раньше – не знаю. Да и может ли кто знать?

– Никто не может, – сказал Дон Денни. – Слушай, Эл, а вдруг это какие-то шуточки Рансайтера? Взял и напечатал зачем-то? Или – Холлиса? Этакая бравада – он ведь знал, что готовит ловушку для Рансайтера. Намек: через пару дней Рансайтер будет лежать в цюрихском рефрижераторе.

– А как он мог узнать, что мы поместим Рансайтера в цюрихский мораториум? А не в нью-йоркский? – спросил Тито Апостос.

– Там Элла, – сказал Дон.

Сэмми Мэндо, стоя около телевизора, молча рассматривал монету, которую ему дал Эл. Узенький его лобик был весь сморщен от умственных усилий.

– Что там, Сэм? – повернулся к нему Эл Хэммонд. Его вдруг охватила внутренняя дрожь: он понял, что сейчас произойдет что-то еще.

– Разве на пятидесятицентовой монете изображен не Уолт Дисней? – спросил Сэмми.

– Обычно Дисней – сказал Эл. – А если монета старая, то Фидель Кастро. Дай-ка посмотреть.

– Еще одна старая монета? – спросила Пат.

– Нет – сказал Эл. – Отчеканена в прошлом году. Ее принял бы любой автомат…

– Так в чем же дело? – сглотнув, сказала Эди Дорн.

– Сэм все сказал. На ней изображен не тот человек. – Эл встал, подошел к Эди и положил монету на ее внезапно вспотевшую ладонь. – Кто это?

– Я… я не знаю… – после долгого молчания сказала Эди.

– Знаешь.

– Ну, знаю, – с раздражением, будто ее вынудили сознаться в чем-то постыдном, сказала Эди.

– Это Рансайтер, – сказал Эл, обводя всех взглядом.

– Занеси и это в свой список, – тихим голосом сказала Типпи Джексон.

– Я думаю, мы имеем дело с двумя независимыми процессами, – деловито заговорила Пат. – Один из них – это процесс старения и разложения. Все согласны?

– А второй? – спросил Эл, подняв голову.

– Я не совсем уверена… – заколебалась Пат. – Но это что-то, связанное с мистером Рансайтером. Я думаю, мы увидим его и на других монетах… Проверьте пока свои деньги, а я еще подумаю.

Все, один за другим, стали доставать кошельки и бумажники, рыться в карманах.

– Пять поскредов с великолепным портретом мистера Рансайтера, – провозгласил Йон Илд. – Остальные… нет, остальные обычные. Хотите посмотреть, мистер Хэммонд?

– У меня два таких, – сказал Эл. – Пока. У кого еще? – Поднялось шесть рук.

Эл долго задумчиво смотрел на них.

– Ну что ж… У восьмерых из нас завелись деньги Рансайтера – назовем их так. Думаю, к концу дня все наши наличные превратятся в них. Или завтра. Или еще через день… Главное, что мы можем ими пользоваться: их принимают автоматы, примут и в погашение кредита.

– А вдруг нет? – сказал Дон Денни. – Откуда ты это знаешь? Эти, как ты их назвал, деньги Рансайтера… – он помахал банкнотой. – По какой причине банки должны принимать их? Они не были пущены в оборот правительством. Это игрушечные, ненастоящие деньги.

– Допустим – сказал Эл. – Допустим, они не настоящие.

Допустим, банк их реквизирует. Ну и что? В этом ли проблема?

– Проблема в том, – сказала Пат, – что мы не понимаем, в чем суть этого процесса, этих *проявлений* Рансайтера.

– Ты правильно сказала, – подхватил Дон Денни. – «Проявления Рансайтера» – это и есть второй процесс. Одни монеты исчезают, выходят из оборота – на других появляется Рансайтер. Процессы идут в противоположных направлениях. Один основан на уходе, на исчезновении из мира чего-то – другой на появлении в мире того, чего никогда не существовало.

– На исполнении желаний, – сказала Эди Дорн тихо.

– Что-о? – удивился Эл.

– А вдруг это было тайной мечтой мистера Рансайтера – чтобы его портрет был на государственных денежных знаках? Это грандиозно…

– А на спичечных коробках? – прищурился Тито Апостос.

– Наверное, нет, – сказала Эди. – Это не очень грандиозно.

– Вообще-то реклама фирмы была и на спичечных коробках, – размышляя, заговорил Дон Денни. – На коробках, в газетах, по ТВ, в журналах. Рекламные бюллетени рассылались по почте. Этим всем занимался наш отдел по связям с общественностью. Рансайтер в его дела не вникал. Спичечные коробки не интересовали его и подавно. Так что, будь это все реализацией его скрытых стремлений, мы скорее увидели бы его лицо на экране телевизора, а не на деньгах или спичечных коробках.

– Может быть, он есть и на экране, – сказал Эл.

– Точно, – подхватила Пат. – Мы ведь так и не включили телевизор.

– Сэмми, – сказал Эл, подавая монету, – включи этот ящик.

– Не знаю, хочу ли я все это смотреть, – сказала Эди Дорн, когда Сэмми, опустив монету, стал манипулировать с кнопками.

Открылась дверь, и вошел Джо Чип. Эл увидел его лицо.

– Выключи, – скомандовал Эл и встал. Остальные молча смотрели, как он шел к Чипу. – Джо, что случилось? В чем дело?

– Я взял корабль в Цюрихе, чтобы прилететь сюда, – сказал Джо.

– Ты с Венди?

– Выпиши чек, надо расплатиться. Корабль ждет на крыше. У меня не хватило денег.

– Вы можете это уладить? – спросил Эл Уэйлиса.

– Да, конечно… – Прихватив кейс, тот вышел. Джо так и стоял у дверей. Элу он показался постаревшим на сотню лет.

– В моем кабинете… – он отвернулся от стола и заморгал. – Я не знаю… вам не стоит смотреть на это… Человек из мораториума сказал, что не может ничего сделать, потому что

прошло слишком много времени. Годы…

– Годы? – сказал Эл, холодея.

– Пойдем со мной, – сказал Джо. Вместе с Элом они вышли из конференц-зала и пересекли холл по направлению к лифту. – Я наглотался таблеток на корабле. Их тоже включили в счет. Теперь вот ничего не чувствую. Наверное, потом почувствую опять…

Подошел лифт. Они спустились на четвертый этаж, где находился кабинет Джо.

– Никому не пожелал бы увидеть такое, – сказал Джо. – Но, думаю, ты выдержишь. Раз уж я выдержал, то ты как-нибудь… – он включил свет.

– Боже всевышний! – выдохнул Эл.

– Не открывай, – сказал Джо.

– Конечно… Утром или ночью?

– Я думаю, все произошло быстро. У дверей в мой номер я нашел клочья одежды, а через холл она прошла нормально, никто ничего не заметил. То есть то, что она добралась до номера… – Джо замолчал.

– Свидетельствует о том, что передвигалась она самостоятельно – ты это хочешь сказать?

– Я думаю о нас. Об оставшихся.

– Не понял?

– Что-то такое… случается с нами…

– Вот это? С нами? С чего бы?

– А с ней – с чего? Это все взрыв, говорю тебе. Мы все перемрем один за другим. По очереди. Пока не останется ни одного. Пока от каждого не останется по десять фунтов волос и кожи и по паре тонких косточек…

– Ты прав, – сказал Эл. – Какая-то сила страшно ускоряет распад. И она начала действовать с момента взрыва. Или была им вызвана… Это мы уже знаем. Кроме того, мы знаем – надеемся, что знаем, – что существует и противоположно направленная сила. И она как-то связана с Рансайтером. На деньгах стали появляться его портреты. На коробке спичек…

– Рансайтер появился в моем видеофоне.

– Как это?

– Не знаю. Просто он там был. Не на экране, не изображение. Голос.

– И что он сказал?

– Ничего существенного.

– А тебя он слышал?

– Нет. Я кричал, но… Односторонняя связь.

– Так вот почему я не мог до тебя дозвониться.

– Да.

– Мы хотели включить телевизор, когда ты вошел. Понимаешь, о смерти Рансайтера ничего не было в газетах. Такая путаница… – Элу не нравилось, как Джо выглядит. Он казался гораздо старше, ниже и худее, чем был. Вот так это и начинается, подумал Эл. Нет, надо установить контакт с Рансайтером. Надо как-то постараться услышать его; наверняка и он пытается прорваться к нам с той стороны… И если мы намерены выжить, мы должны пробиваться навстречу ему.

– Ну, увидим мы его, – сказал Джо. – Ничего это не даст. Будет, как у меня, – односторонняя связь. Хотя, может быть, он сможет сообщить нам, как с ним общаться? Может быть, он понимает, что происходит?

– По крайней мере, он должен знать, что произошло с ним самим. То, чего не знаем мы. – Понятно, что он жив, подумал Эл, хотя в мораториуме не могут наладить с ним связь. Хотя над клиентом такого калибра трудились, наверное, из последних сил… – А фон Фогельзанг слышал его голос?

– Попытался. Но в трубке была тишина. Я потом послушал – тишина и далекие разряды. Звук абсолютной пустоты. Очень странный звук.

– Не нравится мне все это, – сказал Эл. Он и сам не знал почему. – Было бы лучше, чтобы и Фогельзанг его слышал. Тогда бы мы точно знали, что это не твои галлюцинации. Или, если уж на то пошло, не наши общие галлюцинации… взять ту спичечную коробку…

Но кое-что галлюцинациями быть не могло. Автоматы отказывались принимать монеты – непредвзятые автоматы, понимающие только присутствие или отсутствие тех или иных физических свойств. Воображения у автоматов нет, галлюцинировать они не умеют.

– Сделаем так, – сказал Эл. – Сейчас я выйду… Назови наугад какой-нибудь город, в котором ты не был. В котором никто из нас не был…

– Балтимор – сказал Джо.

– Балтимор… Отлично. Еду в Балтимор. Посмотрим, можно ли там что-нибудь купить на «деньги Рансайтера».

– Купи сигарет – сказал Джо.

– Ладно. Заодно посмотрим, не окажутся ли трухой сигареты, купленные в Балтиморе. Заодно проверю другие продукты. Давай поедем вместе? Или хочешь подняться наверх и рассказать нашим о Венди?

– Поедем вместе, – сказал Джо.

– Может быть, лучше вообще не говорить им?

– Надо сказать. Пока это не случилось еще раз. А может быть,

это произойдет еще до нашего возвращения. Или уже происходит?..

– Тогда едем, и немедленно. – Эл решительно шагнул к дверям. Джо двинулся за ним.

Глава 9

Ах, у меня такие сухие, такие непослушные волосы! Что делать бедной девушке? Что делать?! А ничего-просто взять и купить бальзам для волос «Убик»!Какие-то пять дней – и вы не сможете оторваться от зеркала: ах, неужели это я?

В аэрозольной упаковке, применяемый согласно инструкции, «Убик» полностью сохраняет свои качества.

Они выбрали супермаркет «Для счастливчиков» на окраине Балтимора.

– Дайте мне пачку «Пэлл Мэлл», – сказал Эл автоматическому продавцу.

– «Уингз» дешевле, – сказал Джо.

– «Уингз» давно сняты с производства, – раздраженно сказал Эл. – Уже сколько лет…

– Не сняты, – сказал Джо. – Их выпускают, только не рекламируют. Не нуждаются эти сигареты в рекламе… Пачку «Уингз» вместо «Пэлл Мэлл», – сказал он автоматическому продавцу.

Пачка сигарет скользнула на прилавок.

– Девяносто пять центов, – сказал автомат.

– Вот десять поскредов, – Эл вложил банкноту в автомат. Тихо жужжа, тот отвернулся и стал изучать ее.

– Ваша сдача, сэр – сказал автомат, выкладывая перед Элом аккуратный столбик монет и несколько банкнот. – Прошу вас, двигайтесь дальше.

Итак, «деньги Рансайтера» принимают, подумал Эл. Они с Джо посторонились, уступая место следующей покупательнице, полной пожилой леди в плаще черничного цвета и с плетеной мексиканской сумкой в руках. Эл настороженно раскрыл пачку…

Сигареты распались в пыль.

– Это доказало бы что-то, будь это «Пэлл Мэлл», – сказал Эл. – Вернусь в очередь…

Он повернулся и увидел, что пожилая леди ругается с автоматом.

– Когда я пришла домой, она была уже мертвая! – настойчиво втолковывала она автомату. – Вот – заберите ее назад. – Она толкнула по прилавку горшочек с увядшим растением – кажется, азалией.

– Деньги я вам вернуть не могу, – сказал автомат. – Растения продаются без гарантии. «Смотри, что берешь!» – вот наш девиз. Следующий.

– А «Сэтэрдей Ивнинг Пост» с вашего газетного стенда – она же прошлогодняя! – продолжала леди. – Что у вас тут происходит? И по телевизору – в какой глубокой марсианской помойке они откопали эти программы…

– Следующий, – повторил автомат. Леди он игнорировал.

Эл прошел мимо прилавка и углубился в магазин. Огляделся по сторонам и увидел высокие, футов по восемь, штабеля, сложенные из сигаретных блоков.

– Возьмем сразу блок, – сказал он Джо.

– «Домино», – прочитал Джо. – Это примерно в цену «Уингз».

– Господи, да поищи ты лучше что-нибудь знакомое. «Уинстон» или «Кул». – Эл вытащил блок из штабеля. – Пустой… – Встряхнул его. Внутри все-таки что-то было – легкое, маленькое. Эл разорвал тонкий картон и заглянул внутрь коробки.

Это был клочок бумаги, исписанный мелким, хорошо знакомым им обоим почерком.

Мне необходимо войти в контакт с вами. Ситуация сложная и становится все более сложной. Есть несколько проблем, которые я хотел бы с вами обсудить. Не поддавайтесь панике. Мне очень жаль Венди Райт, но мы сделали все, что могли.

– Он знает о Венди – сказал Эл. – Может быть, это значит, что с остальными ничего не случится?

– Случайно взятый блок, – сказал Джо, – в случайно найденном магазине в городе, выбранном наугад. И что? Мы получаем предназначенную нам записку от Глена Рансайтера. А что в других блоках? Тоже записки? – Он поднял блок «ЛМ», встряхнул его, открыл. Десять пачек сигарет сверху и десять во втором ряду. – Все в норме…

– В норме? – Эл достал одну из пачек.

– Здесь полный порядок, видишь, да? – Джо вытащил еще один блок из середины штабеля, взвесил на руке, не вскрывая. – Этот тоже полный… – Взял еще один. Потом еще…

Эл стряхивал с пальцев табачную труху.

– Удивительно, как он узнал, что мы придем именно сюда? – сказал Эл. – И возьмем именно этот блок? – Впрочем, все эти вопросы лишены смысла, подумал Эл. Хотя… Процесс разложения против Рансайтера. И так во всем мире. В мироздании. Может быть, солнце погаснет, и Глен Рансайтер повесит на это место что-то, заменяющее солнце. Если сможет, конечно.

Сможет или не сможет, вот в чем вопрос, подумал Эл. Кто знает, на что способен Рансайтер?

И как далеко может зайти процесс разложения?

– Попробуем что-нибудь еще, – сказал Эл. Он двинулся по проходу вдоль стеллажей, уставленных банками, коробками и пачками, и дошел до отдела бытовой техники. Там его внимание привлек шикарный немецкий магнитофон. – Выглядит солидно, – сказал он идущему следом Джо. Выбрал такой же, в упаковке. – Возьмем с собой в Нью-Йорк.

– Может, распакуем и проверим? – предложил Джо.

– И так все понятно, – сказал Эл. – А полной проверки мы здесь все равно не сможем провести. – Он взял магнитофон и пошел к кассе.

Вернувшись в Нью-Йорк, они передали магнитофон в мастерские Ассоциации. Четверть часа спустя мастер сообщил:

– Все движущиеся части изношены. Резина крошится на кусочки. Тормозные колодки лентопротяжного механизма стерты начисто. Эта штука требует капитального ремонта и замены многих частей.

– Как после многолетнего пользования? – спросил Эл.

– Именно так. Давно он у вас?

– Сегодня купил.

– Это исключено, – сказал мастер. – Или вам подсунули…

– Я знал, что беру – сказал Эл. – Знал, еще не сняв упаковку… Новый, только что с завода магнитофон – изношен полностью, – повернулся он к Джо. – Куплен за игрушечные деньги, которые магазин согласился принять. Ничего не стоящие деньги, ничего не стоящая вещь – в этом что-то есть.

– Сегодня вообще плохой день, – сказал мастер. – Утром я проснулся, а мой попугай лежит мертвый…

– Отчего он умер? – спросил Джо.

– Просто умер. Лежит твердый, как дощечка… – Мастер посмотрел на Эла. – Я вам скажу еще кое-что, если вы не знаете. Ваш магнитофон не просто изношен – он еще и устарел лет на сорок. Теперь не используют ни резиновых валиков, ни пассиковых передач. Запчастей вам просто не найти – разве что кто-нибудь сделает их вручную. А какой в этом смысл? Проклятая машинка – доисторическая. Выкиньте ее и забудьте.

– Да, этого я не знал… – Вслед за Джо Эл вышел из мастерских. – Это уже не просто процесс распада, это что-то новенькое. Возникают проблемы с питанием. Какие продукты годятся в пищу через столько лет?

– Консервы, – сказал Джо. – Я видел множество консервов в том супермаркете в Балтиморе.

– И понятно почему, – сказал Эл. – Сорок лет назад продукты в основном консервировали, а не замораживали. Да, ты прав – это

может оказаться нашим спасением. – Он помолчал, потом добавил: – Но за сегодняшний день все вокруг съехало с двух лет до сорока. Завтра утром все может оказаться уже столетней давности. А такого срока хранения никакие продукты не выдержат – в банке ли, без банки…

– Китайские яйца, – сказал Джо. – Тысячелетней давности яйца, их закапывают в землю.

– И все это происходит не только с нами, – продолжал Эл. – Вспомни ту старуху в Балтиморе. То, что происходит, отразилось на ее азалии… – Неужели весь мир пострадал из-за взрыва на Луне, подумал Эл. Почему это отражается не только на нас?

– Войдя сюда… – начал Джо, но Эл перебил:

– Подожди секунду. Я думаю: а что, если Балтимор существовал лишь тогда, когда мы там были? И супермаркет «Для счастливчиков» исчез, как только мы вышли из него? Тогда получается, что взрыв на Луне подействовал только на нас.

– Это старый философский парадокс, не имеющий практического смысла, – сказал Джо. – Поскольку невозможно доказать, так это все или не так.

– Для той старухи это имело бы практический смысл, – сказал Эл. – Да и для остального человечества, пожалуй, тоже.

– Нас догоняет мастер, – сказал Джо.

– Смотрите, что я нашел в инструкции, – заговорил мастер. Он подал Элу буклет, тут же отобрал его и стал листать. – Вот где говорится, кто изготовил эту дрянь и кто производит гарантийный ремонт.

– «Сделано Рансайтером, Цюрих», – вслух прочитал Эл. – Гарантийная мастерская на территории Североамериканской Конфедерации: Де-Мойн… То же, что и на спичках. – Он передал буклет Джо. – Надо ехать в Де-Мойн. Теперь это уже ясно. «Интересно, почему именно Де-Мойн?» – подумал он. – Ты не помнишь, какая-нибудь связь между Рансайтером и этим городком есть?

– Рансайтер там родился, – сказал Джо. – Прожил там до пятнадцати лет. Он как-то говорил об этом.

– Значит, после смерти он туда вернулся. Неизвестно, правда, каким образом… – Теперь он одновременно и в Цюрихе, и в Де-Мойне, подумал Эл. В Цюрихе находится его тело, в мозгу которого происходят метаболические процессы, но контакт установить невозможно. В Де-Мойне Рансайтера в физическом смысле нет, но именно там с ним можно установить контакт… в общем-то, контакт уже установлен, пусть и односторонний – с помощью, скажем, вот этого буклета… А тем временем наш мир опрокидывается в прошлое и забытая реальность выходит на

первый план. В конце недели мы можем проснуться и увидеть, как вниз по Пятой авеню катятся дребезжащие древние автомобильчики. «Тралли Доджерс», вспомнил он – и удивился, что вспомнил. Забытый звук, пришедший из прошлого… эманация давно прошедшего, но действительность тает под ее воздействием. Ему стало не по себе. – «Тралли Доджерс», – повторил он вслух. Сто лет тому назад. Название запало в память, теперь он не смог бы забыть его, даже если бы захотел.

– Откуда вы это знаете? – спросил его мастер. – Этого уже никто не помнит. Это старое название «Бруклин Доджерс».[2] – Он пристально посмотрел на Эла.

– Пойдем наверх, Эл, – сказал Джо. – Убедимся, что все в порядке, и рванем в Де-Мойн.

– Да, надо поторапливаться, иначе мы рискуем затянуть наше путешествие, – согласился Эл. Средства передвижения тоже подвержены регрессу, подумал он, на смену ракетным кораблям приходят самолеты, сначала реактивные, потом поршневые. Не пришлось бы возвращаться на поезде, а то и дилижансом… Или регресс не зайдет так далеко? Магнитофон сорокалетней давности мы уже имеем. Да, может дойти и до дилижансов…

Они быстро направились к лифту. Каждый был погружен в свои мысли. Джо нажал на кнопку. В нетерпении они ожидали подхода кабины.

Лифт остановился с громким лязгом. Машинально Эл распахнул железную дверь – и обнаружил, что стоит перед открытой кабиной с поручнями из полированной латуни. Скучающего вида лифтер в ливрее сидел на стульчике и держался за рычаг, равнодушно глядя на них. Но то, что испытал Эл, равнодушием никак не было.

– Не входи! – сказал он, оттаскивая Джо назад. – Ну-ка, сосредоточься, вспомни, каким был тот лифт: гидравлика, автоматика, полная бесшумность…

Он осекся. Вместо лязгающего подъемного приспособления перед ними возобновил свое бытие прежний лифт. Но Эл продолжал ощущать тайное присутствие той древней кабины – будто она притаилась, невидимая, рядом, готовая подставить себя, как только они отвлекутся… Она хочет вернуться, понял Эл. Она намерена вернуться. Мы можем оттянуть этот момент – самое большее, вероятно, на несколько часов. Нарастает момент ретросилы – назовем ее так. Архаика врывается в наш мир интенсивнее, чем мы думали. Шаг становится равным веку – тому лифту никак не меньше ста лет. Но какой-то контроль мы сохраняем. Вернулся современный лифт. Если бы мы действовали все вместе – не два, а двенадцать сознаний…

– Что ты там увидел? – спросил Джо. – Почему ты не пустил меня в лифт?

– Ты что, не видел этого лифта? Это же был тысяча девятьсот десятый год! Открытая кабина, лифтер на стульчике…

– Ничего такого я не видел, – сказал Джо.

– Но хоть что-то ты видел?

– Вот это, – Джо ткнул пальцем. – Нормальный лифт, я вижу его каждый день, приходя на работу. Его я и видел. – Он вошел в кабину и, повернувшись к Элу, внимательно посмотрел на него.

Наше восприятие начинает различаться, подумал Эл. Что бы это могло значить?

Внезапно это показалось ему зловещим. Каким-то неясным, шестым, десятым чувством он ощутил, что это самая катастрофическая, самая смертельная перемена из всех, что происходили с ним и вокруг него с момента смерти Рансайтера. Венди Райт чувствовала то же самое, пронзило его…

И пришел холод – тот холод, что прикоснулся к нему в последние минуты пребывания на Луне и не оставлял с тех пор, постоянно напоминая о себе. Холод искажал очертания предметов, заставляя их поверхности вздуваться пузырями и лопаться. Холод втекал в поры и щели, замораживая сердца вещей, делая хрупкими те стержни, которые поддерживали души предметов. То, что Эл видел теперь, было ледяной пустыней с вмороженными кое-где валунами. Ветер гулял там, где только что была иная реальность… ветер намораживал и намораживал лед, и валуны почти исчезли под его наслоениями… и темнота воцарилась там, куда не достигал его взгляд, и лишь слабые проблески…

Но ведь это все разыгралось только в моем воображении, подумал Эл. Вселенная вовсе не погребена подо льдом, темнотой, ветром и холодом, все это только мнится мне, мерещится… Странно, подумал он, неужели во мне действительно заключен целый мир? Мир, ограниченный моей телесной оболочкой? Никогда не замечал раньше… Наверное, это признаки умирания, подумалось ему. Вялость, скольжение в энтропию – это и есть начало умирания, и лед я вижу поэтому же, лед – лишь проявление этого процесса. С моей смертью погибнет целая вселенная, с ужасом понял он. Но где же те миры, которые я должен пройти на пути к новому рождению? Где, в частности, туманный красный свет, символизирующий животную страсть? Все, что я вижу, – это вымороженная равнина и подступающая со всех сторон темнота…

Это не просто смерть, сказал он себе. Это что-то искусственное, навязанное: вместо распада, растворения –

раздавливание, решительное и бесповоротное. Может быть, я еще смогу собраться с силами и понять, что происходит… но для этого нужно лечь, лечь и отдохнуть, отдохнуть…

– Что с тобой? – спросил Джо. Они все еще поднимались в лифте.

– Ничего, – сказал Эл. Меня уже можно не брать в расчет, подумал он.

Они молчали, пока лифт не закончил подъем.

Входя в зал, Джо почувствовал вдруг, что Эла рядом с ним нет. Он выглянул в коридор. Эл стоял, не двигаясь с места.

– Что случилось? – снова спросил Джо. Эл не шевельнулся. – С тобой все в порядке?

– Устал – сказал Эл.

– Ты плохо выглядишь – сказал Джо, подходя. Страшное предчувствие нахлынуло на него.

– Пойду умоюсь – сказал Эл. – А ты иди проверь остальных. Все ли с ними в порядке. Я присоединюсь. – Он неуверенно двинулся вперед; его покачивало. – Все будет хорошо, – добавил он.

– Я с тобой, – сказал Джо. – Хочу быть уверен, что ты доберешься.

– Может, если умоюсь теплой водой… – Эл попытался открыть бесплатную дверь в туалет, не смог, и Джо пришлось помочь ему; Эл скрылся внутри. Джо прошелся по коридору. Определенно, что-то случилось с ним, подумал он. После того, как ему померещился какой-то древний лифт… Не в этом ли дело?

Эл снова показался в дверях. Джо увидел выражение его лица.

– Что? – страшным шепотом спросил он.

– Посмотри сам, – сказал Эл. Втащив Джо в туалет, он ткнул пальцем в дальнюю стену: – Граффити. Знаешь, что обычно пишут в сортирах. Читай.

Красной пастой – а может, карандашом – на стене было выведено:

ПРЫГАЙ В СРАЛЬНИК ГОЛОВОЙ – ВЫ УБИТЫ, Я ЖИВОЙ.

– Почерк Рансайтера, верно? – спросил Эл. – Узнаешь?

– Да, – кивнул Джо. – Это его рука.

– Что ж, – сказал Эл, – теперь мы знаем правду.

– Разве это правда?

– Конечно, – сказал Эл. – Вне всяких сомнений.

– И мы узнаём ее таким идиотским способом – со стенки в мужском сортире… – Горькое чувство обиды пересилило у Джо все остальное.

– Зато, как и прочие граффити – четко и прямо. Мы могли бы месяцами смотреть телевизор, болтать по фону, читать газеты – и ни черта не узнали бы. Да что месяцами – до конца жизни… или пока нас не ткнули бы носом – как здесь.

– Но мы же не умерли. Никто, кроме Венди… – начал Джо, но Эл перебил:

– Мы в полужизни. Может быть, на борту «Прэтфолл-2» – возвращаемся с Луны, где нас – нас, а не Рансайтера – убило взрывом. А он старается уловить поток протофазонов, и ему этого пока не удается. Никакие сигналы из нашего мира не проникают к нему. Но ему удалось-таки добраться до нас. Мы встречаем его везде, в самых случайных местах. Его присутствие ощущается на каждом шагу, потому что он, и только он, пытается докопаться до нас…

– Скорее, добраться, – сказал Джо. – Докопаться – это по другому поводу.

– Меня тошнит, – сказал Эл. Он пустил воду в раковину и стал плескать себе в лицо. Кристаллики льда распадались со звоном… – Иди в конференц-зал, Джо. Мне надо побыть одному. Станет лучше, и я приду… если когда-нибудь станет лучше…

– Я думаю, мне лучше побыть с тобой, – сказал Джо.

– Нет, черт побери, убирайся! – На посеревшем лице Эла проступил панический ужас. Он толкнул Джо к двери, развернул лицом к коридору. – Иди посмотри, все ли в порядке у наших? – Согнувшись и закрывая ладонями лицо, он вернулся в туалет. Дверь закрылась за ним.

– Ну ладно, – после минутного колебания сказал Джо. – Я буду в конференц-зале вместе с остальными… – Он подождал, прислушался: молчание. – Эл! – Господи, подумал он, это ужасно, с ним что-то происходит на самом деле… – Эл, я хочу убедиться, что с тобой все нормально!

– Уже поздно, Джо, – тихо и очень спокойно ответил Эл. – Не надо тебе этого видеть…

Свет был погашен – очевидно, Эл сумел как-то дотянуться до выключателя.

– Ты все равно мне не поможешь, – продолжал он слабым, но ровным голосом. – Мы не должны разделяться – именно из-за этого погибла Венди. Ты сможешь уцелеть – на какое-то время хотя бы, – только если вернешься к остальным и будешь всегда с

остальными. Скажи им об этом – и сделай все, чтобы они тебя поняли.

Джо потянулся к выключателю.

Слабый, бессильный, невесомый удар коснулся его руки в темноте. Ужаснувшись этого бессилия, Джо отдернул руку. Теперь не оставалось никаких сомнений. Не было нужды смотреть…

– Пойду соберу остальных, – сказал он. – Я все понял, Эл. Тебе очень плохо?

Тишина, потом слабый шепот:

– Нет, не сказать, чтобы очень. Просто…

Шепот оборвался.

– Может быть, еще увидимся, – сказал Джо. Он сам не знал, почему так сказал, и даже удивился, услышав от себя такую бессмыслицу. Но это было лучшее, что он мог сказать. – Другими словами, – он продолжал, хотя и понимал, что Эл уже ничего не слышит, – я надеюсь, что тебе теперь лучше… Я вернусь, как только расскажу остальным о надписи на стене. Я расскажу им, но попрошу, чтобы они сами сюда не ходили… – Он задумался, как бы выразиться правильно. – Чтобы не беспокоить тебя.

Ответа не последовало.

– Прощай, Эл, – сказал Джо.

Выйдя из темноты в освещенный коридор, он неверными шагами направился к конференц-залу. На секунду остановился, перевел дыхание и толкнул дверь.

Телевизор в дальнем углу зала шумно рекламировал какой-то стиральный порошок. На огромном трехмерном экране домохозяйка критически рассматривала полотенце из синтетической выдры и пронзительно верещала, что ничего подобного в ее ванной не будет! На экране появилась эта ее ванная – в том числе и граффити на стенке. Знакомый почерк…

УТОПИСЬ СКОРЕЙ В КОРЫТЕ – Я ЖИВОЙ, А ВЫ УБИТЫ.

Джо стоял, тупо глядя на экран. В конференц-зале, кроме него, никого не было.

Интересно, подумал он, хватит ли мне жизни, чтобы их найти?

Глава 10

У тебя запах изо рта, да? Тебя не любят девушки, да? Это ужасно. Купи аэрозольный дезодорант «Убик»-и можешь смело мчаться туда, где происходит все самое интересное. Успех тебе обеспечен!

«Убик» сохраняет свои свойства при использовании согласно инструкции.

Диктор сказал:

– А теперь вернемся к выпуску новостей Джима Хантера.

На экране возникла сияющая лысиной голова ведущего теленовостей.

– Глен Рансайтер возвращается сегодня к месту своего рождения. Вряд ли это известие может обрадовать кого-нибудь. Ассоциацию Рансайтера, самую, должно быть, известную предупреждающую организацию на Земле, вчера настиг роковой удар. Бомба террористов, взорвавшаяся в секретном бункере на Луне, смертельно ранила мистера Рансайтера, который скончался раньше, чем его удалось поместить в холодильник. В Мораториуме Возлюбленных Собратьев, несмотря на все усилия, его не удалось привести в состояние полужизни. В силу полной бесперспективности дальнейших попыток полуоживления было решено доставить тело Глена Рансайтера на родину, в Де-Мойн, и поместить в Мортуарий Истинного Пастыря, где состоится гражданская панихида.

На экране появился старомодный деревянный дом, вокруг которого стояло немало людей.

Интересно, кто распорядился поступить так, подумал Джо.

– Это печальное решение, подводящее черту под жизнью Глена Рансайтера, приняла его жена, миссис Элла Рансайтер, находящаяся в том же Мораториуме Возлюбленных Собратьев, где они с мужем рассчитывали воссоединиться когда-нибудь, но судьба так страшно разрушила их планы. – На экране появилась фотография Эллы, сделанная еще при жизни. – Скорбящие подчиненные мистера Рансайтера только что прибыли, чтобы проводить в последний путь своего шефа.

На экране появилась крыша мортуария и стоящий вертикально корабль, из которого выходили мужчины и женщины. Репортер с микрофоном в руках шагнул им навстречу.

– Не скажете ли, сэр, каковы ваши впечатления от Глена Рансайтера – не начальника, а человека? Вам удалось узнать его с этой стороны, пока вы у него работали?

Дон Денни, мигая, как сова, ослепленная светом, сказал в протянутый к нему микрофон:

– Мы все знали Глена Рансайтера именно как человека. Как настоящего человека и гражданина, которому мы могли доверять. Думаю, все подтвердят это.

– Мистер Денни, все ли сотрудники Рансайтера – теперь уже бывшие сотрудники – присутствуют на траурной церемонии?

– Многие, – сказал Денни. – Мистер Лин Ниггельман, президент Объединения, известил нас о смерти нашего директора. Он сообщил, что тело будет доставлено в Де-Мойн и что нам следует прибыть сюда. Он предоставил в наше распоряжение свой корабль, вот этот – Денни показал на корабль, из которого только что вышел. – Мы благодарны мистеру Ниггельману за то, что он сообщил нам о перемещении тела мистера Рансайтера из Цюриха сюда, в этот мортуарий. К сожалению, не все из нас знают об этом, поскольку их не было в тот момент в нью-йоркском бюро фирмы. Я имею в виду инерциалов Эла Хэммонда и Венди Райт и специалиста по измерению полей Джо Чипа. Мы не знаем, где они, но, может быть, вместе…

– Да, может быть, эти люди увидят эту программу, транслируемую по всей Земле, и прибудут в Де-Мойн, чтобы принять участие в этой печальной церемонии, – прервал репортер Денни. – Думаю, именно этого ожидали бы от них мистер Рансайтер и его супруга. А мы вернемся в студию к Джиму Хантеру!

Снова возникший на экране лысый Джим Хантер сказал:

– Рэй Холлис, чей персонал является главным объектом интересов всех предупреждающих организаций, выразил соболезнование по поводу трагической гибели Глена Рансайтера и заявил, что хотел бы принять участие в траурной церемонии в Де-Мойне. Однако, скорее всего, Лин Ниггельман, представляющий Объединение предупреждающих организаций, приложит все усилия, чтобы не допустить участия Холлиса в похоронах, поскольку, как сообщили представители некоторых предупреждающих организаций, первоначальной реакцией Холлиса на смерть Рансайтера было явное облегчение. – Ведущий теленовостей на секунду замолчал, взял в руки лист бумаги и сказал: – Переходим к другим новостям дня…

Джо ногой нажал педаль на блоке питания. Экран погас, голос ослаб и умолк.

С граффити все это не увязывается, подумал Джо. Может быть, Рансайтер все-таки умер? Так говорят по ТВ, так считает Холлис. Так считает Ниггельман… Все они уверены в том, что он

мертв, и все, что можно противопоставить, это два дурацких стишка, которые мог нацарапать кто угодно, что бы там ни говорил Эл…

Снова засветился экран телевизора. Джо вздрогнул: к педали блока питания он не прикасался. Сами собой стали переключаться каналы. Неуловимо менялись изображения, пока не осталось одно, последнее.

Это было лицо Глена Рансайтера.

– Тебе уже не хочется ничего вкусного? – сказал Рансайтер знакомым ехидным голосом. – Свет клином сошелся на тушеной капусте, так, что ли? Все стало старым, стылым, унылым, надоевшим, как утро понедельника, сколько монет ни суй в кухонный автомат? «Убик» изменит все! «Убик» вернет пище сочность, вкус и аромат! – На экране вместо Рансайтера появился ярко раскрашенный аэрозольный баллончик. – Лишь одно прикосновение невесомых частичек препарата – кстати, очень недорогого, – и вас покинут навязчивые ощущения, что весь мир превращается в скисшее молоко, изношенные магнитофоны и допотопные лифты в виде железных клеток. И другие, еще не обнаруженные вами признаки распада тоже исчезнут! Дело в том, что подобные ощущения типичны для большинства людей, находящихся в состоянии полужизни, особенно в начале ее, пока связи с прежним миром еще сильны. В медленно умирающей вселенной сохраняется их собственный изолированный мирок, который, однако, нестабилен, потому что лишен какой бы то ни было энергетической подпитки. Особенно это характерно для вашего случая, когда этот псевдомир формируют несколько взаимодействующих сознаний. Но с появлением нового чудодейственного препарата «Убик» все изменится!

Джо нащупал за собой стул и сел. На экране нарисованная фея кружилась, разбрызгивая «Убик». Потом ее сменила решительная домохозяйка с крупными зубами и лошадиной челюстью. Голос у нее был подстать облику.

– Я перешла на «Убик», опробовав все прочие стабилизаторы действительности. Все они никуда не годятся. Мои кастрюли и сковороды превратились в груду ржавчины. Полы в квартире просели. Мой Чарли толкнул ногой дверь спальни и пробил ее насквозь! Но теперь я использую дешевый современный препарат «Убик», и это дает потрясающий результат! Посмотрите на мой холодильник! – На экране появилась очень старая модель: «Дженерал Электрик» на вращающейся подставке. – Ему не меньше восьмидесяти лет!

– Шестьдесят два, – непроизвольно поправил ее Джо.

– А посмотрите теперь! – Она направила на холодильник

струю из баллончика. Искры магического света пробежали по старому холодильнику, обволокли его – а когда рассеялись, на его месте стоял во всем великолепии новейший шикарнейший шестидверный платный холодильник.

Вновь заговорил Рансайтер. Голос у него был серьезный.

– Итак, мы видим, что использование последних достижений науки может обратить вспять процесс обращения вещей в свои предшествовавшие формы. «Убик» продается во всех хозяйственных магазинах Земли, причем по общедоступным ценам. Предназначен только для наружного применения. Не распылять при открытом огне. Использовать только в соответствии с инструкцией, помещенной на этикетке. Так что ищи его, Джо. Не сиди на месте, шевелись, выйди из дома, купи баллончик с «Убиком» и распыляй его вокруг себя днем и ночью!

– Ты знал, что я здесь, – сказал Джо, поднимаясь. – Значит, ты видишь и слышишь меня?

– Нет, конечно. Этот ролик был записан две недели назад. Точнее, за двенадцать дней до моей смерти. Я знал, что дело кончится взрывом. Воспользовался услугами предсказателя.

– То есть ты мертв на самом деле?

– Мертв, конечно. Разве ты не смотрел репортаж из Де-Мойна? Впрочем, смотрел – мой предсказатель видел тебя.

– А граффити?

Голос Рансайтера загрохотал из динамиков:

– Еще один пример распада! Иди купи себе «Убик», и все эти пакости прекратятся!

– Эл думает, что это мы мертвы.

– Эл распался, – Рансайтер вдруг захохотал, и зал завибрировал от этого хохота. – Слушай, Джо, я записал эту чертову рекламу, чтобы помочь вам – особенно тебе, – потому что мы всегда были друзьями. Я знал, что ты запутаешься во всем этом, – так оно и оказалось. Что неудивительно, учитывая твое обычное состояние. Так что держись. Приедешь в Де-Мойн, увидишь мой труп и успокоишься.

– Что такое «Убик»? – спросил Джо.

– Ты ему уже не поможешь. Слишком поздно.

– Что такое «Убик»? Как он действует?

– Мне кажется, сам Эл индуцировал появление той надписи на стене. Если бы он не позвал тебя, ты ничего бы не увидел.

– Ты что, действительно записан? – спросил Джо. – Да, ты меня не слышишь. Это правда…

– Кроме того, Эл…

– Ч-черт… – в сильнейшем раздражении бросил Джо. Бесполезно. Он сдался.

На экране возникла все та же дама с лошадиной челюстью. Чуть смягченным голосом она пророкотала:

– Если в ближайшем к вам магазине еще нет «Убика», возвращайтесь домой, мистер Чип, там вы найдете образец, высланный вам по почте, бесплатный образец для пробы, мистер Чип, с его помощью вы сможете продержаться, пока не приобретете обычный баллон.

Она исчезла. Экран стал темным и немым. То, что включило телевизор, теперь выключило его.

Итак, во всем следует винить Эла, подумал Джо. Не очень это все вяжется… логика есть, но очень уж специфическая, намеренно нечеткая. Эл в роли козла отпущения, Эл в роли мальчика для битья – Джо назвал его так про себя и почувствовал, как бессмысленно это звучит. И действительно ли Рансайтер не слышал меня? Или только притворялся, что записан на пленку? Сначала он неплохо поддерживал разговор, только потом реплики стали расходиться…

Я как бабочка, которая бьется в мутное стекло, подумал Джо. Почти ничего не видно, а разбить преграду я не в силах…

А если так: Рансайтер записывает этот ролик, потому что предсказатель ошибся и неправильно предсказал, что погибнем не мы, а Рансайтер? А погибли мы. Но ролик все равно пошел в эфир, потому что Рансайтер забыл отменить трансляцию. Это объясняет несоответствие граффити словам с экрана. Да, пожалуй, другого объяснения не найти…

Разве что Рансайтер играет с нами в какую-то злую и насмешливую игру, специально запутывает, делает ложные ходы, сбивает с направления, выступая в роли могущественной силы, жонглирующей нашими жизнями. Силы, действующей в мире живущих или полуживущих?.. в обоих этих мирах, внезапно пришло в голову Джо. Влияет ли она на процесс распада? Почему же нет? Пусть Рансайтер и не захотел в этом признаться… Рансайтер и «Убик». «Убик» – это от слова «ubiquity» – то есть «вездесущность», понял Джо. Рансайтер и «Вездесущий»… что бы это значило? Впрочем, может быть, никакого «Убика» не существует, и все это не более чем очередная мистификация…

Кроме того, если Рансайтер жив, то существует минимум два Рансайтера: тот, который находится в реальном мире и пытается добраться до нас, и тот, чье тело выставлено для прощания в Де-Мойне, штат Айова. И – по логике – все прочие люди: Рэй Холлис или Лин Ниггельман – не более чем фантомы в этом мире полуживущих, тогда как в мире живущих они существуют реально…

Как все запутано, подумал Джо. Конечно, более-менее

симметрично – но до чего беспорядочно.

Домой, решил он. Посмотрю, что там за бесплатный образец, – и в Де-Мойн. В конце концов, этого от меня добивались по телевизору. Что с «Убиком» я буду в большей безопасности. К таким вещам следует прислушиваться – если хочу остаться в живых. Или в полуживых…

Теперь это уже не имеет значения.

Он вышел из такси на крышу своего жилого блока, спустился на эскалаторе и оказался перед дверью своей квартиры. Монеткой, которую кто-то – Пат или Эл? – ему дал, он открыл дверь и вошел.

В комнате почему-то пахло горелым жиром – этот запах не встречался ему с самого детства. На кухне он понял, в чем дело: кухонный автомат регрессировал в газовую плиту фирмы «Бак» – старую, с грязными горелками и покореженной дверцей духовки. Он стоял, тупо разглядывая этот допотопный агрегат, а потом обнаружил, что метаморфозы произошли со всем кухонным оборудованием. Тостер превратился в реликтовый аппарат, из которого готовые гренки приходилось вытаскивать вручную. Холодильник, который здоровался с ним по утрам, стал громоздким железным шкафом с ременным приводом. Бог знает, из какой древности он выплыл. Он был куда старше, чем модель, показанная в рекламном ролике. Меньше всего изменился кофейник – и даже в лучшую сторону: у него исчезла щель для монет. Впрочем, это коснулось всей кухонной утвари. Некоторые аппараты исчезли совсем, скажем, газетный автомат и мусородробилка. Он попытался вспомнить, не было ли здесь еще чего-нибудь, но так и не вспомнил.

В гостиной дела обстояли не лучше. Телевизор зашвырнуло так далеко в прошлое, что он превратился в радиоприемник: с амплитудной модуляцией, в корпусе темного дерева, с наружной антенной и заземлением. Боже милостивый, ужаснулся про себя Джо.

Да, но почему телевизор превратился в радио, а не в груду деталей? Ведь если распад – то на составные части? А телевизоры не производят из старинных радиоприемников… Получается, прав был Платон, когда говорил об «идеях вещей», наполняемых инертной материей. Идея телевизора сменила идею радио, ее сменит что-то еще – это как кадры в киноленте… в любом предмете живет воспоминание о предшествующей форме, и прошлое – затаившись в глубине – продолжает жить и выныривает на поверхность, как только нарост последующих форм исчезает почему-либо… Мужчина – это продолжение не

мальчика, а всех мужчин, существовавших до него. А история началась так давно…

Обезвоженные останки Венди… Кинолента оборвалась, следующего кадра не последовало. Так, наверное, происходит и старение – только здесь все кончилось за час.

Но по этой старой теории: разве Платон не считал, что есть что-то, что может пережить распад, что-то внутреннее и вечное? Издревле было так: душа и тело. Тело Венди перестало существовать, а душа вспорхнула как птица и улетела… может быть – чтобы родиться заново. Так говорит «Книга Мертвых», и это действительно так. Боже, как я надеюсь на это… Потому что в этом случае мы, может быть, встретимся вновь. В Зачарованном Месте на вершине Холма в Лесу, где маленький мальчик будет всегда-всегда играть со своим медвежонком… Так в «Винни-Пухе», так и у нас – это неизменно. И все мы, каждый со своим Пухом, обнаружим себя в новом, чистом, устойчивом мире…

Зачем-то он включил доисторический приемник. Желтая целлулоидная шкала осветилась, динамик заскрежетал, а потом, сквозь треск и свист, прорезался голос.

– А сейчас – «Семья Пеппера Янга», – объявил диктор. Зазвучал орган. – Программа подготовлена фирмой-производителем мягкого мыла «Камэй», мыла для прекрасных женщин. Итак, вчера Пеппер узнал, что его работа, длившаяся многие месяцы, подошла к непредвиденному концу, поскольку…

Джо выключил радио. Мыльная опера, тридцатые годы, подумал он. Что же, это отвечает логике нашего скользящего назад, умирающего полумира – если можно так выразиться.

Продолжая осмотр гостиной, Джо увидел кофейный столик со стеклянной крышкой и ножками в стиле барокко. На столике лежал номер журнала «Либерти». Тоже до Второй мировой… публикуется очередная глава сериала «Молния в ночи», фантазия на тему атомной войны. Джо долистал журнал до конца, потом стал выискивать остальные перемены, происшедшие в гостиной.

Вместо упругого, нейтрально окрашенного покрытия пола лежали широкие доски из настоящего дерева. Посреди комнаты пылился выцветший турецкий ковер. На стенах осталась только одна картина: застекленный эстамп, изображающий умирающего индейца верхом на лошади. Раньше Джо его не видел. По крайней мере, не помнил, что видел. Эстамп ему не поправился. Видеофон превратился в черный настенный телефон – еще без диска. Джо снял трубку и услышал женский голос: «Номер, пожалуйста». Ничего не сказав, он повесил трубку.

Система кондиционирования и отопления исчезла. В углу комнаты Джо обнаружил газовый нагреватель с огромной

жестяной трубой, проходящей вдоль стены почти до потолка.

Пройдя в спальню, он открыл платяной шкаф и стал копаться в нем, выбирая, во что переодеться. Так… черные туфли, шерстяные носки, бриджи, голубая хлопчатобумажная рубашка, спортивный пиджак из верблюжьей шерсти и кепи. И для более торжественных случаев: синий в мелкую черную полоску двубортный костюм, подтяжки, цветастый галстук и белая рубашка с жестким целлулоидным воротничком. Боже мой, ахнул Джо, обнаружив сумку с клюшками для гольфа, это что еще за древность?..

Он вернулся в гостиную. На этот раз взгляд его задержался на том, что было раньше полифонической радиоаппаратурой: тюнером с частотной модуляцией, проигрывателем с высоким гистерезисом и невесомым иглодержателем, колонками и многоканальным усилителем. Вместо этого он увидел высокий деревянный ящик с торчащей сбоку заводной ручкой. Ему не было нужды поднимать крышку, чтобы знать, что теперь представляет из себя его аудиосистема. Пакет бамбуковых игл лежал на полке рядом с патефоном «Виктрола». Там же лежала десятидюймовая пластинка на 78 оборотов. Рэй Нобл, «Турецкое наслаждение». Вот и все, что осталось от его лент и долгоиграющих пластинок…

Завтра здесь будет стоять фонограф с валиком. С записью молебна…

На мягкой софе лежала свежая на вид газета. Джо взял ее в руки. Вторник, 12 сентября 1939 года…

ФРАНЦУЗЫ ПРОРВАЛИ ЛИНИЮ ЗИГФРИДА!

НАСТУПЛЕНИЕ В РАЙОНЕ СААРБРЮКЕНА!

Начинается крупнейшая битва на Западном фронте!

Забавно, подумал Джо. Вторая мировая только-только началась, и французам кажется, что они побеждают…

ПО СООБЩЕНИЯМ ИЗ ПОЛЬШИ,

ПРОДВИЖЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ЧАСТЕЙ ОСТАНОВЛЕНО

Агрессор бросает в бой все новые и новые силы, но не продвигается вперед.

Газета стоила три цента. Это тоже заинтересовало его. Что можно купить на три цента?.. Еще раз оглядев газету, Джо убедился, что она совсем свежая. Ну что же, теперь я знаю дату, подумал он. Знаю, куда меня отбросило.

На комоде стояли фотографии в рамочках. Это были фотографии Рансайтера. Не того, которого он знал; мальчик, юноша, молодой мужчина – но все равно узнать можно. Я его никогда не видел таким, подумал Джо, откуда же?..

Он полез в карман и достал бумажник. В бумажнике было несколько моментальных фотографий – Рансайтер, один только Рансайтер, никаких родственников или друзей. Джо опустил бумажник в карман и тут только сообразил, что бумажник не пластиковый, а из натуральной кожи. Впрочем, так и должно быть, в те – эти – времена кожа была общедоступна. Ну и что из этого? Ничего… Однако он еще раз достал бумажник и подержал в руке. Прикосновение было невыразимо приятным. Да, это вам не пластик…

Вернувшись в гостиную, он осмотрелся в поисках почтовой ниши, где должна была находиться предназначенная ему корреспонденция. Ничего похожего. Он сосредоточился, пытаясь вспомнить, как в это время почта попадала к адресатам. Ее подсовывали под дверь? Нет, как-то иначе. «Почтовый ящик», вспомнилось ему. Ага… и где же он расположен? Скорее всего, у подъезда. Да, скорее всего.

– Пять центов, пожалуйста, – сказала дверь. Она не изменилась – единственная из всего, что было здесь. Видимо, врожденное упрямство помогало ей не поддаться регрессу. Она уцелеет, даже если весь мир…

Эскалатора не было. Вниз вели неподвижные бетонные ступени. Двадцать этажей… шаг за шагом… Это невозможно. Никто не в силах преодолеть столько ступенек. Нет, только лифт. Он шагнул к лифту и вдруг вспомнил, что произошло с Элом. А вдруг я увижу то же, что и он? Железная клетка на железном тросе, полоумный старикашка в форменной фуражке… видение не из тридцать девятого, а из девятого года, падение продолжается… Нет уж, лучше лестница. Шаг за шагом. Двадцать этажей.

Набравшись терпения, он начал спуск.

На половине пути его посетила кошмарная мысль: обратной дороги не было! Он не мог вернуться ни в квартиру, ни на крышу,

где его ждало такси. Он обречен остаться внизу – может быть, навсегда. Разве что «Убик» окажется настолько могуч, что способен будет оживить эскалатор или лифт. Интересно, каким окажется наземный транспорт, когда я спущусь? Это будет трамвай? Или конка?..

Перепрыгивая через ступеньку, он продолжил свой путь. Слишком поздно было сворачивать с него.

Лестница кончилась. Перед Джо был просторный вестибюль. Посредине стоял длинный мраморный стол с двумя керамическими вазами. В вазах были цветы – кажется, ирисы. Четыре ступени вели к затянутым портьерами входным дверям. Джо повернул стеклянную рифленую ручку и открыл дверь.

Так. Снова ступени. А справа – ряды медных почтовых ящиков. На каждом – имя, каждый заперт на ключ. Он оказался прав: почту доставляли только до этого места. Он нашел свой ящик с полоской бумаги, на которой было написано: «Джозеф Чип, 2075», и кнопкой звонка. Ее нажимают, и в квартире слышно…

Ключ! У него не было ключа! Или был? Лихорадочно обшарив карманы, Джо обнаружил колечко с несколькими металлическими ключами. Интересно, от чего они? Вот этот, самый маленький, наверное, от почтового ящика… Он вставил ключик в скважину, осторожно повернул – дверца открылась. Он заглянул внутрь.

Там было два письма и квадратный пакет, обернутый бумагой и оклеенный лентой. Трехцентовые красные марки с портретом Вашингтона… Джо, затаив дыхание, рассматривал эти замечательные раритеты, потом, игнорируя письма, стал вскрывать пакет. Какой-то он тяжелый… и для аэрозольного баллончика у него не совсем подходящая форма… Вернулся страх. А если это не «Убик»?.. Не может быть, такого просто не может быть. Иначе повторится история Эла… Чему быть, того не миновать, подумал Джо, бросая на пол обертку и поднося к глазам картонную коробочку…

УБИК

ПОЧЕЧНЫЙ БАЛЬЗАМ

Внутри находился флакон голубого стекла с широким горлышком. Этикетка: *«СПОСОБ ПРИМЕНЕНИЯ.* Этот уникальный

болеутоляющий препарат разрабатывался доктором Эдвардом Сандабаром на протяжении сорока лет. Применяя его, вы избавитесь от утомительной необходимости вставать по ночам. Растворите чайную ложку бальзама в стакане теплой воды и выпейте перед сном. Если сохраняются боль и раздражительность, увеличьте дозу до столовой ложки. Не давать детям. Состав: лист олеандра, каменная соль, мятное масло, N-ацетил-Р-аминофенол, окись цинка, древесный уголь, хлорид кобальта, кофеин, экстракт наперстянки, стероиды в следовых количествах, цитрат натрия, аскорбиновая кислота, пищевые красители и ароматизаторы. Использовать только согласно инструкции! Беречь от огня! Избегать попаданий на кожу! Длительное употребление и передозировка могут вызвать привыкание».

Бред, подумал Джо. Он еще раз перечитал список ингредиентов, борясь с подступающей злостью. Нет, это бессмысленно… Чувство полнейшей беспомощности овладело им. Все, мне конец… Это вовсе не то, что Рансайтер рекламировал по телевизору. Идиотская смесь из допотопных лекарств, кожной мази, обезболивающего, ядов, инертных веществ – с добавкой кортизона, которого в тридцать девятом году и в помине не было. «Убик» тоже регрессировал – по крайней мере, тот баллончик, который прислали по почте. Какая ирония: то, что должно предотвратить регресс, само подвергается регрессу. Да, можно было сразу понять это – как только увидел трехцентовые марки с Джорджем Вашингтоном…

Джо вышел на улицу – и первое, что увидел, был автомобиль. Настоящий классический автомобиль – как только что из музея. Вот он, стоит у тротуара. «Ла Салле».

Доберусь ли я до Де-Мойна на таком автомобиле? За неделю – да. Но к этому времени мне уже все будет безразлично… Да и автомобиль изменится. Все изменится, за исключением, наверное, упрямой двери…

Он подошел к машине. Может быть, это моя? Тогда один из ключей должен быть ключом зажигания… так, кажется, заводились эти старинные автомобили. С другой стороны – заведу, а что дальше? Водить я не умею, особенно с этим… как его?.. ручным переключением передач. Он открыл дверцу и сел на водительское место. Ах, черт, что же делать? Бессильно закусив губу, он уставился прямо перед собой.

Может быть, принять столовую ложку почечного эликсира «Убик»? Судя по его составу, он умертвит меня достаточно надежно. Хотя это, конечно, не идеальный способ. От хлорида кобальта слишком мучительная агония… если, конечно, наперстянка не подействует раньше. И листья олеандра. Это уже

вообще… Такой коктейль превратит все кости в желе. Дюйм за дюймом.

Минуточку! Это же тридцать девятый год! Самолеты! Если удастся добраться до аэропорта, можно будет нанять трехмоторный «Форд» с пилотом – и к вечеру я буду в Де-Мойне!

Он перебрал все ключи, пока не нашел тот, что включает зажигание. Раздался звук стартера, потом заработал двигатель. Мерный мощный рокот мотора понравился Джо. Это было как с бумажником из натуральной кожи – регресс, который грел душу. В бесшумном транспорте девяносто второго ему не хватало чего-то такого: грубого, надежного, ощутимого. Теперь сцепление, вспомнил он. Слева внизу. Ногой он нащупал педаль. Нажал на нее, тронул рычаг переключения скоростей. Резкий звук трущегося металла! Слишком слабо нажал на педаль. Он вдавил ее до упора и еще раз попробовал включить скорость. На этот раз все получилось, как надо.

Медленно и неуверенно автомобиль тронулся с места. Он двигался рывками – но двигался! Кое-как выехав на дорогу, Джо испытал прилив оптимизма. Теперь найти этот чертов аэродром – пока не началась эра хлипких этажерок с ротативными моторчиками «Гном»… вращающийся картер и брызги касторки… полеты на высоте забора со скоростью семьдесят пять миль в час…

Час спустя Джо припарковался около летного поля. Ангары, полосатый матерчатый «чулок», указывающий направление ветра, бипланы с деревянными пропеллерами… Ну и картинка, подумал он. Прямо исторический фильм. Впрочем, и этому всему суждено исчезнуть, как исчезли предыдущие формы. Регресс сметет все… Он выбрался из «Ла Салле», чувствуя, что его укачало. Постоял и поплелся к центральной постройке.

– Что я могу нанять на это? – Джо показал все свои деньги первому же более-менее похожему на официальное лицо человеку. – Мне нужно в Де-Мойн. Прямо сейчас.

Лысый, с намащенными усами и в крохотных очках служащий молча уставился на деньги.

– Эй, Сэм! – повернув круглую, как арбуз, голову, крикнул он. – Иди-ка сюда. Посмотри на эти деньги.

Подошел тот, кого назвали Сэмом, – мужчина в полосатой рубашке, лоснящихся брюках и полотняных туфлях.

– Ненастоящие, – сказал он, посмотрев на деньги. – Игрушечные, наверное. Здесь нет ни Джорджа Вашингтона, ни Александра Гамильтона.

Оба служащих с подозрением уставились на Джо.

– У меня есть «Ла Салле» тридцать девятого года – здесь, на стоянке. Я могу отдать ее за полет до Де-Мойна. Это вас не заинтересует?

После недолгого молчания тот, что в маленьких очках, сказал задумчиво:

– Может быть, Огги Брент?..

– Брент? – сказал другой. – Да его «Дженни» двадцать лет от роду. Она не дотянет и до Филадельфии.

– А Макги?

– Он же в Ньюарке.

– Тогда Сэнди Джасперсон. «Кэртис-Райт» у него в полном порядке – до Айовы дотянет. Рано или поздно. – Он повернулся к Джо. – Идите к третьему ангару, там ищите красно-белый «Кэртис». Это такой биплан. И там же будет толстенький коротышка, который в нем копается. Если он не возьмет вас, тогда придется ждать до завтра – вернется Айк Макги на трехмоторном «Фоккере».

– Спасибо. – Джо вышел из здания. У ангара номер три, видимый издалека, стоял красно-белый самолетик. «Кэртис», подумал Джо. Хорошо, что не «Джей-Эн». Стоп. Откуда мне известно, что «Дженни» – это «Джей-Эн», учебный самолет времен Первой мировой? Как я это узнал? Боже правый, подумал он, внутри меня тоже что-то происходит, мои мысли подстраиваются под то, что вокруг… неудивительно, что я смог управлять «Ла Салле» – я полностью втягиваюсь в это время!

Рыжий толстенький коротышка тер промасленной тряпкой колесо своего биплана.

– Мистер Джасперсон? – спросил Джо, останавливаясь перед ним.

– Да, это я, – коротышка встал, удивленно рассматривая одежду Джо. – Чем могу быть полезен?

Джо сказал, чем.

– Вы хотите отдать «Ла Салле», совершенно новую «Ла Салле», за полет до Де-Мойна? – не поверил Джасперсон. Брови его сошлись над переносицей. – Можно было бы и в оба конца, мне все равно лететь обратно… Впрочем, давайте посмотрим, что за машина. Я ничего не обещаю, я еще ничего не решил…

Они дошли до стоянки.

– Но тут нет никакой «Ла Салле», – сказал Джасперсон, озираясь.

Он был прав. Вместо «Ла Салле» стоял маленький жестяной «Форд» с брезентовым верхом. «Форд» модели «А» производства двадцать девятого года – не имевший никакой ценности в глазах Джасперсона…

Теперь – все. Ни малейшей надежды. Он никогда не доберется до Де-Мойна. А это, как утверждал Рансайтер в том ролике – верная смерть. Ее уже встретили Венди и Эл…

Его собственная смерть стала лишь вопросом времени.

Стоит ли тянуть, подумал Джо. Он распахнул дверцу своего «форда» и сел за руль. Флакон «Убика» лежал на сиденье. Он взял его…

Это был совсем другой флакон. Бутылочка, как и машина, претерпела регресс. Бесшовная и плоская, она имела следы царапин на стенках: бутылки такого типа, Джо знал, выдувают в деревянные матрицы. Очень старое изделие: винтовая пробка, похоже, изготовлена вручную. На этикетке… Джо поднес бутылочку к глазам и прочитал текст.

ЭЛИКСИР УБИКЬЮ. Гарантированно восстанавливает мужскую силу и изгоняет болезненные фантазии любого рода, а также избавляет от бесплодия, как мужского, так и женского. Используемый по указаниям, благотворен для рода людского.

Ниже шел еще текст; Джо прищурился, стараясь разобрать крошечные буковки.

> *Не делай этого, Джо. Есть другой путь. Ищи его.*
> *Желаю удачи.*

Рансайтер, понял Джо. Продолжает свои садистские игры. Хочет, чтобы мы продержались еще какое-то время. Зачем? Бог его знает. Может быть, его забавляют наши страдания? Вряд ли, он не такой – насколько я его знаю…

Джо отложил бутылочку «Эликсира УБИКЬЮ», решив повременить с его использованием.

Интересно, что он имел в виду под «другим путем», подумал Джо.

Глава 11

Применяемый строго по инструкции, «Убик» гарантирует вам крепкий сон до утра. Утром вы проснетесь полным сил и энергии, и все вчерашние проблемы окажутся легко разрешимы!

Не превышайте рекомендованной дозы.

– Подождите-ка, а это что у вас такое? – совсем другим голосом спросил Джасперсон, заглядывая в машину. – Не дадите ли взглянуть?

Джо молча протянул ему плоскую бутылку.

– Моя бабушка частенько толковала об этом зелье – рассматривая бутылку на просвет, проговорил пилот. – Где вы его взяли? Этого не производят, наверное, со времен гражданской войны…

– Наследство, – сказал Джо.

– Не иначе… Да, ручная работа, теперь такого не встретишь. Их и изготовили-то всего ничего. Впервые этот эликсир появился в Сан-Франциско году в 1850. В продажу его не пускали, делали только по заказам. Три сорта, разной силы… у вас как раз самый сильный. Вы знаете, из чего он состоит? – Джасперсон испытующе посмотрел на Джо.

– Разумеется, – сказал Джо. – Мятное масло, окись цинка, цитрат натрия, древесный уголь…

– Замнем, – сказал Джасперсон. Несколько секунд он молча хмурил брови, о чем-то размышляя. – Давайте сделаем так: вы отдаете мне эту бутылку, а я отвожу вас в Де-Мойн. Вылетаем немедленно, я хочу большую часть пути проделать днем.

С бутылкой «Эликсира УБИКЬЮ» он решительно зашагал от «форда».

Десять минут спустя биплан «Кэртис-Райт», заправленный под пробку, затрясся по неровной взлетной полосе, то подпрыгивая, то снова задевая колесами землю. Джо вцепился в сиденье, чтобы не выпасть из кабины.

– Мы слишком перегружены, – беззаботно сказал пилот.

Наконец биплан кое-как зацепился за воздух и потянул над самыми крышами домов, разворачиваясь на запад.

– Когда мы будем на месте? – спросил Джо. Приходилось кричать, чтобы преодолеть рев мотора.

– Все зависит от того, какой будет ветер, – ответил пилот. – Если попутный, то завтра к полудню.

– Слушайте, а что такого ценного в этой бутылке? Можете вы мне сказать?

– Там в качестве наполнителя – золотая пыль. Все лекарство – это золотая пыль и смесь минеральных масел.

– И много там золота?

Джасперсон молча ухмыльнулся. Ответ был ясен.

Старенький биплан «Кэртис-Райт» барахтался в воздушных течениях, держа направление примерно на Айову.

В три часа на следующий день они приземлились на аэродроме Де-Мойна. Сразу же после посадки пилот испарился, прихватив с собой бутылку с золотой пылью. Джо с трудом.

преодолевая боль в затекших ногах, выбрался из аэроплана, постоял немного и нетвердой походкой направился в сторону крошечного аэровокзальчика на краю летного поля.

– Можно от вас позвонить? – спросил он пожилого служащего, склонившегося над картой погоды.

– Пять центов, – не отрываясь, бросил тот.

Джо порылся в своей мелочи и среди монеток с профилем Рансайтера нашел подходящую, с бизоном.

– Звоните, – сказал служащий.

Раскрыв телефонную книгу, Джо нашел в ней нужный номер и назвал его телефонистке.

– Мортуарий Истинного Пастыря, мистер Блисс слушает вас.

– Я прибыл на похороны Глена Рансайтера, – сказал Джо. – Я не опоздал?

– Церемония отпевания только что началась, – ответил мистер Блисс. – Где вы находитесь, сэр? Я могу выслать автомобиль. – В голосе его слышалось плохо скрытое неодобрение.

– На аэродроме, – сказал Джо.

– Вам следовало бы прибыть раньше, – заметил мистер Блисс. – Боюсь, что на отпевание вы уже не успеете. Но тело мистера Рансайтера будет открыто для прощания до завтрашнего утра. Ждите наш автомобиль, мистер?..

– Чип, – сказал Джо.

– Здесь вас очень ждут, мистер Чип, и нам многократно напоминали, чтобы мы были готовы встретить вас, мистера Хэммонда и… и мисс Райт. Они с вами?

– Нет, – сказал Джо и повесил трубку.

Он сел на скамью из гнутой полированной фанеры. Отсюда ему была видна дорога из города. Успел, подумал он, наши еще не уехали… а именно это меня и заботило.

– Мистер, нельзя ли вас на минутку? – Пожилой служащий был чем-то удивлен.

– Да? – Джо встал и пересек «зал ожидания».

– Эти пять центов… На них дата: 1940,– он смотрел на Джо,

не мигая.

Ворча, Джо вытащил оставшиеся у него монеты и начал сортировать их. Нашел наконец пятицентовик 1938 года и бросил его на стол.

– Иногда попадаются фальшивые деньги, – в спину ему сказал служащий.

Джо не ответил. Он сделал вид, что полностью поглощен радиолой, стоящей в углу. Диктор рекламировал зубную пасту «Айпана». Интересно, сколько мне ждать?.. Сейчас, когда он находился так близко к цели, нервы могли не выдержать. Быть в нескольких милях от своих – и… нет, это невозможно… Он заставил себя не думать об этом.

Просто сидеть и ждать…

Через полчаса подъехала машина, «Виллис-Кавалер» 1930 года. Из нее вышел мужчина в элегантном черном костюме. Приложив руку ко лбу, он стал вглядываться в окна зала ожидания.

– Мистер Блисс? – спросил Джо, выходя к нему.

– Совершенно верно. – Блисс пожал Джо руку и пригласил в машину. В салоне сильно пахло мужским одеколоном. – Поторопимся, мистер Чип, у нас есть шанс успеть на часть церемонии. В особо торжественных случаях отец Эбернети произносит довольно длинные проповеди.

Джо уселся рядом с мистером Блиссом, и машина, постреливая выхлопами, покатилась по автостраде, временами выжимая миль сорок в час.

– Вы служащий мистера Рансайтера, не так ли? – спросил Блисс.

– Да.

– Он занимался каким-то необычным бизнесом. Боюсь, что я не совсем понимаю даже, каким именно… – Блисс посигналил рыжему сеттеру, который выбежал на дорогу; собака оглянулась и отошла, признавая преимущественное право проезда за «Виллис-Кавалером». – Что значит «псионический»? Некоторые из служащих мистера Рансайтера использовали этот термин.

– То же самое, что и «парапсихологический», – сказал Джо. – Способность воздействовать на что-либо мыслью непосредственно, без физических посредников.

– Вы имеете в виду некие мистические силы? Наподобие предвидения будущего? Я спрашиваю потому, что ваши люди говорили о будущем так, будто оно уже реально существует. Они говорили не со мной, а между собою, но я слышал эти беседы – вы понимаете, как это бывает… Значит, вы все медиумы?

– Можно и так сказать.

– И что вы можете предвидеть относительно войны в Европе?

– Германия и Япония будут разбиты. Соединенные Штаты вступят в войну седьмого декабря сорок первого года – Джо сказал это и замолчал, не желая развивать тему.

– Лично я изоляционист – сказал Блисс.

Интересно, остальные наши чувствуют все это? Вот эту реальность? Соединенные Штаты тридцать девятого года? Или, когда я соединюсь с ними, падение в прошлое сменится некоторым подъемом, и мы попадем в более поздние времена? Хороший вопрос. Потому что вместе мы, может быть, сумеем зацепиться за какие-то устойчивые элементы реальности и преодолеть эти пятьдесят три года… Впрочем, если наши находятся именно в этом времени, то присоединюсь я к ним или нет – ни на что это не повлияет. Разве что распад мира приостановится… или даже прекратится. Или уже прекратился? За последние сутки ничего не случилось… Может быть, это произошло из-за моего приближения к остальным? Хотя нет… флакончик с почечным бальзамом провалился лет на восемьдесят. И тот лифт, который увидел Эл…

Но ведь пилот тоже видел «Эликсир УБИКЬЮ» и держал его в руках! Значит, это не иллюзия! Конечно, ведь благодаря этой бутылке ручной работы я и добрался до Де-Мойна! И метаморфозу автомобиля «Ла Салле» пилот тоже видел! Может быть, то, от чего умер Эл, имело совсем не такую природу?.. Господи, только бы это было так! Джо молился об этом.

Предположим, мы не сможем обратить вспять регресс, размышлял Джо, стараясь успокоиться. Ну и что? Да, мы останемся в этой действительности до конца жизни. И приспособимся к девятиламповым приемникам «Филко», похожим на комод, – впрочем, супергетеродин уже изобретен, просто эта аппаратура мне не попадалась. Мы научимся управлять автомобилями «Американ Остин» по четыреста сорок пять долларов за штуку (цифра сама собой возникла в его голове, и он был уверен, что она истинная). Устроимся на работу и начнем зарабатывать здешние деньги – и тогда нам не придется летать бипланами «Кэртис», которые годятся только в музей; уже в тридцать пятом году открылась транстихоокеанская линия, обслуживаемая четырехмоторными «Клипперами». Трехмоторные монопланы Форда появились одиннадцать лет назад и уже устарели. А мой автомобиль «Ла Салле» был вполне приличным механизмом, прежде чем претерпел регресс; управлять им было приятно…

– А как насчет России? – спросил мистер Блисс. – В смысле войны? Мы их раздавим, этих красных? Вы можете заглянуть так

далеко в будущее?

– Россия будет воевать на нашей стороне – сказал Джо. – На стороне США. – А как же насчет всего остального, думал Джо, насчет продуктов, медицины, всего такого? Кажется, уже есть сульфамиды. Прямо скажем, не густо. Если заболеем… И дантисты с их бормашинами – ужас какой-то. Зубная паста с фтором появится лет через двадцать…

– На стороне США? – забеспокоился Блисс. – Коммунисты? Это невозможно! У них же пакт с нацистами.

– Германия нарушит пакт, – сказал Джо. – Гитлер нападет на Советский Союз в июне сорок первого.

– И раздавит его, надеюсь…

Оторванный так бесцеремонно от размышлений, Джо повнимательнее присмотрелся к тому, кто вез его на стареньком «Виллис-Кавалере».

– Настоящая угроза – это коммунисты, а не Германия, – продолжал тот. – Взять еврейский вопрос. Кто имеет со всего этого? Евреи, конечно. Понаехали к нам, гражданства не имеют, живут на пособия благотворительных фондов. Нет, кое в чем нацисты взяли слишком круто, но согласитесь – как-то же еврейский вопрос решать надо! Ну, не концлагеря… В Штатах ведь те же проблемы – не с евреями, так с ниггерами. И я думаю – рано или поздно придется и нам разбираться и с теми, и с другими.

– Никогда не слышал, как кто-то говорит «ниггер», – сказал Джо. В его восприятии этой эры появился новый оттенок. Да, об этом я позабыл…

– Линдберг – вот у кого верный взгляд на Германию, – заявил Блисс. – Вы слышали его? Нет, не то, что пишут в газетах, а по-настоящему… – Он тормознул перед стоп-сигналом, похожим на семафор. – Или взять сенаторов Бориха и Ная. Если бы не они, Рузвельт продал бы оружие Англии – и Штаты бы оказались втянутыми в чужую войну. Рузвельту не терпится ввести оговорки в эмбарго на торговлю оружием. Он спит и видит, как бы ввязаться в войну! Но американский народ не пойдет за ним. Американский народ не будет воевать за англичан и прочую шушеру…

Звякнул колокольчик, и зеленая стрела семафора поднялась. Блисс включил первую скорость, и «Виллис-Кавалер» покатился дальше, вливаясь в уличную суету.

– Ближайшие пять лет у вас не будет причин для радости – сказал Джо.

– Почему это? Все жители Айовы такого же мнения, что и я. А знаете, что я думаю о вас, служащих Рансайтера? Что вы просто-

напросто банда профессиональных агитаторов, вот и все, – Блисс метнул в Джо взгляд, полный непоколебимой самоуверенности.

Джо промолчал. Он разглядывал проплывающие мимо деревянные, кирпичные, бетонные дома – почему-то черные в большинстве своем – и думал, только ли ему предстал этот аспект общей проблемы? В Нью-Йорке будет иначе, сказал он себе, а здесь «библейский пояс», сверхконсервативный Средний Запад… Нет, здесь мы жить не станем – поселимся на побережье, восточном или западном. Инстинктивно он чувствовал, что только что коснулся главной проблемы, которая встанет перед ними. Мы слишком много знаем, чтобы жить спокойно… если бы нас отбросило лет хотя бы на тридцать, было бы легче – в смысле психологической адаптации; лучше без особых треволнений пережить полеты «Джемини» и аварии первых «Аполлонов», чем здесь, сейчас… Они тут слушают «Два черных ворона» на пластинках в семьдесят восемь оборотов, и Джо Пеннера, и «Мерт и Марджи». Отголоски Великой депрессии все еще чувствуются. Мы были свидетелями колонизации Луны и Марса, вот-вот должны были начаться регулярные межзвездные перелеты – а здесь неспособны справиться с пустынями Оклахомы. Для них Уильям Дженнингс Брайан – великий оратор, а «обезьяний процесс» Скопса[3] – живая реальность. Никогда мы не сможем адаптироваться по-настоящему, привыкнуть к их мировоззрению, морали, политике, социальному расслоению… Для них мы профессиональные агитаторы, более чуждые, чем нацисты, и более опасные, чем вся их коммунистическая партия. Да, мы действительно самая большая угроза для этой эпохи, и в этом Блисс абсолютно прав.

– Откуда вы родом? – спросил Блисс. – Вы ведь не из Соединенных Штатов? Я прав?

– Да, вы правы, – сказал Джо. – Мы – граждане Североамериканской Конфедерации. – Он достал из кармана четверть доллара с профилем Рансайтера и подал его Блиссу. – Это сувенир, – сказал он.

Рассмотрев монету, Блисс задохнулся от изумления:

– Да ведь это умерший! Вот, на монете! Это мистер Рансайтер! И дата – 1990 год… – упавшим голосом закончил он.

– Не потеряйте, – сказал Джо.

«Виллис-Кавалер» подкатил к Мортуарию Истинного Пастыря, когда отпевание уже закончилось. На широком деревянном крыльце белого двухэтажного дома стояла группа людей… да, это были они, Джо узнал их издалека: Эди Дорн, Типпи Джексон, Йон Илд, Фрэнси, Апостос, Дон Денни, Сэмми,

Фред Зафски и – Пат. Моя жена, подумал Джо, вновь ослепленный ее внешностью – необыкновенными темными волосами, яркими оттенками глаз и кожи – тем, что делало ее столь властно-привлекательной… Нет, вспомнил он, выходя из машины, она мне больше не жена, она это вычеркнула… но перстень оставила, оставила это оригинальное обручальное кольцо из кованого серебра и ведьминого камня, мы вместе выбирали его… и это все, что осталось. И все равно – при виде Пат его будто ударило током. На миг он вернулся туда, в счастливое супружество, в семейную жизнь, которой как бы и не существовало никогда, от которой осталось только серебряное колечко – и от него Пат в любой миг может избавиться, как избавилась от всего остального…

– О, Джо Чип! – сказала она холодным насмешливым тоном; взгляд ее был острый и оценивающий.

– Привет, – испытывая непонятную неловкость, ответил Джо. Остальные тоже здоровались с ним, и он отвечал им, но это казалось ему неважным. Пат завладела всем его вниманием.

– А где Эл? – спросил Дон Денни.

– Эл умер, – сказал Джо. – Венди Райт тоже умерла.

– О Венди мы знаем, – сказала Пат. Сказала спокойно.

– Нет, мы ничего не знали, – сказал Дон. – Мы предполагали, но уверены не были. Я, по крайней мере, не был. Что случилось с ними? Кто их убил?

– Изнеможение, – сказал Джо.

– С чего бы это? – Тито Апостос протолкался поближе к Джо.

– Джо Чип, – сказала Пат, – последней фразой, которую ты обронил там, в Нью-Йорке, когда уходил с Хэммондом…

– Я помню – сказал Джо.

– Ты сказал что-то про время. «Слишком много лет прошло»- так, да? Что это значило? Что ты имел в виду?

– Мистер Чип – взволнованно заговорила Эди Дорн – с тех пор, как мы прилетели сюда, здесь произошли огромные изменения! Никто ничего не понимает. Скажите, вы видите то же, что и мы? – Движением руки она обвела окружающие дома, улицу, здание мортуария.

– Но я же не знаю, что вы видите, – сказал Джо.

– Иди-ка ты, Чип, – сердито сказал Апостос. – Не крути, просто скажи нам, бога ради, как ты все это видишь? Вот эта тачка, на которой ты приехал, – скажи-ка нам, на что она похожа? На чем ты приехал, Джо?

Все стояли вокруг и молча ждали ответа.

– Мистер Чип, – прошептал Сэмми Мэндо, – ведь это настоящий старинный автомобиль, правда? Сколько же ему лет?

– Шестьдесят два, – сказал наконец Джо.

– Значит, из девятьсот тридцатого, – сказала Типпи Джексон. – Ну что же, так мы и предполагали…

– Мы предполагали, что сейчас тридцать девятый, – ровным голосом сказал Дон Денни. Даже в этих обстоятельствах голос его звучал абсолютно спокойно.

– Дату я установил легко, – сказал Джо. – Еще в своей квартире в Нью-Йорке. Там оказалась газета. Вчера было двенадцатое сентября тридцать девятого года. Сегодня, получается, тринадцатое. Французы утверждают, что прорвали линию Зигфрида.

– Обхохочешься, – сказал Йон Илд.

– Я надеялся, что вы, поскольку вас много, задержались в более позднем времени. Да, ничего теперь не поделаешь…

– Ну, тридцать девятый, тридцать девятый, – раздраженно начал Фред Зафски. Голос у него был высокий и с визгливыми нотками. – Ладно, выяснили – и что дальше? – Он размахивал руками, как бы призывая остальных поддержать его.

– Спокойно, Фред, – сказал Апостос.

– А ты что думаешь обо всем этом? – повернулся Джо к Пат.

Пат только пожала плечами.

– И все-таки?

– Мы переместились в прошлое, – сказала Пат.

– Неверно, – сказал Джо.

– Что ты хочешь этим сказать? Что мы попали в будущее, что ли?

– Мы никуда не попали. Где были, там и остались. Но весь окружающий нас мир по какой-то причине – есть несколько возможных причин, – мир претерпел регрессивное развитие. Все предметы, вся реальность откатилась к предшествовавшим формам. К тем, которые она принимала пятьдесят три года назад. Впрочем, регресс может и продолжиться. Но меня интересует Рансайтер – были ли его *проявления* с тех пор?

– Рансайтер лежит вон там, – сказал Дон Денни с необычной для него экспрессией, – мертвый как селедка. Это единственное его проявление.

– Мистер Чип, скажите, пожалуйста, – начала Фрэнси Спэниш, – у вас ни с чем не ассоциируется слово «Убик»?

До Джо не сразу дошел смысл вопроса.

– О господи, – выдохнул он, – да вы просто не можете отличить проявление от…

– Фрэнси видела сон, – сказала Типпи. – Она всегда их видит. Расскажи Джо свой убиковый сон, Фрэнси. Это она его так назвала, Джо. Убиковый сон. Она видела его прошлой ночью.

– Я так назвала его, потому что это на самом деле был убиковый сон, – сказала Фрэнси. Ее пальцы нервно сплелись. – Понимаете, мистер Чип, этот сон отличался от всех, что были прежде. Огромная рука опустилась с неба – словно рука Господа нашего. Неимоверная, как гора. Сжатая в кулак, подобный скале. Я поняла, что в этом таится наиважнейший смысл, что там, в кулаке, находится что-то такое, что повлияет на мою жизнь и на жизнь всех людей на Земле. Я ждала, когда пальцы разожмутся, – и они разжались. Они разжались, и я увидела, что скрывалось там…

– Аэрозольный баллончик, – сухо сказал Дон Денни.

– А на аэрозольном баллончике, – продолжала Фрэнси, – было одно только слово, огромными золотыми буквами, горящими как пламя: «УБИК». И ничего больше. Такое странное слово. А потом пальцы сжались, обхватили баллончик, и рука поднялась и скрылась в темных тучах. Сегодня утром я пошла в библиотеку, но в словарях этого слова не нашли, и никто не знал, что оно значит. Библиотекарь сказал мне, что в английском языке этого слова нет; есть в латинском, похожее на него: «ubique». Оно значит…

– «Везде», – сказал Джо.

Франческа кивнула.

– Да, именно так. Но слова «убик» не существует, а именно его я видела в своем сне.

– Это одно и то же, – сказал Джо. – Просто разное написание.

– Откуда ты знаешь? – спросила Пат.

– Вчера я видел Рансайтера, – сказал Джо. Все уставились на него. – По телевизору. В рекламном ролике. Записанном им незадолго до смерти… – В детали Джо вдаваться не стал, и так все было запутано до невозможности.

– Ты потрясающий идиот, – сказала Пат.

– Объясни?

– Ты наверняка счел это проявлением мертвеца, да? С таким же успехом ты мог бы считать таким проявлением письма, отправленные перед смертью, или деловые заметки, или…

– Пойду попрощаюсь с ним, – сказал Джо. – Посмотрю на него в последний раз… – Он открыл дверь и, оставив всех, вошел в темное прохладное помещение мортуария.

Пустота. Ни души; пустой зал со скамейками, как в церкви, а в дальнем его конце – гроб, усыпанный цветами. Старинный орган в стороне, несколько складных деревянных стульев. Запах пыли и цветов; эта приторная, вязкая смесь показалась ему отвратительной. Подумать только, как много жителей Айовы приобщились к вечности в этих глухих бездушных стенах…

Вощеные полы, носовые платочки, тяжелые черные костюмы… и прочее, и прочее – вплоть до медяков на глазах. И простенькие гимны на органе…

Он подошел к гробу и, поколебавшись, склонился над ним.

Кучка сухих истонченных костей и бумажный череп. Из глубины глазниц глаза, как высохшие виноградины, искоса следят за ним. Все усеяно истлевшими лоскутьями, лохмотьями – будто их нанесло сюда ветром. Будто труп пытался укрыться ими от наступающего льда… А теперь – абсолютная неподвижность, все замерло, все остановилось навсегда… таинственный процесс, унесший Венди и Эла, прокатился и тут. Много лет назад…

Остальные это видели? Или все произошло после отпевания? Джо отошел, с трудом поднял тяжелую дубовую крышку гроба – и закрыл гроб. Звук удара дерева о дерево прокатился по темному залу, но никто его не услышал.

Ничего не видя сквозь слезы, Джо выбрался из пропыленного тихого душного помещения на свет. Слабый предвечерний свет…

– Что-то случилось? – спросил Дон Денни.

– Ничего – сказал Джо.

– Ты там, наверное, сам себя напугал, дурачок, – сказала Пат.

– Я же говорю – ничего! – ненавидя ее, рявкнул Джо.

– Эди Дорн туда не входила? Вы ее там не видели? – спросила Типпи Джексон.

– Она куда-то пропала, – пояснил Йон Илд.

– Но она же была здесь, с вами, – сказал Джо.

– Весь день она мерзла и говорила, что устала, – сказал Дон Денни. – Я думаю, она вернулась в отель – ей хотелось лечь и поспать. Наверняка с ней все в порядке.

– Наверняка она уже мертва, – медленно сказал Джо. – Как вы не можете понять: как только кто-то отделяется от группы – он умирает. Венди, Эл, Рансайтер… – он осекся.

– Рансайтер был убит взрывом, – возразил Дон Денни.

– Это мы были убиты взрывом, – сказал Джо. – Я это знаю точно, потому что мне сказал Рансайтер. Он написал это на стене туалета в нашем нью-йоркском офисе. И то же самое я видел…

– Все это бессмысленно, – сказала Пат. – Рансайтер жив или мертв? Мы – мертвы или нет? Сначала ты говоришь одно, потом другое. Нет связи…

– Да, постарайся говорить связно, – сказал Йон Илд. Остальные жестами, кивками головы, выражением лиц выразили примерно то же самое. Страх их был почти осязаем.

– Я могу рассказать про граффити, про изношенный магнитофон и инструкцию к нему, про тот ролик с Рансайтером, про записку, которую мы нашли в запечатанном блоке сигарет в

Балтиморе, об этикетке на бутылке с «Эликсиром УБИКЬЮ» – но логического целого из всего этого не получится. В любом случае, мы должны ехать в отель и постараться поддержать Эди Дорн, пока она не исчерпала все свои силы и не распалась… Где тут такси?

– Мортуарий предоставил в наше распоряжение автомобиль, – сказал Дон Денни. – «Пирс-Эрроу». Он где-то здесь, неподалеку.

Все двинулись следом за Денни на поиски автомобиля.

– Мы тут не поместимся – сказала Типпи Джексон, когда Дон открыл тяжелую железную дверцу автомобиля и влез внутрь.

– Надо попросить Блисса, чтобы он одолжил нам «Виллис-Кавалер», – сказал Джо. Он завел мотор «Пирса-Эрроу» и, как только все, кто смог, уместились в машине, вывел ее на главную улицу Де-Мойна. «Виллис-Кавалер» катился следом, гудками давая знать, что не отстает.

Глава 12

Приготовленный только из свежих плодов и на смеси растительных масел, подрумяненный в тостере, «Убик» превратит ваш завтрак в пиршество! Как засияет ваша посуда от одного его прикосновения!

Сохраняет свойства при использовании строго по инструкции.

Продолжаем умирать, подумал Джо, ведя свой солидных размеров автомобиль через уличную толчею. Где-то я ошибся… Эди находилась со всеми вместе, значит, должна бы уцелеть. А я…

Это я должен был умереть. Во время своего неторопливого воздушного путешествия…

– Впредь мы должны стараться не отлучаться от группы и не терять друг друга из виду. А главное – если кто почувствует усталость, пусть сразу говорит об этом, – сказал Джо сидевшему рядом Дону.

– Все слышали? – обернулся Дон Денни через плечо назад. – Как только кто-то почувствует, что устал, – пусть сразу говорит об этом мистеру Чипу или мне. – Он снова повернулся к Джо: – А что потом?

– Да, что потом, Джо? – подхватила Пат. – Что мы будем с этим делать? Скажи же нам, Джо. Мы все слушаем тебя.

– Странно, что ты не пользуешься своими способностями, – сказал Джо, не оборачиваясь. – Ситуация как специально для тебя создана. Почему бы тебе не вернуться на четверть часа и не сказать Эди, чтобы она не уходила? Почему ты не сделаешь того фокуса, который продемонстрировала, когда я представлял тебя Рансайтеру?

– Это Эшвуд представлял меня Рансайтеру, – сказала Пат.

– То есть ты ничего не намерена делать, – сказал Джо.

– Мисс Конли и мисс Дорн поссорились вчера за обедом, – хихикнул Сэмми. – Мисс Конли не любит мисс Дорн. Она не хочет ей помогать.

– Неправда, мне нравится Эди – сказала Пат.

– Так все-таки есть какая-нибудь причина, по которой ты не пользуешься своими возможностями? – спросил Дон Денни. – Я согласен с Джо: это выглядит как-то странно.

– Я потеряла свои способности, – после минутного молчания сказала Пат. – Видимо, это последствия взрыва…

– Что же ты молчала? – спросил Джо.

– Черт побери, да я просто не хотела об этом говорить, –

вспылила Пат. – Думаешь, приятно признаваться в бессилии? Я все время пробую – и у меня ничего не получается. Никогда со мной такого не было, ни разу в жизни…

– Когда?.. – начал Джо, но Пат перебила:

– Сразу. Когда убило Рансайтера. Еще до того, как ты вспомнил обо мне.

– То есть знаешь ты об этом давно, – сказал Джо.

– Я пробовала в Нью-Йорке, когда ты вернулся такой обломанный из Цюриха, – я поняла, что с Венди случилось что-то ужасное. И сейчас, когда ты сказал, что Эди, видимо, умерла. Может быть, это потому, что нас зашвырнуло в такое архаическое время. Может быть, в тридцать девятом году псионические таланты вообще не могут проявляться. Хотя нет, это не объясняет, почему у меня сорвалось на Луне… разве что мы уже сместились во времени, но еще не осознали этого… – Пат замолчала, мрачно поглядывая на бегущие за окном улицы Де-Мойна.

Да, это возможно, подумал Джо. Конечно же, ее способность перемещаться в прошлое должна исчезнуть. Сейчас не настоящий тридцать девятый год – мы находимся вообще вне потока времени. Значит, Эл был прав. И тот, кто писал на стенах, тоже был прав. Это полужизнь, и времени здесь нет…

Говорить об этом он не стал. Зачем? Они и так скоро сами убедятся в этом. А Денни, скорее всего, уже и сейчас понимает все…

– Ты, я вижу, по-настоящему обеспокоен, что ее талант перестал существовать? – спросил Дон Денни, наклонившись к Джо.

– Да, конечно, – кивнул Джо. – Я надеялся, что с ее помощью мы сможем влиять на ситуацию.

– По-моему, тут есть что-то еще, – усомнился Денни, демонстрируя свою интуицию. – Что-то у тебя в голосе этакое прозвучало… Мне кажется, что тебе этот факт позволил что-то понять. Что-то важное. Я прав?

– Куда ехать? – спросил Джо, притормаживая у перекрестка.

– Направо, – сказала Типпи Джексон.

– Увидишь кирпичный дом с мигающей неоновой надписью: «Отель „Лысая Гора“» – так и называется, правда. Кошмарное заведение. Одна ванная комната на два номера с деревянной лоханью, представляешь, и без душа. А чем кормят! Неописуемо! И всего один сорт выпивки, которую они называют «Нехай».

– А мне еда понравилась, – сказал Дон Денни. – Свежая говядина, это вам не синтетический белок. И настоящий лосось…

– Деньги годятся? – спросил Джо. Внезапно раздался высокий воющий звук, эхом разнесшийся по всей улице. – Что это? –

спросил он Денни.

– Не знаю, – нервно ответил тот.

– Это полицейская сирена, – сказал Сэмми Мэндо. – Вы свернули, не дав сигнала.

– А какой сигнал я мог дать? Тут нет никаких указателей поворота.

– Надо было показать рукой, – сказал Сэмми.

Сирена раздалась совсем рядом, и с машиной поравнялся полицейский мотоцикл. Джо притормозил, не зная, что делать дальше.

– Остановите у тротуара, – сказал Сэмми.

Джо свернул к тротуару и остановил машину.

Сойдя с мотоцикла, полицейский быстро подошел к ним. Это был молодой человек с острым крысиным лицом, большими глазами и пронзительным взглядом.

– Ваши права, мистер, – сверля взглядом Джо, потребовал он.

– У меня нет прав, – сказал Джо. – Я заплачу штраф, и позвольте нам ехать дальше. – Отель был виден отсюда. Джо повернулся к Денни и сказал: – Бегите бегом, так будет быстрее.

«Виллис-Кавалер» обогнал их. Дон Денни, Пат, Сэмми и Типпи Джексон вышли из машины и, оставив Джо разбираться с полицейским, направились к отелю. «Виллис» остановился, чтобы подобрать их.

– Какое-нибудь удостоверение личности у вас есть? – спросил полицейский.

Джо подал ему свой бумажник. Красным карандашом полицейский заполнил бланк, вырвал его из блокнота и подал Джо.

– Поворот без сигнала. Езда без прав. На обороте написано, куда и когда вы должны явиться, – он вернул Джо бумажник, спрятал свой блокнот и неторопливо зашагал к мотоциклу. Дал газ и, не оборачиваясь, быстро сорвался с места и исчез в уличной толчее.

Зачем-то, прежде чем спрятать повестку в карман, Джо заглянул в нее. Потом – медленно – прочитал. Потом – еще медленнее – перечитал. Почерк был знакомый.

ВЫ В БОЛЬШЕЙ ОПАСНОСТИ, ЧЕМ Я ДУМАЛ. ТО, ЧТО ГОВОРИЛА ПАТ КОНЛИ, БЫЛО…

На этом текст обрывался. Что же там дальше? Покрутив повестку и не найдя продолжения, Джо снова внимательно изучил лицевую ее часть. От руки больше ничего не написано, зато типографским шрифтом внизу было следующее:

Аптека Арчера

реализует медикаменты и моющие средства.

Цены снижены!

Не густо, подумал Джо. И все-таки это наверняка еще один знак – потому что встретить такой текст на повестке, врученной дорожным полицейским, просто невозможно. Конечно, знак – как и текст, написанный карандашом…

Выйдя из машины, Джо вошел в табачную лавочку напротив.

– Я не мог бы попросить у вас телефонную книгу? – спросил он хозяина лавки, толстяка средних лет.

– Где-то среди того говна, – хозяин ткнул толстым пальцем в захламленную полку.

Джо раскопал книгу. Аптеки Арчера там не было. Положив книгу обратно, он подошел к хозяину, поглощенному продажей маленькому мальчику пачки вафель «Никко». Дождавшись конца этой процедуры, Джо спросил:

– Вы не знаете, где находится аптека Арчера?

– Не здесь, – последовал ответ. – А то и вообще нигде.

– Как это?

– Она закрылась несколько лет назад.

– Тогда скажите, где она была. Примерно. Или, лучше, нарисуйте.

– Я и так объясню, без рисунков, – хозяин подошел к двери магазинчика и показал рукой: – Видите парикмахерскую? От нее свернете направо. Увидите старый дом с фронтонами. Желтый такой. Верхний этаж там используется, а нижний заколочен. Узнаете вы этот дом, там еще надпись есть: «Аптека Арчера». Найдете, не сомневайтесь. Дело-то там такое было: Эд Арчер дал дуба – рак горла, понимаете…

– Спасибо, – сказал Джо и устремился на улицу. Солнце садилось. Торопясь, он пересек улицу и у парикмахерской свернул, как было указано.

Он сразу же увидел желтый обветшалый дом. Однако с этим домом творилось что-то странное. Он как бы мерцал, то появляясь на несколько секунд, то исчезая. Это напоминало пульсацию какого-то органа.

Может быть, это конец пути? Джо стал приближаться к заколоченной аптеке, не отводя взгляда. Наконец, подойдя достаточно близко, он уловил, что именно происходит.

Возникая из ничего, перед ним попеременно появлялись то автоматизированный магазин хозяйственных товаров из его собственного времени – самообслуживание, десять тысяч наименований товаров и все такое прочее – в общем, то, к чему он привык; то архаическая, с фасадом в стиле рококо, аптека с какими-то бандажами и набрюшниками, рядами очков и ступками, банками с пиявками и бутылями с притертыми пробками на витринах – сундучок Пандоры с полной коллекцией врачебных поисков и ошибок… и надпись «АПТЕКА АРЧЕРА» на полированной деревянной доске над дверью… То, что было здесь в тридцать девятом – заброшенное, заколоченное помещение, – каким-то образом исчезло, выпало. Значит, войдя туда, подумал Джо, я либо вернусь в свое время, либо провалюсь еще глубже в прошлое… причем второй вариант кажется куда более вероятным.

Но именно это было написано в повестке. «Посети аптеку Арчера…»

Ему казалось, что от дома исходят какие-то колебания, раскачивающие его взад-вперед, подобно волнам. Странно, что прохожие ничего не замечают… Джо дождался, когда появится старинная аптека, и шагнул в дверь.

Он оказался в аптеке Арчера. Справа от входа шел длинный прилавок с мраморной крышкой. Темные ящики на стенах – и вообще все помещение темное, и не из-за отсутствия света, а из-за окраски. Все сделано так, чтобы постоянно присутствовал мрак, тень, темнота – без этого здесь нельзя. Мрачное, тяжелое благородство… но как гнетет – будто гири на плечах… Пульсация прекратилась, как только Джо оказался внутри помещения, – по крайней мере, здесь она не воспринималась. Он уже не был уверен, что сделал правильный выбор. Ведь можно было попытаться совершить прыжок в свой мир – из этого, деградирующего… Поздно. Дело сделано. Он прошелся по аптеке, обозревая медь и резное дерево – кажется, орех – панелей внутренней отделки… Наконец он подошел к окошечку рецептурного отдела в глубине помещения.

Худой юноша в сером костюме со множеством пуговиц молча поднялся ему навстречу. Долгое время они смотрели друг на друга. Тишину нарушал только звук настенных часов. Маятник их раскачивался, беспардонно и громко тикая. Впрочем, такова манера всех часов в мире.

– Я хотел бы флакон «Убика», – сказал Джо.

– Мази? – уточнил аптекарь. Его губы двигались не в такт с произнесенным словом: сначала Джо увидел, как открывается рот, шевелятся губы и язык – и лишь потом услышал дошедший

до него звук.

– Разве это мазь? – спросил Джо. – Я считал, что его принимают внутрь.

Аптекарь какое-то время не отвечал – будто их разделяло огромное пространство… или эпоха. Потом его рот приоткрылся, губы зашевелились. Через минуту Джо услышал ответ.

– «Убик» пережил множество изменений. Производитель постоянно совершенствует препарат. Наверное, вы имеете в виду старый «Убик». – Аптекарь отошел немного в сторону; его манера двигаться, напоминающая то ли замедленное кино, то ли бальный танец, могла показаться красивой, но страшно раздражала. Через минуту он подплыл к окошку и положил на прилавок плоскую жестяную банку с запаянной оловом крышкой. – Последнее время у нас появились трудности с поставками «Убика», – сказал он. – Это новый препарат, он изготовляется в виде порошка, который следует смешивать с дегтем. Деготь приобретается отдельно за очень умеренную цену. Но порошок «Убик» весьма дорог. Сорок долларов.

– Что же в него входит? – холодея от названной цифры, спросил Джо.

– Это секрет изготовителя, – сказал аптекарь.

Джо взял банку в руку и поднес ее к глазам.

– Могу я прочитать надпись? – спросил он.

– Разумеется.

Джо повернулся так, чтобы слабый свет, проникающий через окно, падал на этикетку. С трудом, но ему удалось-таки разобрать печатный текст. Он начинался с того места, на котором обрывалась фраза, написанная красным карандашом дорожного полицейского.

…полным враньем. Она вовсе не пыталась – повторяю, не пыталась – применить свой талант ни после взрыва, ни для спасения Венди, Эла или Эди Дорн. Она солгала, и это проливает новый свет на ситуацию. Я дам тебе знать, как только что-нибудь выясню. Пока что соблюдай крайнюю осторожность. И последнее: порошок «Убик» сохраняет свои уникальные лечебные свойства, если точно и скрупулезно следовать рекомендациям по его применению.

– Могу я заплатить чеком? – спросил Джо. – У меня нет при себе сорока долларов, а «Убик» мне крайне необходим. Буквально вопрос жизни и смерти. – Он достал из кармана чековую книжку.

– Вы ведь не житель Де-Мойна, верно? – сказал аптекарь. – Я это понял по вашему акценту. Видите ли, я должен знать вас

лично, чтобы принять чек на такую крупную сумму. В последние дни мы получили слишком много чеков без обеспечения.

– А кредитной карточкой?

– Что такое кредитная карточка? – спросил аптекарь.

Джо поставил банку с «Убиком» на прилавок и с трудом разжал пальцы. Это безнадежно… Молча он вышел из аптеки, перешел улицу и остановился на тротуаре. Оглянулся…

Он увидел лишь дряхлый желтый дом. Окна верхнего этажа занавешены, внизу – забиты досками. Между досок – абсолютная чернота. Ни следа жизни.

Вот, значит, как… Теперь мне никогда не купить «Убик». Даже если я найду сорок долларов на тротуаре. Зато теперь я знаю, что имел в виду Рансайтер. Если он сам, конечно, не ошибается. А если ошибается? Если все, что он говорит и пишет, – плод умирающего сознания? Или полностью умершего? Господи, подумал он с ужасом, ведь это, наверное, правда…

Прохожие вокруг него стали поднимать головы и смотреть вверх, и Джо тоже поднял голову и, прикрывая глаза ладонью от низкого оранжевого солнца, стал смотреть в небо. За белой точкой тянулась белая струйка дыма. Маленький аэроплан усердно расписывал небо. На глазах у Джо возникла надпись:

ДЕРЖИ ХВОСТ ПИСТОЛЕТОМ,

ДЖО!

Легко сказать, подумал Джо. Написать тоже легко…

Горбясь от навалившейся вдруг усталости и предчувствуя возвращение былого ужаса, он поплелся, спотыкаясь, в сторону отеля «Лысая гора».

Дон Денни ждал его в вестибюле, высоком, сводчатом, выстланном темно-красными коврами, – в общем, невыносимо провинциальном.

– Мы нашли ее, – сказал Денни. – Все кончено. По крайней мере, для нее. Все это ужасно. Теперь исчез Фред. Я думал, он едет в той машине, а они думали – он в нашей. Короче, он остался в мортуарии.

– Все пошло вразнос, – сказал Джо. Интересно, мог бы «Убик», все время маячивший перед глазами и не дававшийся в руки, повлиять на ситуацию? Не знаем и не узнаем… – Выпить тут

можно где-нибудь? И как насчет денег? Мои тут ничего не стоят.

– Мортуарий платит за все. Так распорядился Рансайтер.

– И за отель тоже? – Странно, подумал он, каким же образом Рансайтер умудрился все это организовать? – Денни, пока никого нет, я хочу показать тебе одну вещь… – Он достал повестку. – Есть и продолжение этой записки, за ним я и ходил сейчас.

Денни прочитал записку – раз и еще раз. Потом замедленным движением вернул ее Джо.

– Рансайтер считает, что Пат лжет нам, – без малейшей вопросительной интонации сказал он.

– Да, – сказал Джо.

– Ты понимаешь, что это значит? – голос его стал жестким. – Это значит, что она вполне могла аннулировать все это – все, начиная со смерти Рансайтера!

– Я думаю, что это означает совсем другое, – сказал Джо.

Денни посмотрел ему прямо в глаза, и впервые за все время Джо увидел в этих глазах страх.

– Ты прав. Да, ты абсолютно прав… – лицо Денни болезненно исказилось. Он все понял.

– Об этом даже не хочется думать – сказал Джо. – Вообще ничего не хочется. Все это мерзко. Хуже, чем я думал. Хуже, чем думал Эл. А он считал, что хуже быть уже не может…

– Значит, может, – сказал Денни.

– Все это время я старался понять – почему, из-за чего, какая причина? Я был уверен, что если узнаю это… – Эл о подобном даже не заикнулся, подумал Джо. Мы оба как сговорились – не предполагать ничего похожего. Из лучших побуждений…

– Пока никому ничего не говори, – сказал Денни. – Может быть, это все неправда. А если и правда, то какой смысл в том, что они ее узнают? Это не поможет…

– Что не поможет? – раздался сзади голос Пат. – Чего это мы не должны знать? – Пат обогнула их и встала напротив. Ее пронзительно-черные глаза смотрели мудро и спокойно. Слишком спокойно. – Вам не стыдно что-то скрывать, когда умерла Эди Дорн? И Фред – он, наверное, тоже умер? Не слишком ли многих мы потеряли? Кто будет следующим, интересно? – Она полностью владела собой и говорила негромко и почти равнодушно. – Типпи лежит в своей комнате. Она не говорит, что устала, но я думаю, что это следует понимать именно так. Вы не согласны?

– Согласны, – помолчав, ответил Денни.

– Что тебе написали в повестке, Джо? – протягивая руку, спросила Пат. – Можно посмотреть?

Джо протянул ей листок.

Вот и все, подумал он. Все линии пересеклись в одной точке. Вот сейчас…

– Как этот полицейский узнал мое имя? – спросила Пат. Она посмотрела на Джо, потом на Денни. – Откуда здесь я?

Она не узнала почерк, подумал Джо. Она просто не видела его никогда…

– Это писал Рансайтер, – сказал он. – Получается, что все это – твоих рук дело, да, Пат? То есть не рук – таланта? Мы оказались здесь из-за тебя?

– И ты нас потихонечку убиваешь, – сказал Денни. – Одного за другим. Но почему? – Он повернулся к Джо: – Действительно, почему? Она же нас и не знает толком…

– Ты для этого пришла в Ассоциацию Рансайтера? – Джо изо всех сил старался сохранять спокойствие, но голос предательски дрожал. – Тебя разыскал и привел Джи-Джи Эшвуд.

Он работал на Холлиса, да? Так, значит, все, что происходит с нами, – не из-за бомбы, а из-за тебя?

Пат улыбнулась.

И в этот момент холл отеля взорвался перед глазами Джо.

Глава 13

На вас перестали оглядываться мужчины? Это потому, что вы не пользуетесь бюстгальтерами и лифами «Убик»!Эластичное и невесомое белье обеспечит молодую упругость и пышность вашей груди.

Строго придерживайтесь инструкции!

Темнота окружала его, липла к лицу, как спутанная, влажная, теплая шерсть. То, чего он так боялся, наступило. Зря я не послушался Рансайтера, мелькнуло где-то на границе сознания, не надо было показывать ей эту записку…

– Что с тобой, Джо? – с тревогой в голосе спросил Денни. – Тебе плохо?

– Все в порядке… – Джо начал что-то видеть вокруг. Мрак расслоился, отступил вверх и вниз, образуя пустое серое пространство. – Просто я переутомился, наверное. – Черт возьми, ему никогда в жизни не приходилось испытывать такой сокрушающей усталости…

– Давай-ка я помогу тебе сесть в кресло, – сказал Денни, подхватывая его под локоть. Джо чувствовал, что Дон его ведет, и это его испугало – необходимость того, чтобы кто-то обязательно помогал ему идти. Он освободился от поддержки.

– Я сам. Со мной все в порядке. – Призрак Денни понемногу принимал реальные очертания, Джо сосредоточил на нем все свое внимание и через несколько секунд уже мог различить обстановку холла, хрустальную люстру под потолком, источающую желтый свет… – Мне надо бы присесть, – сказал он, нашаривая плетеное кресло.

– Что ты с ним сделала? – яростно повернулся Денни к Пат.

– Ничего она со мной не делала, – сказал Джо, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал твердо. Но все равно получался какой-то писк: будто голос был записан на магнитофон, а потом проигран с повышенной скоростью. Тонкий, пронзительный, совсем не его голос.

– Это правда – сказала Пат. – Я ничего не делала ни с ним, ни с остальными.

– Я хочу лечь – сказал Джо. – Где тут можно лечь?

– Пойду сниму тебе номер – сказал Денни нервно; все это время он парил где-то рядом, то исчезая, то возникая вновь – в такт изменениям яркости света в холле: от тускло-красного до желтого и обратно. – Посиди пока здесь, я сейчас.

Он пропал, а Пат осталась.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь? – ласково спросила она.

– Нет, – вытолкнул из себя Джо. Это потребовало от него огромного усилия, потому что слово зацепилось за какую-то каверну в сердце. – Разве что сигарету… – эти три слова полностью истощили его силы. Сердце колотилось бешено. Тяжелая рука все сильнее и сильнее вдавливала его в кресло. – У тебя есть?

Скосив глаза, он стал смотреть на Пат. Ее силуэт был еле виден в клубящемся багровом свете. В полыхающих отсветах иной реальности…

– Нет, – сказала Пат. – К сожалению, нет.

– Что это… что со мной?

– Сердечный приступ, должно быть, – предположила Пат.

– Как ты думаешь… здесь есть врач… в отеле?

– Вряд ли.

– Ты не могла бы… поискать?

– Я думаю, у тебя это нервное, – сказала Пат. – Ты не болен. Все пройдет само.

Вернулся Денни.

– Номер я снял, – сказал он. – Двести третий… – он замолчал, и Джо ощутил исходящую от него тревогу. – Джо, ты скверно выглядишь. Из тебя будто выпустили воздух… Боже, Джо, ведь так выглядела Эди, когда…

– Ничего похожего, – сказала Пат. – Эди умерла. А Джо жив. Да, Джо?

– Я хочу подняться в номер и лечь, – сказал Джо. Кое-как он встал на ноги. Сердце его продолжало работу с каким-то сомнением: то пропускало удары, то вновь начинало биться. Оно грохотало, будто тяжелой кувалдой проламывали бетонную стену. Каждый удар сотрясал все тело. – Где лифт? – спросил он.

– Я отведу тебя, – Денни снова взял его под локоть. – Ты как перышко, Джо. Что с тобой? Ты можешь мне сказать? Ты знаешь, в чем тут дело? Постарайся объяснить…

– Он ничего не знает – сказала Пат.

– Я думаю, надо вызвать врача – сказал Денни. – Немедленно.

– Нет – сказал Джо. Я лягу, и станет легче, подумал он. Какая-то неодолимая, как океанское течение, сила овладела им и приказывала: ляг. Ляг, вытянись, отдохни… в покое, в одиночестве… Я должен, должен дойти, должен остаться один… почему? Нужен ли ответ? Его просто охватила непреодолимая жажда одиночества.

– Пойду приглашу врача, – сказал Денни. – Пат, побудь с ним. Не спускай с него глаз. Я постараюсь скоро вернуться.

Он ушел, и Джо еще несколько секунд мог видеть

удаляющуюся фигурку. Денни сжимался, усыхал, потом просто исчез. Осталась Пат, но ее присутствие не делало Джо менее одиноким. Его изоляция от мира стала абсолютной.

– Итак, Джо, – чего ты хочешь? Что я могу для тебя сделать?

– Лифт, – сказал Джо.

– Ты хочешь, чтобы я довела тебя до лифта? С радостью. – Она зашагала вперед, и Джо изо всех сил устремился за ней. Ему казалось, что она движется со сверхъестественной скоростью. Пат не останавливалась и не оглядывалась, и только чудом ему удавалось не терять ее из виду. Не может быть, что она на самом деле идет так быстро, подумал Джо, это я замедлен, придавлен силой тяжести… весь окружающий мир был скоплением чистой массы, а у него самого осталось единственное свойство: притягиваться к ней, испытывать давление колоссального собственного веса… и единственная способность: ощущать инерцию…

– Не так быстро, – выдохнул он. Пат исчезла из поля зрения. Упорхнула. Джо остановился, не в силах сделать ни шагу. Пот заливал глаза. – Подожди… – прошептал он.

Пат снова оказалась рядом. Наклонилась, чтобы посмотреть на него поближе. Его поразило ее лицо: спокойное, бесстрастное, выражающее разве что научную заинтересованность.

– Вытереть тебе лицо? – спросила она, доставая кружевной платочек.

– Посади меня в лифт… – Джо заставил свои ноги сделать шаг. Потом еще шаг. Он уже видел вдали дверь лифта и ожидающих кабину людей. Стрелка старомодного указателя стояла на цифре 4. Потом она заколебалась и поползла влево, прошла 3…

– Сейчас подойдет – Пат достала из сумочки сигареты и зажигалку, закурила и выпустила дым из ноздрей. – Это очень древний лифт. По-моему, там такая открытая железная клетка. Ты не боишься?

Стрелка миновала цифру 2, задержалась на единице, потом опустилась до конца. Дверь распахнулась.

Джо увидел ажурные железные решетки кабины, лифтера в форме… Лифтер сидел на табуретке, держа руку на рычаге.

– Поднимаемся наверх, – сказал лифтер. – Входите.

– Я не поеду, – сказал Джо.

– Почему? – удивилась Пат. – Ты боишься, что оборвется трос? Да? Ты этого боишься? Я же вижу, что ты чего-то боишься.

– Это то, что видел Эл, – сказал Джо.

– Как хочешь, – сказала Пат. – Остается лестница. Но ты ведь не дойдешь…

– Дойду, – сказал Джо. Он двинулся вперед в поисках лестницы. Ничего не вижу, ничего… не могу найти… Перехватило дыхание. Он остановился и сосредоточенно сделал вдох. А вдруг это и вправду сердечный приступ, подумал он. Тогда никаких лестниц… Жажда одиночества становилась нестерпимой. Лечь, вытянуться, закрыть глаза – в тишине, без свидетелей, никто не войдет, ни с кем не надо разговаривать… И чтобы никто не знал, где я. Это казалось ему самым важным: стать невидимым, неслышимым, просто исчезнуть. Особенно это касается Пат… ее присутствие непереносимо…

– Это здесь, – Пат развернула его влево. – Прямо перед тобой. Просто держись за перила и ковыляй к постельке. Ну? – Легким танцующим шагом она поднялась на несколько ступенек. – Ты сможешь?

– Я не хочу… чтобы ты… шла со мной… – сказал Джо.

– О, дорогой! – Она вздохнула с наигранным огорчением. Ее черные глаза блестели. – Боишься, что я воспользуюсь твоим состоянием? Опасаешься за свою невинность, да?

– Просто… хочу быть… один…

Цепляясь за перила, он одолел первую ступеньку. Остановился и посмотрел вверх, пытаясь сосчитать, как далеко до конца пролета и сколько ступенек предстоит ему преодолеть.

– Мистер Денни не велел мне отлучаться от тебя. Я могу читать тебе что-нибудь, приносить разные вещи. Заботиться о тебе.

Джо вскарабкался на следующую ступеньку.

– Один… – прохрипел он.

– Но я же могу просто посмотреть, как ты поднимаешься? Мне интересно, сколько времени уйдет на это. Если ты, конечно, дойдешь.

– Дойду… – Джо поставил ногу на следующую ступеньку, ухватился за перила и потянул себя вверх. Сердце билось где-то в горле. Он закрыл глаза и с трудом вздохнул.

– Я воображаю, как себя чувствовала Венди, – сказала Пат. – Она была первой, да?

– Я ее… любил… – прошептал Джо.

– О, я знаю. Джи-Джи говорил мне. Он прочел это в твоих мыслях. Мы с ним были хорошими друзьями. Немало времени провели вместе. Как ты выразился бы, у нас была интрижка. Да, ты сказал бы именно так.

– Мы были… правы… – сказал Джо. Он сделал глубокий вдох. Преодолел еще одну ступеньку. Потом еще одну. – Ты и Джи-Джи… работали на Холлиса. Внедрились… чтобы…

– Именно так, – согласилась Пат.

– Лучших инерциалов… и Рансайтера… прикончить… – Еще ступенька. – Мы не в полу… жизни… мы не…

– Да, вам предстоит полная смерть, – сказала Пат. – Вы еще живы – хотя тебя это уже не касается. Но умрут все. Только зачем нам говорить об этом? Снова напрягаться, думать? Ты же уже все это сказал мне, причем совсем недавно. И как ты мне надоел, повторяя опять то же самое. Ты просто тупой педант, Джо. Такой же тупой, как Венди Райт. Из вас получилась бы замечательная пара.

– Вот почему Венди… умерла первой… не потому… что была одна… а потому… – Он испугался внезапного прилива сердечной боли; нога соскользнула со следующей ступеньки, и Джо повис на перилах. Наверное, он потерял сознание, потому что внезапно обнаружил себя сидящим скрючившись, сжавшись… Как Венди в шкафу, подумал он. Подняв руку, он вцепился в рукав своего пиджака и потянул…

Материя расползлась. Сухая, истлевшая, она рвалась, как оберточная бумага… Сомнений не оставалось: скоро за ним потянется след из клочков распадающейся одежды. След, ведущий к двери, за которой его ждет желанное одиночество. И до которой он доползет, влекомый той же силой, что лишает его жизни… он околдован, и завершение его пути – в могиле…

Он поднялся еще на ступеньку.

Дойду, понял он. Сила, уничтожающая меня, мне же дает энергию, чтобы дойти. Мое тело тает – вот почему тела Венди. Эла, Эди… Фреда, видимо, тоже… выглядели как пустые коконы, отброшенные за ненадобностью. Эта сила позволяет мне бороться с неимоверно возросшей силой тяжести, и плата за это, плата за подъем – это само мое тело. И тела этого хватит, чтобы доставить меня наверх, за желанную дверь… и даже Пат, запустившая этот процесс, не сможет прервать его. Интересно, что она чувствует, наблюдая за этим восхождением? Испытывает восторг? Или презрение? Он поднял голову, присматриваясь. Никаких сильных эмоций на ее живом лице. Только интерес. Никакого злорадства. Совершенно нейтральное выражение. Удивления в себе он не ощутил. Пат пальцем не пошевелила, чтобы помешать – или помочь – ему. Это почему-то казалось естественным.

– Тебе получше? – спросила Пат.

– Нет, – он преодолел уже половину пути. Встал на следующую ступеньку…

– Ты выглядишь несколько лучше. Не таким бессильным.

– Потому что я поднимусь. Я знаю точно.

– Уже не шибко далеко, – согласилась Пат.

– Не так далеко, – поправил ее Джо.

– Ты невозможный. Такой мелочный, тривиальный. Даже в агонии… вернее, в том, что тебе кажется агонией, – поправила она себя. – Мне не следовало так говорить: «в агонии». Это может подорвать твой оптимизм.

– Лучше скажи мне… сколько ступенек… осталось…

– Шесть. – Она отбежала от него, легко и бесшумно взлетела наверх. – Нет, извини: десять. Или девять? Кажется, девять.

Он поднялся еще на ступеньку. Потом еще. И еще. Он молчал и никуда не смотрел. Карабкаясь вверх, как улитка, чувствуя твердую поверхность, на которую он мог опереться, он положился на инстинкт, на вырабатывающийся навык, позволяющий экономно расходовать остатки сил.

– Ты почти на месте, – весело сказала стоящая наверху Пат. – Что ты можешь сказать, Джо? Будут ли комментарии по поводу этого величайшего восхождения? Величайшего в истории человечества? Хотя нет – до тебя его уже совершили Венди. Эл, Эди и Фред. Но только твое я видела своими глазами.

– Тебе… понравилось?

– О, конечно! Ты так старался. Как тогда, в Цюрихе – когда устроил все так, чтобы Венди провела с тобой ночь в отеле. Но сегодня будет по-другому. Сегодня ты будешь один, Джо.

– Тогда… тоже… один… – Еще ступенька. Он вдруг судорожно закашлялся. С каплями пота вытекали и исчезали без толку сэкономленные силы…

– Ну почему же – засмеялась Пат – Венди была с тобой, в твоем номере. Правда, не в твоей постели. Не стоило так крепко спать, дружок.

– Постараться… не кашлять… – Джо поднялся еще на две ступеньки. Конец уже близко… Сколько прошло времени? Не знаю…

И, боже, как холодно! Он понял вдруг, что промерз насквозь. Никогда в жизни он не замерзал так. Все внутри изо льда. Кости изо льда. Хуже, чем было на Луне, хуже, чем в Цюрихе. Там был легкий озноб… Кто сказал, что в аду пекло? Там стужа, стылость, там все превращается в лед… Тело – это вес и тепло. Но вот мой вес убивает меня, а тепло меня покидает. Оно уйдет и не вернется – если я не пройду через новое рождение. Тепловая смерть – это то, что ждет Вселенную. Что ж, я буду не одинок…

Одинок… все равно одинок. Слишком рано пришло это чувство, подумал он. Будто кто-то в нетерпении подгоняет процесс – по злобе или из любопытства… невидимый, мерзкий, подсматривающий, как я ползу – полураздавленный жук… мальчишка-дебил, получивший власть надо мной и развлекающийся моими страданиями… то есть девчонка, грязная,

порочная, жестокая… Пат.

– А ключ от номера у тебя есть? – спросила она. – Представь, ты подходишь к номеру – а ключ потерял где-то…

– Ключ есть, – сказал Джо и стал обшаривать карманы. Пиджак совсем расползся, и из какого-то кармана выпал и покатился по ступеням ключ. На одну… на две ступеньки вниз. Не достать…

– Ничего, я подниму. – Пат промелькнула мимо него, подняла ключ, посмотрела, тот ли, и положила его на перила над последней ступенькой. – Вот он, поднимешься и возьмешь. Это будет приз за восхождение. Твой номер, кажется, четвертый налево. Потихоньку дойдешь, это легче, чем лестница.

– Вижу… ключ… дойду… я дойду… – Отчаянным усилием он одолел три ступеньки подряд, не отдыхая. На это ушло слишком много сил, сила тяжести возросла, а холод стал еще невыносимее – если это только возможно.

Но он дошел.

– Я ухожу, Джо, – сказала Пат. Она стояла над ним, наклонившись и уперев руки в колени. Он хорошо видел ее лицо. – И ты, наверное, не хочешь, чтобы к тебе ввалился Денни с врачом, да? Врач ведь не поможет. Так вот, я ему скажу, что отправила тебя в больницу. Так? Никто не будет тебя беспокоить. Ты будешь совсем один, наедине с собой. Согласен?

– Да, – сказал Джо.

– Вот твой ключ, – она вложила ему в руку холодный металлический предмет и сжала его пальцы. – Держи хвост пистолетом, как говорят в этом тридцать девятом. А еще тут говорят: самый вкусный сыр лежит в мышеловке… – Она выпрямилась, постояла, разглядывая его, а потом повернулась и быстро пошла через холл к лифту. Нажала кнопку. Створки двери разошлись, потом сошлись. Пат исчезла.

Сжимая ключ, Джо медленно распрямился – насколько позволил холод. Опираясь о стену, он стал медленно, шаг за шагом, продвигаться по коридору. Пот заливал глаза, и непонятно было, то ли в коридоре просто не горит свет, то ли глаза утратили способность видеть.

Наконец, он добрался до первой двери – ползущая закорючка. Поднял голову. Увидел номер. Нет, не тот.

Он пополз дальше.

Он дополз.

Теперь нужно распрямиться настолько, чтобы можно было вставить ключ в скважину. Это усилие отняло все, что еще оставалось, ноги подогнулись, и Джо упал лицом на пыльную ковровую дорожку. Он лежал, вдыхая запах тлена, распада,

равнодушной смерти. Мне никогда не подняться, подумал он.

И все-таки он поднялся. Здесь его могли увидеть.

Повиснув на дверной ручке, он слепо совал ключ туда, где мог быть замок. Как только ключ повернется, дверь распахнется и пропустит его внутрь, он упадет, захлопнет дверь за собой… Потом ему удастся как-нибудь доползти до кровати.

Замок заскрежетал, язычок сдвинулся, и дверь распахнулась. Джо рухнул головой вперед, успев вытянуть руки. Рисунок на ковре: зигзаги, узоры, цветы – все красное с золотом, но уже изрядно потертое. Очень старый ковер, подумал Джо, лежа на нем и почти не чувствуя боли, старый номер, старый дом… наверное, когда его строили, действительно использовали те допотопные лифты в виде железных клеток…

Он долго лежал без движения, потом шевельнулся, будто кто-то позвал его. Подтянул колени, уперся руками… Боже, это мои руки! Узловатые, покрытые желтой пергаментной кожей, как гузка пережаренной индейки… нечеловеческая кожа, в зачатках перьев, будто меня отбросило на миллионы лет, превратив в ящера с кожными перепонками вместо крыльев…

Открыв глаза, он огляделся в поисках кровати. Он увидел окно, из которого сочился серый свет. Маленький столик на тонких кривых ножках. Кровать… облезлые деревянные спинки с медными шарами по краям… всему этому тысяча лет. Как же я хочу лечь на нее! Он рванулся вперед, бессильно скребя ковер локтями и коленями…

…и тут увидел наконец сидящего в глубоком кресле человека. Молчаливого наблюдателя. Он подумал так, и, словно отозвавшись на эту его мысль, человек встал и подошел к нему.

Это был Глен Рансайтер.

– Извини, я не мог помочь тебе раньше – не хотел, чтобы она меня увидела, – сказал Рансайтер. Лицо его было сурово. – Я очень опасался, что она войдет за тобой, и тогда появились бы серьезные проблемы… – Он наклонился, подхватил Джо и поставил его на ноги так легко, будто веса в нем совсем не осталось. – Поговорим позже. А пока… – Он подхватил Джо на руки, перенес через комнату и опустил в кресло, в котором до этого сидел. – Продержись еще пару секунд, я запру дверь. Вдруг она изменит свои планы?

– Да, – сказал Джо.

Рансайтер подскочил к двери, повернул ключ и тут же вернулся к Джо. Открыв ящичек туалетного столика, он достал аэрозольный баллончик с ярко разрисованной этикеткой.

– Это «Убик», – сказал он. – Все, что могу…

Встряхнув баллончик, он направил струю на Джо. Воздух

засверкал, будто в нем высвобождались спрятанные частицы света. Солнечный блеск озарил полутемный гостиничный номер…

– Тебе лучше? – с тревогой спросил Рансайтер. – Он действует мгновенно. Ты уже должен почувствовать…

Глава 14

Это не просто упаковка, сохраняющая запах продуктов. Это четырехслойное пластиковое покрытие «Убик»!Это гарантия сохранения свежести, воздуха-и водонепроницаемости! Давайте поставим небольшой эксперимент…

– У тебя найдется сигарета? – спросил Джо. Голос его подрагивал, но уже не от холода и не от слабости. Я просто нервничаю, подумал он. Но уже не умираю. «Убик» остановил этот процесс…

Как, собственно, и говорил Рансайтер в том рекламном ролике. Найдешь «Убик» – и все будет хорошо… Но поиски заняли слишком много времени.

– Без фильтра, – сказал Рансайтер. – Здесь еще не додумались до сигарет с фильтром. Держи, – он протянул Джо пачку «Кэмела». – Сейчас дам огня, – он зажег спичку.

– Свежие, – удивился Джо.

– А какие же, черт возьми? Боже мой, да я же купил их только утром. Мы погрузились достаточно глубоко, период скисших сливок и истлевших сигарет прошел… вернее сказать, мы прошли его. – Он закурил и устроился поудобнее. Его глаза неподвижно смотрели куда-то, совсем не отражая света. – В этом-то и разница…

А он устал, подумал Джо. Хотя, пожалуй, не так, как я…

– Остальным ты можешь помочь? – спросил он.

– У меня только один баллончик, – сказал Рансайтер. – И большую его часть я уже израсходовал на тебя… – он в отчаянии махнул рукой и сжал пальцы, чтобы скрыть их дрожь. – Мои возможности ничтожны, все, что мог, я уже сделал. Я старался пробиться к вам – к каждому. Я ловил любой шанс. Я использовал малейшую возможность. Делал все, что мог, – слишком мало. Почти ничего… – он замолчал, тяжело дыша.

– Эти граффити… на стенах?.. – начал Джо. – Ты писал, что мы умерли, а ты живой…

– Да, я живой, – сказал Рансайтер отрывисто.

– А мы – умерли?

Помолчав, Рансайтер кивнул:

– Да.

– Но в том ролике…

– Понимаешь, нужно было подтолкнуть тебя. Направить на поиски «Убика». Так и получилось: ты принялся гоняться за ним. Я все время пытался тебе его подсунуть, но ты же видел, что

происходило: она успевала сместить вас еще глубже в прошлое. «Убик» тоже смещался, становился бесполезным, и все, что мне удавалось – это передавать тебе коротенькие записочки… – Рансайтер направил на Джо свой толстый указательный палец, как бы желая подчеркнуть значимость своих слов: —Ты пойми, чему мне приходилось противостоять! Той самой силе, которая подхватила вас всех и уничтожала одного за другим! Вообще удивительно, что мне удалось сделать хотя бы это…

– Когда ты догадался, что именно происходит? Или ты всегда знал? С самого начала?

– С какого начала? – скривился Рансайтер. – Что значит «начало»? Это началось черт знает когда, годы назад. Холлис, Мик, Пат Конли, Мелипоун, Эшвуд… Они давно к нам подбирались. И вот получилось: заманили нас на Луну. Причем мы прихватили с собой Пат Конли, новую сотрудницу, способностей которой по-настоящему не знали… не понимали… и вряд ли сам Холлис понимал, на что она способна. По крайней мере, это не перемещения во времени. Ведь она не может, скажем, сбежать в будущее. И с возвращением в прошлое не все так ясно. Мне представляется, что она вызывает процесс, который воскрешает более ранние формы действительности. Впрочем, вы с Элом ведь сами до этого додумались… – Рансайтер откинулся в кресле, скрипнул зубами. – Ах, какая потеря – Эл Хэммонд! Но я ничего не смог сделать, ничего…

– А почему смог сейчас? – спросил Джо.

– Мы перестали погружаться в прошлое. Начинается нормальный ход времени… Я думаю, она использовала свои возможности до конца, тридцать девятый – это ее предел. Теперь ее дар перестал действовать. Впрочем, задание Холлиса она выполнила…

– Сколько людей попало под ее воздействие?

– Только мы – те, кто оказался в том бункере. Даже Зэу Вирт не попала. Пат может регулировать зону действия своего поля. Так что в глазах остальных людей мы все погибли на Луне вследствие случайного взрыва; несчастный случай… Заботливый Мик поместил нас в холодильник, но наладить контакт с нами не удалось: слишком много времени прошло…

– Почему им показалось, что одного только взрыва будет недостаточно?

Рансайтер, подняв бровь, посмотрел на него.

– Зачем вообще понадобилась Пат Конли? – продолжал Джо. Он чувствовал, что что-то здесь не так. – Зачем громоздить все это – регресс, обратный поток времени… Какой в этом практический смысл?

– Интересная мысль… – Рансайтер медленно кивнул и нахмурился. Его морщины обозначились резче. – Над этим стоит подумать. – Он встал и подошел к окну. На другой стороне улицы светились витрины.

– Мне почему-то кажется, – сказал Джо, – что мы имеем дело не с разумно действующей силой, а… – он поискал слово, – с чем-то дурацким, зловредным… Нас не просто убивают или нейтрализуют как сотрудников предупреждающей организации – нашими мучениями кто-то забавляется. Так вот, одного за другим… это не похоже на Холлиса. Он холоден и практичен. А из того, что я знаю о Мике, вообще…

– Может, это сама Пат? – повернулся к нему Рансайтер. – Она несомненная садистка. Любит, наверное, обрывать крылья мухам. Теперь вот – забавляется с нами…

– Мне все же кажется, что это – как ребенок…

– Она злобная и завистливая. Убила Венди первой из-за личной неприязни. А как она шла рядом с тобой по лестнице, любуясь твоими мучениями? Она же чуть не кончила, ей-богу.

– Откуда ты знаешь? – прищурился Джо. Он же не мог этого видеть, он ждал меня в номере… А откуда он узнал, что я приду именно в этот номер?!

Рансайтер засопел. Он сопел долго и шумно, и Джо терпеливо ждал, чем же это кончится.

– Ладно, – сказал наконец Рансайтер. – Я тебе не сказал всего. На самом деле мое положение в этом мире отличается от твоего… от вашего. Ты прав, я слишком много знаю. Это потому, что я смотрю на этот мир снаружи. И проникаю в него – тоже со стороны.

– Проявления, – сказал Джо.

– Да. Появляюсь в стратегических пунктах. Как с тем полицейским, как с аптекой Арчера…

– И ролик ты не записывал, – сказал Джо. – Это было вживую.

Рансайтер неохотно кивнул.

– Так в чем между нами разница? – спросил Джо. – Почему ты это все можешь, а мы…

– Ты хочешь, чтобы я сказал?

– Да. – Он внутренне собрался, хотя и знал заранее, что именно сейчас услышит.

– Я не мертв, Джо. Все обстоит так, как гласили надписи на стенах… Вы все лежите в холодильнике, а я… – Рансайтер не выдержал взгляда Джо и отвел глаза, – я сижу в зале свиданий Мораториума Возлюбленных Собратьев. Я велел, чтобы установили связь между всеми вами; вы остаетесь единой группой. А я сижу и все пытаюсь наладить контакт с вами… Это и

есть – снаружи. Со стороны. Отсюда и проявления – так ты это назвал. Уже неделю я пытаюсь пробудить вас к активной полужизни, но бесполезно – вы угасаете один за другим…

– А что с Пат Конли? – помолчав, спросил Джо.

– Она с вами. В полужизни, связанная с остальными.

– Глен… Весь этот регресс – он вызван ее талантом? Или это обычные при полужизни явления? – Напрягшись, он ждал ответа; почему-то казалось, что от этого зависит теперь все.

Рансайтер фыркнул, скривившись, и сказал неохотно:

– Обычные явления. Это же пережила Элла. Все это переживают…

– Ты все врешь, – сказал Джо. Разочарование было смертельным – как ножевая рана.

– Господи, Джо, да я же спас тебе жизнь, – удивленно сказал Рансайтер. – Я пробился к тебе так близко, что смогу, наверное, вытащить тебя в состояние полноценной полужизни. Ты будешь жить долго. Черт, да если б я не сидел и не ждал бы тебя в этом дерьмовом номере, когда ты вполз сюда… да, дьявол, ты бы валялся бы давно на этой дрянной кровати, мертвый, как гвоздь. Слушай, это я, Глен Рансайтер, твой босс, и я бьюсь, чтобы сохранить жизнь тебе и остальным… Тут, в реальном мире, я – единственный человек, который пытается что-то сделать. – Он смотрел на Джо с обидой и негодованием. – Эта Пат Конли убила бы тебя тем же способом, как и остальных…

– Венди, Эла, Эди, Фреда… наверное, и Тито Апостоса, – сказал Джо.

Тихим ровным голосом Рансайтер продолжал:

– Нынешняя ситуация очень сложна. Она не допускает простых решений…

– Особенно, когда ты их не знаешь, – сказал Джо. – Так вот обстоят дела. Ты все выдумал – чтобы объяснить свое присутствие здесь. Все твои присутствия, так называемые проявления…

– Я этого так не называл. Это вы с Элом придумали название. Не сваливайте на меня…

– Ты не знаешь ничего сверх того, что знаю я, – задумчиво сказал Джо, – ни о том, кто нас преследует, ни о том, что вообще происходит. Да, Глен, ты не можешь сказать, кто наш противник, потому что ты сам не знаешь…

– Я знаю, что жив. Знаю, что сижу здесь, в мораториуме…

– Твое тело лежит в гробу. Тут, в Мортуарии Истинного Пастыря. Ты не видел его?

– Нет. Но все это не так…

– Тело мумифицировано. И скорчено – так, как тела Венди, Эла, Эди, как скоро будет скорчено мое. И твое так же – не лучше,

не хуже.

– В твоем случае все решил «Убик», – сказал Рансайтер. На лице его возникло вдруг странное выражение: смесь страха, озарения, чего-то еще, чему Джо не мог найти названия… – Я достал для тебя «Убик»… – Рансайтер замолчал.

– Что такое «Убик»? – спросил Джо.

Рансайтер не ответил.

– Этого ты тоже не знаешь, – сказал Джо. – Не знаешь, что это такое, не знаешь, как он действует. Ты не знаешь даже, откуда он берется.

После мучительно долгой паузы Рансайтер сказал:

– Ты прав, Джо. Абсолютно прав. – Дрожащими руками он пытался достать сигарету. – Я хотел сохранить тебе жизнь – это чистая правда. Черт, я хотел спасти вас всех… – Сигарета выпала из его пальцев и покатилась по полу. Рансайтер с трудом наклонился, чтобы поднять ее. На лице его появилось выражение полнейшего несчастья. Почти отчаяния.

– Это потому, что мы здесь, а ты там, в том чертовом зале свиданий, – сказал Джо. – Ты не знаешь, что происходит с нами, и ничего не можешь сделать…

– Да, все так, – сказал Рансайтер.

– Мы заморожены – но с нами происходит что-то необычное. Что-то такое, чего не бывает в нормальной полужизни. Мне кажется, что идет схватка двух сил: одна пытается нас уничтожить, другая – спасти. Ты сотрудничаешь со второй, хотя не знаешь, что она собой представляет. Человек это, или дух, или… не знаю, что. Именно от нее ты получил «Убик».

– Да.

– Так что никто из нас не знает до сих пор, с чем мы имеем дело. Кто на нас охотится и кто нас спасает. Ни ты, который там, ни мы, которые здесь… Разве что Пат?

– Думаю, да, – сказал Рансайтер. – Враг – это она.

– Это правдоподобно… но не более того. – Похоже, что мы еще не встречались лицом к лицу ни с нашим врагом, ни с нашим другом, подумал Джо. Но встреча произойдет, и скоро мы будем знать все…

– Скажи мне, ты абсолютно уверен, что ты – единственный человек, переживший взрыв? – спросил он Рансайтера.

– Я уже говорил: Зэу Вирт…

– Из наших. Зэу Вирт в тот момент с нами не было. А, например, Пат Конли?

– У Пат Конли размозжена грудная клетка. Смерть наступила от шока и коллапса обоих легких. Кроме того, множество разрывов внутренних органов, в частности кишечника. Переломы

костей ног. В физическом смысле она находится в четырех футах от тебя. Ее тело, конечно.

– А остальные? Они все здесь же?

– Все, кроме Сэмми Мэндо. У него необратимые повреждения мозга, он в коме, из которой его никогда не выведут. Он стал растением. Ни личности, ни сознания, ничего.

– Поэтому, естественно, ты его не упомянул…

– Упомянул же.

– Когда я спросил… – Джо задумался. – Где он? В Цюрихе?

– В Цюрихе. В больнице Карла Юнга. В четверти мили отсюда.

– Найми телепата, – сказал Джо. – Или используй Эшвуда. Пусть взглянут на его подсознание. – Мальчишка. Недоразвитый и глупый. Жестокая, непредсказуемая, причудливая личность. Похоже, что это то самое… Да, это объяснило бы все – все эти обрывания крыльев и приставления их заново. С возвращением сил после смертного изнеможения…

– Я это уже сделал, – вдохнул Рансайтер. – Сразу же… Не обнаружено ничего. Ни малейшего следа высшей нервной деятельности. Мне очень жаль, Джо… – он покачал своей массивной головой, явно разделяя разочарование Джо.

– Мы поговорим еще, попозже, – сказал Рансайтер, снимая наушники. Он отложил в сторону всю коммуникационную аппаратуру и тяжело поднялся со стула. Постоял, разглядывая неподвижное тело Джо Чипа, лежащее в заиндевевшем пластиковом гробу. Вытянувшийся и молчаливый Джо… таким он никогда не был, но именно таким ему придется оставаться до скончания времен…

– Вы меня вызывали, сэр? – Герберт Шэнхайт фон Фогельзанг оказался рядом. Он был похож на средневекового льстеца. – Соединить мистера Чипа с остальными? Вы уже закончили, сэр, не так ли?

– Закончил.

– И?..

– Все получилось. Я поговорил с ним. – Он взял сигарету, первую за много часов. Долгие и безуспешные попытки связаться с Джо вымотали его до предела. – Где-нибудь есть автомат с амфетамином?

– В холле, пожалуйста – фон Фогельзанг предупредительно показал направление. – Прошу вас…

Рансайтер вышел из зала свиданий и подошел к автомату. Бросил монетку, установил уровень дозы, и маленькая знакомая капсула скользнула в лоток. Проглотив ее, он сразу почувствовал прилив сил. И тут же вспомнил, что через два часа у него должна

состояться встреча с Лином Ниггельманом. Я просто не успею составить официальный рапорт, подумал он, надо позвонить и договориться о переносе встречи…

Найдя платный видеофон, Рансайтер набрал номер бюро Ниггельмана.

– Лин, – сказал он, – я сегодня просто не в состоянии ничего делать. Я двенадцать часов подряд пытался установить контакт с моими людьми. Я вымотался, понимаешь? Это ничего, если мы перенесем наши дела на утро?

– Чем раньше ты представишь рапорт, тем скорее мы сможем начать действовать. Мои юристы говорят, что пора поджигать фитиль. У них уже руки чешутся.

– Они намерены затевать гражданский процесс?

– И гражданский, и уголовный. Дело уже у главного прокурора Нью-Йорка. Но, сам понимаешь, без твоего рапорта…

– Завтра, – сказал Рансайтер. – Мне надо поспать хоть несколько часов. Иначе – все, крышка… – Крышка, подумал он. Я потерял лучших людей, я потерял Джо… да, особенно Джо. Фирма обескровлена, бог знает, когда удастся возобновить деятельность. Где взять инерциалов? Где взять такого специалиста по полям?..

– Конечно, Глен, – сказал Ниггельман. – Выспись как следует, а завтра встретимся – скажем, в десять часов по нашему времени.

– Спасибо, Лин, – сказал Рансайтер. Он положил трубку и тяжело опустился на розовый пластиковый диванчик, стоящий в коридоре напротив видеофонной кабины. Нет, такого специалиста, как Джо, мне не найти никогда, подумал он. В сущности, то, что случилось – это конец Ассоциации Рансайтера…

Вновь возник владелец мораториума – как всегда, вовремя.

– Могу я вам чем-нибудь помочь, мистер Рансайтер? Может быть, чашечку кофе? Или амфетамин продленного действия? В моем кабинете есть капсулы, рассчитанные на сутки. Всю ночь вы сможете…

– Этой ночью я буду спать – сказал Рансайтер.

– Тогда, может быть…

– Сгинь, – сказал Рансайтер, и фон Фогельзанг сгинул. Какого черта я выбрал именно эту фирму, спросил себя Рансайтер. Ну да, здесь находится Элла. В конце концов, это лучший мораториум в мире… сначала сюда попала Элла, а за ней – все остальные. Подумать только, так много людей еще недавно находились по эту сторону гроба…

Элла, вспомнил он. Я так и не поговорил с нею. Надо рассказать, какая сложилась ситуация…

Он поднялся с кресла и двинулся вперед в поисках владельца мораториума.

Но этот чертов Джори – или как его там? Он опять встрянет в наш разговор? Или Элле удастся продержаться достаточно долго, чтобы я успел пересказать ей то, что услышал от Джо? Проклятый Джори, он паразитирует на ней… а может быть, и на остальных полуживущих? Мораториум давно должен найти на него управу, это же настоящее бедствие… Почему они позволяют ему так себя вести?

Не могут с ним справиться?

Может быть, среди полуживущих никогда таких не было?

Глава 15

У вас так пахнет изо рта, что девушки не желают целоваться с вами? Положите револьвер на место и попробуйте вот этот новейший «Убик». Убивать надо микробов, а не себя!

Эффективен и безвреден при использовании строго по инструкции!

Дверь распахнулась, и появился запыхавшийся Дон Денни в сопровождении солидного пожилого мужчины с седоватым «ежиком» на голове.

– Как ты, Джо? – с тревогой спросил Денни. – Почему ты не лег? Ради бога, ложись в постель!

– Прошу вас лечь, мистер Чип, – сказал врач и поставил на столик свой чемоданчик. – Боль никуда не отдает? Дышать не трудно? – Он достал из чемоданчика старомодный стетоскоп и громоздкий аппарат для измерения давления. – Раньше вас сердце не беспокоило? Ваши родители от этого не страдали? Расстегните рубашку, пожалуйста.

– Да у меня все в порядке – сказал Джо.

– Пусть доктор послушает – сказал Денни настойчиво.

– Ладно – Джо лег и расстегнул рубашку. – Рансайтер пробился ко мне – сказал он Денни. – Мы заморожены. Он пытается наладить с нами связь. И кто-то другой пытается причинить нам вред. Не Пат – по крайней мере, не она одна. Никто не знает, что именно происходит, – ни Пат, ни Рансайтер… Кстати, ты вошел – не заметил его?

– Нет, – сказал Денни.

– Он сидел вон там, напротив меня. Сказал: «Мне очень жаль, Джо», – и исчез. Прервал связь. И тут входишь ты… Посмотри вон там, на столике – он должен был оставить баллончик «Убика».

Денни взял в руки пестрый баллончик.

– Этот? Похоже, он пустой.

– Наполовину. Побрызгай на себя. Ну, давай же! – Джо требовательно взмахнул рукой.

– Не разговаривайте, мистер Чип, – сказал доктор.

Он выслушал его с помощью стетоскопа, потом закатал ему рукав и наложил резиновую манжету, собираясь измерить давление.

– Как там мое сердце? – спросил Джо.

– Работает нормально, – сказал доктор. – Немного торопится…

– Вот видишь? – сказал Джо Денни. – Я уже здоров.

– Остальные умирают, Джо, – сказал Денни.

– Все? – подскочил Джо.

– Все, – Денни покрутил в пальцах баллончик, не решаясь воспользоваться им.

– И Пат?

– Я встретил ее, выходя из лифта. У нее это только-только началось. Она была страшно удивлена этим. Просто не могла поверить. Наверное, считала, что сама вызывает этот процесс… – Денни поставил баллончик на стол. – С помощью своих способностей.

– Так она и думала, – сказал Джо. – Почему ты не хочешь воспользоваться «Убиком»?

– Черт побери, Джо, мы ведь все равно не продержимся долго! И мы оба прекрасно это знаем. – Денни снял свои очки в роговой оправе и потер глаза. – Понимаешь, когда я увидел.

что случилось с Пат, я обошел остальных… Остальных из нас, ты понимаешь это? Доктор Тейлор осмотрел их… Я все как-то не верил, что силы могут истощиться так быстро. Но за последние часы…

– Обрызгай себя «Убиком», – сказал Джо. – Или это сделаю я.

Денни взял баллончик, встряхнул его и направил на себя.

– Ладно, раз ты так настаиваешь… Действительно, нет причин отказываться. Все равно конец, не так ли? Думаю, остальные уже умерли. Остались мы двое, а через несколько часов «Убик» перестанет действовать… и больше ты его не достанешь. Тогда останусь только я.

Решившись, Денни вдавил головку распылителя, и тотчас же его окутало мерцающее туманное облако, все в искрах и пробегающих молниях. Дон Денни исчез, невидимый за их сиянием.

Забыв о своем аппарате, доктор, повернув голову, смотрел на происходящее. Туман конденсировался, оседая сверкающими каплями на ковер, стекая по стене…

Облако, скрывавшее Денни, рассеялось.

Там, где только что был он, теперь стоял совершенно другой человек.

Болезненно-тощий подросток, косоглазый, с густыми кустистыми бровями. Одежда явно не из этого периода: белая синтетическая рубашка, джинсы и кожаные мокасины. Пятидесятые годы?.. На лице его Джо заметил улыбку – точнее, мерзкую издевательскую усмешку. Вообще лицо казалось слепленным из разнородных деталей: крупные уши не подходили к детским глазам, прямые редкие волосики – к буйным бровям. Нос был слишком узким и длинным, а подбородок как бы

подчеркивал разбалансированность лица: на нем виднелась глубокая вмятина, до кости и глубже… похоже, что творец этого создания в сердцах так врезал ему… впрочем, парнишка оказался достаточно прочным, чтобы уцелеть и продолжать жить – назло всему…

– Ты кто? – спросил Джо.

Пальцы мальчишки судорожно сжались, ногти впились в ладони – похоже, так он боролся с заиканием.

– Иногда я говорю, что меня зовут Мэтт, – сказал он. – А иногда-Билл. Но вообще-то я Джори. Это мое настоящее имя. Джори. – Когда он открывал рот, видны становились серые, испорченные зубы и обложенный налетом язык.

– А где Денни? – спросил Джо после паузы. – Или его вообще здесь не было? – Мертв, подумал он, мертв, как и все остальные…

– Денни я съел давно, – сказал мальчишка. – В самом начале, еще в Нью-Йорке. Первой я съел Венди Райт. А вторым – Денни.

– Что значит – съел? – спросил Джо. Неужели буквально, вздрогнув от отвращения, подумал он. По телу его медленно прошла волна вязкой судороги – будто сама плоть стремилась отпрянуть назад. С трудом ему удалось подавить это.

– Ну, как обычно, – сказал Джори. – Трудно объяснить… Я давно так делаю. Многие полуживущие… я съедаю их жизнь, которая еще осталась. В каждом ее остается понемногу, поэтому приходится съедать одного за другим. Раньше я давал им тут пожить, а теперь приходится приниматься сразу. Сам-то я намерен выжить. Вот если ты подойдешь и послушаешь – я открою рот, и ты послушаешь, – то услышишь их голоса. По крайней мере, голоса тех, кого я съел недавно. Кого ты знал. – Он постучал ногтем по верхним зубам и, наклонив голову, с интересом уставился на Джо. – Почему ты молчишь?

– Это из-за тебя я начал умирать там, в холле?

– Ага. А ты думал, из-за Пат? Нет, это я. А Пат я съел около лифта. А потом пошел и съел остальных. Я думал, ты уже мертвый. – Он повертел в руках баллончик. – Странно, я не могу его исчезнуть. Что там, внутри? И где Рансайтер его взял? Сам он сделать этого не мог. Потому что он не здесь – а эта штука здесь. Ее сделал кто-то по эту сторону. От Рансайтера сюда могут проникать только слова…

– Значит, ты ничего не можешь сделать мне, – сказал Джо. – Не сможешь меня съесть – потому что «Убик»…

– Он выветрится. Тогда смогу.

– Положим, этого ты не знаешь – поскольку не знаешь, что он собой представляет… – Попробовать убить его – он такой тощий, подумал Джо. Надо же, я стою лицом к лицу с чудовищем,

которое убило Венди, убило Эла, убило Денни и всех остальных… сожрало даже тело Рансайтера… и вот я стою перед ним…

– Мистер Чип, – сказал врач, – прошу вас лечь. В такой позе я не могу измерить ваше давление.

Джо в изумлении уставился на него.

– Джори, он что, не заметил твоего перевоплощения? Или он не слышит того, что мы говорим?

– Доктор Тейлор существует только в моем воображении, – сказал Джори. – Как и все, что есть в этом псевдомире.

– Не верю, – сказал Джо. – Доктор, вы слышали, что он сказал?

С легким хлопком доктор исчез.

– Убедился? – спросил Джори.

– И что же произойдет после моей смерти? – спросил Джо. – Все это вокруг – оно сохранится?

– Зачем? Нет, конечно.

– Получается, все это ради меня? Весь этот мир?

– Он ведь небольшой, – сказал Джори. – Отель в Де-Мойне. Улица под окном, несколько прохожих и машин. Еще несколько домов напротив, магазинчики – чтобы тебе было что увидеть, когда ты подойдешь к окну.

– То есть от Нью-Йорка и Цюриха…

– Не осталось ничего. А зачем? Там ведь никого нет. Просто там, где появлялся ты или кто-то из вашей группы, я создавал действительность, которую вы ожидали. Когда ты летел из Нью-Йорка, пришлось выдумывать сотни миль пейзажа, город за городом – это было очень тяжело. Пришлось много есть, чтобы восстановить силы. Поэтому я съел всех так быстро…

– А почему именно тридцать девятый? – спросил Джо. – Почему не девяносто второй?

– Не хватило сил. Я не могу противостоять регрессу. Слишком много всего… Я создал девяносто второй, но все стало портиться. Монеты, сливки, сигареты – ну, ты заметил. И Рансайтер постоянно вламывался с той стороны, мешал… Было бы лучше для всех, если бы он этого не делал. – Джори усмехнулся. – Я знал, что вы обвините во всем Пат Конли, и не беспокоился. Правда, было похоже на то, что это все вытворяет она? Я даже думал, что в конце концов вы навалитесь на нее всем скопом и убьете. Это было бы забавно…

– А зачем ты сохраняешь этот отель и улицу за окном? – спросил Джо. – Ведь я уже все знаю.

– Но я всегда так делаю… – Глаза Джори удивленно расширились.

– Убью… – выдохнул Джо и шагнул к мальчишке, протянув

вперед руки. Вцепиться в горло, вцепиться, и сжать, и сдавить, и держать…

Взвизгнув, Джори укусил его. Огромные плоские зубы глубоко вонзились в правую руку. Не разжимая зубов, Джори поднял голову и встретился взглядом с Джо. Так он смотрел – глаза в глаза – и сжимал, сжимал, сжимал челюсти… Боль была невыносимая. Он же жрет меня, подумал Джо.

– Не можешь! – выкрикнул он. – Не можешь!

Кулаком он ударил Джори в лицо – раз, и еще раз, и еще…

– Это «Убик»… защищает меня… ты ничего не можешь мне сделать… – Он молотил кулаком по глумливым глазкам. Ворча, как овчарка, Джори двигал челюстями, вгрызаясь все глубже. Такой боли Джо не испытывал никогда. Наконец он оторвал от себя и отшвырнул мальчишку.

Из раны хлестала кровь. Ноги сразу стали ватными. Господи, подумал Джо, какая же мерзость…

– Ты ничего не можешь… против меня… – Найдя баллончик, он направил отверстие распылителя на рану. – Ничего, понял? – Из баллончика вылетела слабая струйка вспыхивающих частичек. Рана тут же затянулась, боль утихла. – Я – это тебе не остальные…

– А ты не можешь меня убить, – сказал Джори, продолжая ухмыляться.

– Я пошел вниз, – сказал Джо. Кое-как он дошел до двери и открыл ее. За дверью был темный коридор. Осторожно ставя ноги, Джо двинулся вперед. Пол, однако, был вполне материальным. Как и не из псевдомира…

– Не уходи слишком далеко, – сказал Джори ему в спину. – Я не могу создавать слишком обширное пространство. Например, если ты сядешь в машину и поедешь вперед… в конце концов ты достигнешь точки, где исчезнут и дорога, и машина. А мне бы этого не хотелось – как, наверное, и тебе.

– Вряд ли я могу еще что-то потерять, – сказал Джо, подходя к лифту и нажимая кнопку.

– Я не очень хорошо делаю лифты, – сказал Джори. – Может быть, ты спустишься по лестнице?

Лифт так и не подошел. Джо постоял минуту, потом направился к лестнице. Вот он, тот самый пролет, по которому он так недавно совершал восхождение – шаг за шагом… Что ж, подумал он, с одной из сил я встретился. За Джори явно нет никого, он – последнее звено. А вот удастся ли мне встретить того, кто… Он посмотрел на свою правую руку. На ней не осталось и следа раны.

Или от этой встречи уже ничего не будет зависеть?

Оказавшись в вестибюле, Джо огляделся. Да, Джори, следует отдать ему должное, сработал великолепно. Эта люстра…

Все настоящее, подумал он, чувствуя пол под ногами. Непостижимо…

Впрочем, у Джори, очевидно, богатый опыт. Сколько раз он делал подобное?..

– Какой ресторан вы порекомендовали бы мне? – спросил Джо у портье.

– Выйдите на улицу – и направо, – оторвавшись от сортировки почты, ответил портье. – Называется «Матадор». Это великолепное заведение, сэр.

– Я очень одинок, – повинуясь внезапному импульсу, сказал Джо. – У отеля нет ничего в запасе? Какой-нибудь девушки?

– У нашего, – портье выделил голосом «нашего», – отеля ничего такого нет, сэр.

– Вы приличный семейный отель, – сказал Джо.

– Да, и мы этим гордимся.

– Я всего лишь проверял вас, – сказал Джо. – Хотел узнать, туда ли я попал.

Он оттолкнулся от стойки, пересек холл и, спустившись по широким мраморным ступеням, вышел на тротуар.

Глава 16

Что может быть лучше хлопьев «Убик» по утрам! Хрустящих хлопьев, дарующих бодрость! Завтрак для любимцев удачи-питательные хлопья «Убик»!Каждая порция-наслаждение!

Не употреблять более одной упаковки за один раз.

Множество машин на улицах. Разнообразные марки разных лет выпуска. Разные цвета – хотя черный, безусловно, преобладает. Впрочем, не вкус Джори тому причиной – просто так оно и было в эти годы…

Но откуда Джори все это знает?

Чрезвычайно странно… ведь никого, кроме Рансайтера, в то время еще не было на свете.

Не было… не было… Внезапно Джо все понял. Конечно же, Джори не врал. Он *действительно* был творцом мира – того мира, их мира, мира девяносто второго года. А регресс – регресс не был его делом, напротив, он даже пытался помешать ему… все те атавизмы возникали сами собой, как только Джори терял силы. Конечно, ему было трудно, адское напряжение и все такое… и, наверное, он впервые творил мир для стольких людей одновременно. Нечасто бывает, чтобы столько людей были объединены в своей полужизни…

Мы потребовали неимоверных усилий от Джори – и поплатились за это.

Мимо протрещал старенький «Додж» – такси. Джо махнул рукой, и такси, взвизгнув тормозами, свернуло к тротуару. Сейчас проверим, правду ли говорил этот сукин сын…

– Покажите мне город, – сказал Джо шоферу. – Езжайте, куда вам захочется – я просто хочу увидеть всего побольше. А потом, когда мы осмотрим Де-Мойн, съездим в какой-нибудь городок поблизости…

– Простите, сэр, но за городскую черту я не выезжаю, – сказал шофер. – Но наш город покажу вам с удовольствием. Очень красивый город, сэр. Вы ведь не из нашего штата, не так ли?

– Да, я из Нью-Йорка, – сказал Джо, устраиваясь поудобнее.

– И что у вас в Нью-Йорке думают насчет этой войны? – спросил шофер, выруливая на проезжую часть и вливаясь в общий поток. – Думаете, нас втянут в нее? Рузвельт хотел бы…

– Я совершенно не расположен говорить о войне и о политике, – не слишком вежливо прервал его Джо.

Некоторое время они ехали молча. Разглядывая людей, машины, дома, Джо вновь задумался, как Джори удается

создавать все это. Столько деталей… Наверное, скоро все это должно кончиться.

– Водитель, – позвал он. – А публичные дома в вашем городе есть?

– Нет, – сказал шофер.

Может быть, Джори не создал их, потому что не знал об их существовании? Он ведь еще так юн… Или он принципиальный противник проституции? Внезапно Джо почувствовал, что ему все надоело. Или он просто устал… Какого черта я еду куда-то? Зачем? Убедиться наконец, что Джори говорил правду? Я и так знаю, что это правда. Когда исчез доктор… когда сам Джори вынырнул из тела Денни… этого достаточно, чтобы… Ведь то, что я делаю сейчас, только заставляет Джори напрягаться – а значит, усиливает его аппетит. Надо вернуться. Тем более, что действие «Убика» рано или поздно кончится – так стоит ли тратить свои последние часы, чтобы колесить по Де-Мойну? Не лучше ли придумать что-нибудь поинтереснее?

Плавной, легкой походкой по тротуару шла девушка со смешными косичками. Казалось, она разглядывает витрины.

На ней был свитер, ярко-красная юбка и туфли на высоком каблуке.

– Притормозите – сказал Джо. – Вон там, около той девушки с косичками.

– Она не станет с вами разговаривать, – сказал шофер. – Позовет копа, и все.

– Наплевать, – сказал Джо. Пусть зовет, подумал он, какая теперь разница?

Сбросив скорость, старенький «Додж» тормознул у тротуара. Тормоза завизжали, и девушка посмотрела в их сторону.

– Добрый день, мисс! – сказал Джо.

Она рассматривала его с любопытством. Ее глаза, теплые, голубые, умные, слегка расширились, но в них не было ни тревоги, ни страха. Скорее – удивление.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Я умираю, – сказал Джо.

– О боже! – воскликнула она. – Неужели вы?..

– Не слушайте его, мисс, – сказал шофер. – Он достаточно жив, чтобы интересоваться девушками. Он просто хочет подцепить вас.

Девушка рассмеялась. Без малейшей враждебности. И не отошла.

– Уже почти время обеда, – сказал Джо. – Вы позволите пригласить вас в «Матадор» – я слышал, это приличный ресторан…

Утомление наваливалось, он уже ощущал на себе огромную тяжесть – и холод, холод морозильной камеры… все то же самое, что тогда, в холле, когда он показал Пат полицейскую повестку… «Убик» выветрился, понял он, это конец…

Должно быть, все это отразилось на его лице, потому что девушка шагнула к машине и наклонилась к окошку.

– Что с вами? – с тревогой спросила она.

– Умираю, мисс, – вытолкнул из себя Джо. Снова заболела рана на руке, проступили следы зубов… Одного этого хватило бы для паники.

– Скажите шоферу, пусть отвезет вас в больницу, – сказала девушка.

– А пообедать со мной вы не хотите? – спросил Джо.

– А вы хотите? В таком состоянии? Вы больны? Вы правда больны? – Девушка открыла дверцу машины. – Хотите, я поеду с вами в больницу?

– В «Матадор», – сказал Джо. – Съедим по порции тушеных ножек марсианских кузнечиков. – Он вспомнил, что в это время о таком деликатесе еще не имеют представления. – По бифштексу. Говяжьему бифштексу. Вы любите говядину?

– Он хочет в «Матадор», – сказала девушка водителю, садясь рядом с Джо.

– Хорошо, мисс, – сказал водитель. Машина вновь влилась в поток уличного движения. На перекрестке водитель развернулся, чтобы ехать в противоположном направлении. В ресторан, подумал Джо. Интересно, успею ли я?.. Изнеможение и холод охватывали его все сильнее. Тело отказывало постепенно. Органы переставали служить: печень – вырабатывать красные кровяные тельца, почки – фильтровать кровь, кишечник… Лишь сердце билось через силу, да легкие с трудом всасывали воздух. На груди будто лежал огромный камень… мой надгробный камень, подумал Джо. Рана на руке стала вновь кровоточить – густая черная кровь текла медленно, капля за каплей…

– Вы любите «Лаки Страйк»? – спросила девушка, доставая сигареты. – «Курите на здоровье!» – так пишут на рекламах. «"Лаки Страйк"-лучший друг!»-сами понимаете, это…

– Меня зовут Джо Чип, – сказал Джо.

– Хотите, чтобы я тоже назвалась?

– Да, – выдохнул Джо. Снова набрал воздуха: – Вам нравится Де-Мойн? – Снова вдох, трудный, тяжелый: – Вы давно здесь живете?

– У вас усталый голос, мистер Чип, – сказала девушка. – Очень усталый.

– О, черт, – сказал Джо. – Да какая разница?

– Есть разница… – Девушка, открыв сумочку, стала в ней что-то искать. – Видите ли, я – не творение Джори. Не то что он, – она кивнула на шофера. – Или все эти домики и магазинчики, эти грязные улицы, все эти люди и их допотопные машины… Вот, мистер Чип. – Она протянула ему конверт. – Читайте. Прямо сейчас. Не будем тянуть…

Непослушными свинцовыми пальцами Джо разорвал конверт.

В конверте был сертификат, солидного вида, с орнаментом. Но буквы расплывались, и прочесть, что там написано, Джо не мог.

– Что это? – бессильно спросил он.

– Этим документом фирма, производящая «Убик», гарантирует вам пожизненные бесплатные поставки этого препарата, – сказала девушка. – Бесплатные – потому что нам известна ваша, если можно так выразиться, идиосинкразия к деньгам. Кроме того, здесь указаны адреса аптек, в которых «Убик» есть постоянно. В Де-Мойне таких две, и в одну из них мы сейчас заедем… Водитель, – наклонилась она вперед, – отвезите нас вот по этому адресу. И пожалуйста, побыстрее: они рано закрываются.

Джо, откинувшись на спинку сиденья, хватал ртом воздух.

– Ничего, успеем, – сказала девушка.

– Кто вы? – спросил Джо.

– Элла. Элла Гайд Рансайтер. Жена вашего шефа.

– Вы здесь, – сказал Джо. – Ну да, вы же здесь. По эту сторону…

– И довольно давно, как вы знаете… Похоже, скоро мне предстоит новое рождение – так, по крайней мере, считает Глен. Я все время вижу во сне клубящийся красный свет, а это скверно. По крайней мере, общественная мораль осуждает такой способ появления на свет… – она засмеялась в полный голос.

– Вы и есть тот, второй… – Джо задохнулся. – Ну да. Джори пытается уничтожить нас, вы пытаетесь спасти… Этот мир стоит на двух слонах, и я увидел обоих…

– Вы находите, что я похожа на слона? – ехидно заметила Элла. – Вот уж никогда бы не подумала.

– В переносном смысле, – сказал Джо.

– Ну, если в переносном… Если в переносном, то вы правы, – она уже не смеялась.

– Скажите, а *почему* так все сложилось? Почему вы противостоите Джори?

– Потому что Джори вторгся в меня. Вы же знаете, чем он занимается. Он был по-настоящему опасен. Правда, я научилась справляться с ним – когда с помощью «Убика», когда просто так.

Впрочем, иногда он становится таким сильным, что может мешать и мне. Когда я в последний раз говорила с Гленом, он влез в разговор и не дал нам побеседовать…

– Понятно, – сказал Джо. Действительно, все было понятно. В этой истории больше не оставалось темных мест…

– Когда я пройду через новое рождение, – продолжала Элла, – Глен уже не сможет со мной консультироваться. Так что я помогала вам из самых эгоистических соображений… – она усмехнулась. – Мистер Чип, я очень хочу, чтобы вы заменили меня… м-м… на этом посту. Чтобы был человек, на которого Глен мог бы положиться в трудную минуту. В этом смысле лучше вас никого нет. Вы будете заниматься тем же, чем занимались в реальном мире. Как видите, я действовала, исходя из интересов дела… – она помолчала, потом, совсем другим голосом, добавила: – Господи, как же я ненавижу этого Джори!

– А он не одолеет меня после того, как вы родитесь заново? – спросил Джо.

– У вас же будет «Убик», – сказала Элла. – Пожизненное и бесплатное снабжение – согласно сертификату.

– Тогда, может быть, мне удастся убрать Джори… – задумчиво сказал Джо.

– Убрать – в смысле убить? – с сомнением в голосе сказала Элла. – Вряд ли… Со временем вы научитесь нейтрализовать его, это да, а вот убить… сожрать – пользуясь его терминологией… как сам он жрет полуживущих, лежащих неподалеку от него в мораториуме… Нет, это вряд ли.

– Дьявол, – сказал Джо. – Надо объяснить Глену ситуацию, пусть он уберет этого подонка из мораториума.

– Глен не имеет на это права.

– Но разве фон Фогельзанг?..

– Семья Джори платит ему большие деньги, чтобы все оставалось, как есть. Поэтому Герберт держит его в общем холодильнике и выдумывает убедительные объяснения, почему он должен так поступать. Вот и все. В каждом мораториуме есть такие джори… да и вообще – где появляются полуживущие, там сразу же начинается битва за выживание. Это закон нашего существования… наше проклятие… – Она тяжело замолчала. Впервые Джо увидел на ее лице выражение гнева. Нет, не гнева – привычного, тягостного напряжения, которое она так удачно прятала под маской спокойствия. – И с этим придется бороться нам самим, тем, кто живет по эту сторону. Тем, на кого охотится Джори. И ими будете руководить вы, мистер Чип… Понимаете, что это значит? Джори постоянно будет висеть на вас, истощать ваши силы, наваливать тяжесть, отнимать тепло… вам будет

казаться, что приближается… – она заколебалась, – что приближается смерть. Впрочем, так ведь оно и есть. Потому что вся полужизнь – это медленное таяние. Джори лишь ускоряет этот процесс. Усталость и вечный холод неизбежны. Дело разве что в сроках.

Не забывай, что он сделал с Венди, сказал себе Джо. Помни Венди, и этого достаточно, чтобы находить силы для сопротивления. Венди…

– Вот эта аптека, мисс, – сказал шофер. «Додж», скрипя всеми сочленениями, остановился.

– Я не пойду с вами, – сказала Элла. – До свидания. Спасибо вам за вашу лояльность Глену. И за то, что вы будете делать для него… – Она наклонилась и поцеловала Джо в щеку. Ее губы были полны жизни, и часть этой жизни – так ему показалось – она подарила ему. Чуть прибавилось сил. – Удачи вам на вашей тропе войны!

Джо захлопнул дверцу такси и, помедлив секунду, направился к аптеке. За его спиной затрещал мотором и тронулся «Додж». Джо не оглянулся.

Он вошел в помещение аптеки и тут же увидел идущего ему навстречу провизора в форменной одежде: темном жилете, галстуке-бабочке и отутюженных атласных брюках.

– Простите, сэр, но мы закрываемся. Я как раз иду, чтобы запереть дверь.

– Но я уже вошел, – сказал Джо. – Обслужите меня.

Он показал провизору сертификат. Провизор, поправив очки, стал изучать готический шрифт.

– Вы что, не намерены меня обслуживать? – не выдержал Джо.

– «Убик», – сказал провизор. – Мне кажется, весь запас уже распродан. Сейчас проверю, – он повернулся и пошел за прилавок.

– Джори, – сказал Джо.

Провизор оглянулся:

– Сэр?

– Ты Джори, – сказал Джо. Теперь-то я умею распознавать тебя в любом обличье, подумал он. – Ты Джори, ты создал эту аптеку и все, что в ней, кроме «Убика». «Убик» создала Элла, и он не в твоей власти…

С трудом передвигая ноги, Джо обогнул прилавок и подошел к полке с лекарствами. Внимательно осматривая их, он пытался обнаружить «Убик». Свет стал меркнуть, предметы делались почти неразличимы.

– Я регрессировал весь «Убик», – сказал провизор высоким

мальчишеским голосом Джори. – Теперь это опять почечный бальзам.

– Я дойду до другой аптеки – упрямо сказал Джо.

– Она будет закрыта.

– Тогда завтра. До утра я дотяну.

– Не дотянешь – хихикнул Джори из тела провизора. – Впрочем, завтра и тот «Убик» регрессирует.

– Тогда – в другом городе.

– И там тоже. Куда бы ты ни пришел, «Убик» превратится в мазь, порошок, эликсир, бальзам. Аэрозольного баллончика тебе не видать, как своих ушей. Так вот, Джо Чип. – Джори в образе провизора расхохотался, демонстрируя будто бы целлулоидные десны.

– Я могу… – Джо замолчал, собираясь с силами, – … перенести все это… в настоящее. В девяносто второй год.

– Неужели, мистер Чип? – Провизор подал ему кубическую картонную коробочку. – Вот, пожалуйста. Откройте, и вы увидите…

– Знаю, – сказал Джо. – Знаю, что я увижу. – Он закрыл глаза и сосредоточился. Вперед, приказал он флакону почечного бальзама. Переместись вперед, *в настоящее*… – Аэрозольный баллон, – сказал он вслух.

– Нет, мистер Чип, это не баллон, – сказал провизор. Он ходил по аптеке и гасил лампы. Потом открыл кассу, переложил деньги в металлический ящик и запер его на ключ.

– Ты – аэрозольный баллон, – вкладывая в эти слова всю энергию, какая у него еще оставалась, сказал Джо. – Сейчас девяносто второй год, – добавил он напряженно.

Погасла последняя лампа. В свете уличного фонаря, проникающем в окно, Джо видел коробочку, кубическую коробочку на своей ладони.

– Все, мистер Чип, – сказал провизор, распахивая дверь. – Пора по домам. Она допустила ошибку, как видите. И саму ее вы больше не встретите, слишком далеко она ушла по пути к своему новому рождению. Она и не вспоминает о нас – ни о вас, ни о Рансайтере, ни обо мне. Ей видится свет: может быть, грязно-красный, а может быть, ярко-оранжевый…

– То, что я держу в руке, – это аэрозольный баллон, – сказал Джо.

– Нет, мистер Чип, – сказал провизор. – Мне очень жаль – мне *на самом деле* очень жаль, – но – нет.

Джо поставил картонную коробочку на прилавок, повернулся и, пытаясь сохранить достоинство, начал свое долгое, медленное путешествие через аптеку – к прямоугольнику двери, которую

провизор держал открытой для него. Оба молчали, пока Джо наконец не миновал дверь и не оказался на ночном тротуаре.

Аптекарь вышел следом и запер дверь.

– Я буду жаловаться изготовителю, – сказал Джо. – На вашу… – он замолчал, что-то сдавило горло и не давало ни дышать, ни говорить. Потом это прошло. – На вашу регрессивную аптеку, – закончил он.

– Спокойной ночи, – сказал провизор. Он еще постоял, глядя на Джо, потом пожал плечами и зашагал по тротуару.

Слева от себя Джо различил во мгле скамейку. Наверное, там была автобусная остановка. Или трамвайная. Джо заставил себя дойти до скамейки и сесть. Там уже сидели два или три человека, они брезгливо отодвинулись, освобождая место – наверное, приняли за пьяного. Ему было все равно. Он чувствовал только, как прогибается под ним скамейка, не выдерживая огромного веса. Остались минуты, подумал он, несколько минут… если я все правильно помню… Боже, за что это все? Второй раз, второй!

А все-таки мы не сдались, с мрачным удовлетворением подумал он. Мимо неслись огни машин, мигали неоновые надписи, светились окна. Сопротивлялся Рансайтер, и Элла так долго билась, дралась, царапалась… А я – я чуть было не превратил этот чертов бальзам для почек в настоящий «Убик»… Да, еще бы немного – и мне бы удалось сделать это. Почему-то он был абсолютно уверен, что именно так оно и есть.

Трамвай, грохочущее железное чудовище, с жутким скрипом остановился перед ним. Сидевшие рядом люди вскочили и стали подниматься на заднюю площадку, чтобы потом пройти в салон.

– Эй, мистер! – окликнул Джо кондуктор. – Вы едете или нет?

Джо не ответил. Кондуктор подождал немного, потом дал сигнал отправления. Трамвай шумно тронулся с места и вскоре исчез из поля зрения. Желаю удачи, подумал Джо вслед трамваю. Всего самого лучшего…

Он откинулся на спинку скамейки и закрыл глаза.

– Извините, пожалуйста, вы мистер Чип?

Джо вздрогнул. К нему наклонялась незнакомая девушка в плаще из синтетической страусиной кожи. Он смотрел на нее, быстро приходя в себя. Хорошенькая и стройная, в шляпке.

перчатках, английском костюме и сапожках на высоком каблучке. В руке она что-то держала, и Джо уже понял, что именно. – Вы из Нью-Йорка, из Ассоциации Рансайтера? Мне не хотелось бы по ошибке передать эту вещь кому-то другому.

– Да, я Джо Чип, – он внимательно всмотрелся в ее лицо. В первый миг ему показалось, что это Элла, но нет – он никогда не видел этой девушки раньше. – Кто вас послал?

– Доктор Сандабар, – сказала девушка. – Молодой доктор Сандабар, сын основателя фирмы.

– А кто это? – Имя ему ничего не говорило. Хотя нет – на флаконе бальзама… – Это человек, создавший почечный бальзам? Вытяжка из листьев олеандра, ментоловое масло, древесный уголь, хлорид кобальта, окись цинка… – Силы покинули его, и он замолчал.

– Использование последних достижений науки может обратить вспять процесс обращения вещей в свои предшествовавшие формы. «Убик» продается во всех хозяйственных магазинах Земли по общедоступным ценам. Предназначен только для наружного применения. Загляните за ним туда, где вы обычно совершаете покупки, мистер Чип.

– Заглянуть– *куда?* – Джо окончательно пришел в себя. Он с трудом поднялся на ноги. – Вы ведь из девяносто второго года. То, что вы процитировали, взято из рекламного ролика Рансайтера. – Вечерний ветер обдувал и раскачивал его, и казалось, что еще немного – и его просто унесет куда-нибудь. Он сам себе казался кучей тряпья, которая каким-то чудом сохраняет форму человека.

– Да, мистер Чип, – девушка вручила ему сверток. – Вы вызвали меня из будущего, когда там, в аптеке, пытались преодолеть регресс. Я прибыла прямо с фабрики, мистер Чип. Если вы слишком слабы, я могу распылить препарат, хотите? Я официальный представитель фирмы и технический консультант. Я знаю, как его применять.

Она осторожно вынула пакет из его трясущихся рук, разорвала упаковку и направила на него струю «Убика». В сумерках баллончик блестел, буквы счастливо сверкали…

– Спасибо, – сказал он немного погодя.

– Вам лучше?

– Да. Да, конечно.

– На этот раз потребовалось гораздо меньше препарата, чем тогда, в гостинице. Вы потеряли меньше сил. Того, что осталось в баллончике, вам хватит до утра.

– А потом? Смогу я раздобыть еще?

– Ну конечно же. Раз уж сейчас у вас получилось вызвать меня сюда, то почему не получится снова? Теперь вы знаете, как это делать. – Девушка медленно отступала в тень.

– Что такое «Убик»? – спросил Джо, желая, чтобы она задержалась.

– Распылитель «Убика» представляет собой портативный газовый ионизатор с автономным питанием от гелиевой батареи напряжением двадцать пять киловольт, – заученно начала

девушка. – Отрицательные ионы, разгоняясь в циклотроне, приобретают центростремительную тенденцию, то есть стремятся больше к адгезии, чем к рассеиванию. В поле, создаваемом отрицательными ионами, антипротофазоны, которые, как вы знаете, постоянно присутствуют в атмосфере, теряют скорость, а следовательно, и способность взаимодействовать с протофазонами. Поэтому, по законам паритета, поток протофазонов, излучаемых находящимися в состоянии полужизни людьми, возрастает, при этом полуживущий чувствует прирост жизненных сил и исчезновение ощущения холода, вызванного низкой температурой хранилища. Как вы понимаете, регрессировавшие формы «Убика» не в состоянии…

– Вы постоянно говорите одно лишнее слово, – сказал Джо. – «Отрицательный». Ионы все отрицательные.

– Может быть, мы еще встретимся, – сказала девушка. – Это большая честь – доставить вам «Убик». Может быть, и в следующий раз…

– Может быть, в следующий раз вы позволите пригласить вас на ужин? – сказал Джо.

– Поживем – увидим, – сказала девушка. Она вновь начала удаляться, уходить в тень…

– Слушайте, а кто изобрел «Убик»? – спросил Джо.

– Несколько очень хороших людей. Полуживущих. Бывают, знаете, такие, у которых душа болит за всех. Элла Рансайтер, в первую очередь. Они очень долго работали над этим препаратом, но все равно он еще не очень доступен… – Она незаметно отдалялась и отдалялась от него и, наконец, исчезла.

– Встретимся в «Матадоре»! – крикнул вслед Джо. – Похоже, что Джори там неплохо поработал. Или неплохо регрессировало то, над чем он поработал! – Он прислушался, но ответа не услышал.

Бережно держа в руках баллончик, Джо направился на поиски такси. Под фонарем он поднес баллончик к глазам, чтобы прочесть надпись на этикетке.

КАЖЕТСЯ, ЕЕ ЗОВУТ МАЙРА ЛАЙНИ.
ПОСМОТРИ НА ОБРАТНОЙ СТОРОНЕ,
ТАМ ЕЕ АДРЕС И ТЕЛЕФОН.

– Спасибо, – сказал Джо «Убику». Мы одно целое с теми, кто находится по ту сторону. С полностью живущими. Пусть только словом – но они пробиваются к нам, мудрые, врачующие духи, вестники из подлинного мира. И то, что они приносят нам, греет сердце. Спасибо, Глен. Спасибо за твои стишки, этикетки, инструкции, записки. Спасибо. Ты очень помог мне.

Так думал Джо Чип.

Потом он помахал рукой, и старенький «Грэхем», бормоча, остановился у тротуара.

Глава 17

Я – Убик. Я был до того, как возникла Вселенная. Я создал солнца. Я создал миры. Я создал живые существа и расселил их там, где они обитают. Они идут туда, куда я приказываю, и делают то, что я велю. Я – слово, и никто не знает моего подлинного имени. Оно никогда не будет произнесено. Я назвал себя Убиком, но это не имя. Я – есть. Я буду во веки веков.

Глен Рансайтер никак не мог найти владельца мораториума.

– Неужели вы действительно не знаете, где он? – спросил он мисс Бисон, секретаршу. – Ясно же, что мне нужно еще раз поговорить с Эллой.

– Я обо всем распоряжусь, – сказала мисс Бисон. – Подождите в офисе 4-В, вашу жену доставят туда. В самый кратчайший срок.

В офисе 4-В Рансайтер расхаживал из угла в угол, пока не появился служащий, везущий на ручной тележке гроб с телом Эллы.

– Простите, я заставил вас ждать, – сказал он и начал настраивать коммуникационный механизм, напевая себе под нос. Через минуту работа была закончена. Проверив контакты, служащий направился к двери.

– Возьмите вот это – Рансайтер протянул ему несколько монет по пятьдесят центов, собранные по карманам. – Мне понравилось, как вы работаете.

– Спасибо, мистер Рансайтер, – сказал служащий. Он посмотрел на монеты и вдруг нахмурился. – Какие интересные деньги…

Рансайтер долго рассматривал монету. Действительно, необычные деньги, иначе не скажешь. Чей это профиль? Явно не того, кто должен быть. Но я его знаю, знаю очень хорошо…

И вдруг он узнал его.

Что же это может означать, подумал Рансайтер. В жизни своей не встречался ни с чем более странным. Все можно объяснить, но это?..

Откуда Джо Чип взялся на монетах в пятьдесят центов?

Рансайтера вдруг пронзило леденящее душу предчувствие, что, если он вывернет сейчас карманы и бумажник, все его деньги окажутся с этим надменным профилем…

Впрочем, все еще было впереди.

notes

Примечания

1

Болезнь обмена веществ у дойных коров и свиноматок. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

2

Бейсбольная команда.

3

Судебный процесс 1925 года в городе Дейтоне, штат Теннесси, над учителем Д. Скопсом, который обвинялся в том, что излагал в школе эволюционную теорию Дарвина; обвинителем на суде выступил крайне правый политик, один из лидеров демократической партии У. Дж. Брайан.